

Цитаты номера

Будущее конкуренции между Россией и Ираном можно поставить в зависимость от следующих факторов: во-первых, это осознанное решение Ирана по выходу на целевые для России рынки (прежде всего неевропейский), во-вторых, это перспективы координации действий в рамках существующих институтов на газовых рынках. Что касается прямой конкуренции, то, как показал обзор приоритетов Ирана, в ближайшей перспективе воз можно лишь ограниченное пересечение сфер экспортных интересов двух стран. А существующие институты не позволяют координировать действия участников по типу картели.

На мой взгляд, гиперзвуку уделяется неоправданно много внимания. Нередко приходится слышать, что его рассматривают чуть ли не как панацею ото всех возможных угроз. Между тем это далеко не так. На сегодняшний день речь идет о разработке самой технологии гиперзвука, так как разработка (а впоследствии производство носителя) с нынешних позиций неоправданно дорога. Сейчас можно говорить о ведущихся изысканиях в отношении двигателей и материалов.

В сфере ВТС, вероятно, Россия постарается использовать конфронтацию с Западом для поиска новых импортеров, которые уважают твердую политическую позицию, а также для возвращения на рискованные рынки вооружений: например, такие как Иран и даже КНДР.

В 2015 г. США будут втягиваться в события на Украине, выступая на стороне Киева. Особую поддержку они окажут партиям и экстремистским группировкам, которые выступают за силовое подавление юго-востока Украины. Возможны новые санкции в отношении России и жесткие требования к союзникам: придерживаться антироссийского курса как в политическом, так и в экономическом аспектах. США активизируют свою антироссийскую политику в Молдове, Грузии и других странах СНГ, осуществляя доктрину отбрасывания России и ее интересов по всем азимутам сотрудничества в ближнем зарубежье.

Многие знания — многие печали. И это не нами сказано. Делая человека образованным, умным, разбирающимся в том, что происходит вокруг, вы, по определению, делаете его несчастным. Он же будет разочарован во всем. А так он будет строем ходить, по Бертольду Брехту, и будет счастлив, будет бить в барабан. Поэтому выбирайте: да или нет. Уходите в частную жизнь бабочек коллекционировать — или рассказываете, что в мире происходит (с той степенью объективности, с какой можете). А дальше будь что будет. Только так цивилизации и сохраняются.

Если у Ирана внезапно закончится обогащенный уран и он не сможет нас обеспечивать, мы сможем обратиться к МАГАТЭ. Это как занимать деньги в обычном банке: не всегда можно рассчитывать только на личный доход, время от времени приходится идти в банк. Это такая подушка безопасности, которая подстрахует нас, если топливный цикл или что-то еще пойдет не так, например, по политическим причинам. Ближний Восток — очень непостоянное место: сегодня мы друзья, а завтра может быть совсем другой разговор.

Ирина Миронова

Андрей Григорьев

Вадим Козюлин

Армен Оганесян

Евгений
Сатановский

Мохамед Шакер

Российский
журнал
о международной
безопасности

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ № 1 (112), Том 21

ВЕСНА 2015

PIR PRESS

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№ 1 (112) 2015

ПИР-Пресс представляет

Владимир Нечаев

Андрей Григорьев

Дмитрий Тренин

Ирина Миронова

Круглый стол

Мохамед Шакер,
Аднан Шихаб Альдин

ФАТФ В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ
И РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ОМУ

ЗАЩИТНИК БУДУЩЕГО: ВЗГЛЯД В 2030 ГОД

ОЧЕРКИ НОВОЙ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

ИРАН — ГАЗОВЫЙ КОНКУРЕНТ РОССИИ?

ОБ ИРЛАНДСКИХ МОНАХАХ, ИЛИ ВОЗМОЖНА ЛИ
НЕЗАВИСИМОСТЬ ДЛЯ ФАБРИК МЫСЛИ

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ ЯДЕРНЫЙ ЦИКЛ

2802
1.01.2015

2723
1.02.2015

2744
1.03.2015

2726
1.04.2015

Ядерный Контроль

*Имя, знакомое 20 лет
Имя, которое ни с чем не спутать
Имя — синоним высокой репутации
Сегодня — в современном формате*

Ежемесячный Информационно-аналитический электронный бюллетень ПИР-Центра, посвященный вопросам ядерного нераспространения, контроля над вооружениями, ядерной безопасности и атомной энергетики, выходит с 2000 г.

«Эффект от выступления премьер-министра Израиля перед Конгрессом США остался неоднозначным»
[Подробнее](#)

«Нужна уверенность, что проблемы, связанные с индийским законом о гражданской ответственности, будут решены»
[Подробнее](#)

«Считать, что после снятия эмбарго Иран начнет резко скупать вооружения по всему миру, будет преувеличением»
[Подробнее](#)

«Хорошее издание, поздравляю!».

Андрей Картунов,
генеральный директор
Российского совета по международным делам

Мы рады предложить нашим читателям тщательно отобранные новости, свежие интервью, а также аналитику ПИР-Центра по ключевым вопросам в ядерной сфере.

Бесплатно. Ежемесячно — на ваш компьютер, планшет, телефон
subscribe.pircenter.org

О СУДЬБЕ

С судьбой следует обходиться, как со здоровьем: когда она нам благоприятствует — наслаждаться ею, а когда начинает капризничать — терпеливо выжидать, не прибегая без особой необходимости к сильнодействующим средствам.

Ларошфуко, «Максимы и моральные размышления»

Il faut gouverner la fortune comme la santé: en jouir quand elle est bonne, prendre patience quand elle est mauvaise, et ne faire jamais de grands remèdes sans un extrême besoin.

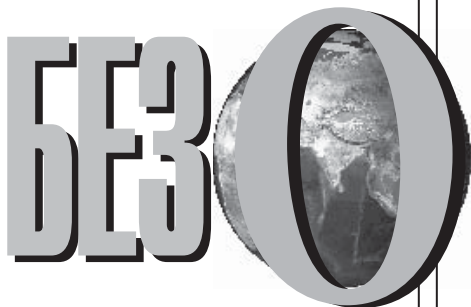
François de La Rochefoucauld, «Réflexions ou Sentences et Maximes morales»

К О Н Е Ц Ц И Т А Т Ы

Научно-практический
журнал

Выходит четыре раза
в год на русском
и английском языках

Российский журнал
о международной
безопасности

SECURITY INDEX

Издается с ноября 1994 г.
(с 1994 по 2006 г. выходил
под названием «Ядерный
Контроль»)

ISSN 1992-9242

Non multa, sed multum

ИНДЕКС ПАСНОСТИ

№ 1 (112), Том 21
Весна 2015

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

Издается с ноября 1994 г. В период с 1994 до 2006 г. выходил под названием *Ядерный Контроль*. Выходит четыре раза в год на русском и английском языках. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-60198 от 17.12.2014 г. 16+. Для лиц старше 16 лет.

Учредитель

Общество с ограниченной ответственностью
«ПИР-ПРЕСС»

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов — главный редактор
Сергей Б. Брилев
Владимир З. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Азер А. Мурсалиев
Дмитрий В. Поликанов
Сергей Э. Приходько
Сергей А. Рябков
Николай Н. Спасский
Екатерина А. Степанова
Юрий Е. Федоров
Константин фон Эггерт
Михаил В. Якушев

№ 1 (112), Том 21

Весна 2015

Дата выхода номера: 13.04.2015 г.

Редакция

Орлов В.А., главный редактор
[orlov@pircenter.org]
Старчак М.В., помощник главного редактора [editor@pircenter.org]
Трухтанова Е.А., технический редактор
Макеева Е.И., корректор

Адрес редакции и издателя

123242, г. Москва, ул. Дружинниковская,
д. 30, стр. 1

Интернет-представительство:

<http://si.pircenter.org>

Подписка:

- По России и СНГ: Роспечать, индекс 80666 (см. с. 26)
- По России и СНГ: Пресса России, 10337, <http://www.ppressa-rf.ru/cat>
- По всему миру: ООО *Триалог*, Тел.: +7 (985) 764-98-96
- По всему миру: *East View Informational Services*, <http://eastview.com>

Редакционная политика

- Материалы *Индекса Безопасности* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения редакции и являются исключительно взглядами авторов

Тираж (русское и глобальное издания) 2000 экз.

Свободная цена

Отпечатано в ООО «Центр полиграфических услуг «Радуга», 115280, Москва, ул. Автозаводская, д. 25

© ПИР-Пресс, 2015

О Т Р Е Д А К Т О Р А

- 7 **Кредо-эксперто** — Владимир Орлов

В Д Е С Я Т К У

- 10 **Об экспертах**

И Н Т Е Р В Ь Ю

- 11 **ОДКБ перед лицом старых и новых вызовов** — Виктор Васильев

Насколько успешна деятельность ОДКБ как многофункциональной организации и каковы ее цели на будущее? Каковы приоритеты России в ОДКБ? Как выстраивается единство организации и какова реакция ОДКБ на *цветные революции*? На эти и другие вопросы журнала *Индекс Безопасности* отвечает полномочный представитель России при ОДКБ Виктор Васильев.

Ключевые слова: ОДКБ, региональная безопасность, цветные революции, Центральная Азия.

- 17 **Мегaproект *Защитник будущего*: смотрим в 2030 год** — Андрей Григорьев

В мире зарождается новый технологический уклад, базирующийся на передовых открытиях в области биотехнологий, нанотехнологий, информационных систем. Для того чтобы Россия не оставалась в стороне от этих процессов, в 2012 г. был создан Фонд перспективных исследований (ФПИ). О перспективах развития российских научных исследований и производства высокотехнологичной продукции военного, специального и двойного назначения рассказывает генеральный директор ФПИ Андрей Григорьев.

Ключевые слова: новый технологический уклад, оборонно-промышленный комплекс, высокотехнологическая продукция.

- 21 **Эффективные средства борьбы с отмыванием денег, финансированием терроризма и распространением ОМУ должны быть внедрены повсеместно** — Владимир Нечаев

40 рекомендаций по выявлению и предупреждению отмывания денег, разработанные Группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), казалось бы, не являются обязательными инструментами в соответствии с международным правом. Тем не менее, они стали глобальным стандартом, так как большинство стран мира приняло на себя политическое обязательство их выполнять. О роли ФАТФ в противодействии отмыванию денег, финансированию тер-

роризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения журналу *Индекс Безопасности* рассказывает президент ФАТФ (2013–2014) Владимир Нечаев.

Ключевые слова: ФАТФ, отмывание денег, финансирование терроризма.

А Н А Л И З

29 **Афганистан в новых военно-политических реалиях: что это значит для его соседей в Центральной Азии?** — Юрий Федоров

Вторжение джихадистских группировок из Афганистана, способное серьезно дестабилизировать политическую ситуацию в государствах Центральной Азии, возможно при сочетании нескольких условий, таких как установление контроля талибов над северными афганскими провинциями, поддержка руководством Талибана планов интервенции в соседние страны, накопление вблизи границ с Таджикистаном, Узбекистаном или Туркменистаном отрядов интервенционистских сил и создание там их опорных баз, паралич вооруженных сил и органов безопасности центральноазиатских государств в результате обострения противоречий и конфликтов в их правящей верхушке, говорит член редколлегии журнала *Индекс Безопасности* Юрий Федоров.

Ключевые слова: МССБ, Центральная Азия, Афганистан, терроризм, исламизм.

47 **Страны Центральной Азии: новое место на дуге кризисов** — Наталья Харитонова

Изменяющийся характер угроз и вызовов региональной безопасности в контексте исламизации может привести к масштабной дестабилизации всей Центральной Азии. С другой стороны, охлаждение отношений России со странами Запада приводит к росту конкуренции за Центральную Азию и еще большему снижению координации в борьбе с терроризмом. Центральноазиатский узел противоречий, скорее всего, станет новым звеном на так называемой *дуге кризисов*, считает преподавать МГУ Наталья Харитонова.

Ключевые слова: Центральная Азия, ISAF, исламизация, дуга кризисов.

59 **Россия и Иран на мировых газовых рынках: будущая конкуренция неизбежна?** — Ирина Миронова

Россия и Иран обладают крупнейшими в мире запасами природного газа, однако в силу причин экономического и геополитического характера имеют совершенно разный вес на мировых рынках природного газа. Изменения, которые рынки газа претерпевали на протяжении 2014 г., а также развитие геополитической ситуации для обеих стран могут существенно повлиять на положение двух стран на энергетических рынках, в том числе привести к конкуренции между ними. В статье научного сотрудника Института энергетических исследований Ирины Мироновой проанализированы основные сценарии развития энергетических рынков, приоритеты Ирана в части объемов и направлений экспорта природного газа, а также рассмотрены реальные возможности соперничества между двумя странами на ключевых региональных рынках.

Ключевые слова: Иран, природный газ, энергетическая безопасность, мировой газовый рынок.

69 **Противодействие черному рынку ядерных технологий: международные усилия и российские оценки** — Александр Чебан

В последнее время благодаря усилиям международного сообщества вероятность нелегальной торговли ядерными материалами значительно снижена. Однако все еще существует опасность того, что из ядерных государств в нежелательные руки могут попасть технологии или оборудование, пригодные для разработки и создания ядерного оружия. Мировой оборот ядерных технологий контролировать значительно труднее, чем оборот ядерных материалов. Россия обладает развитыми ядерными технологиями и поэтому привлекает потенциальных участников черного ядерного рынка. В то же время Россия может оказывать существенное влияние на эффективность международных усилий по противодействию нелегальной торговле ядерными технологиями. Поэтому понимание российской позиции по отношению к международному противодействию черному ядерному рынку является крайне важным, считает сотрудник Одесского национального университета Александр Чебан.

Ключевые слова: ядерный терроризм, ядерные технологии, ядерная безопасность, экспортный контроль.

К Р У Г Л Ы Й С Т О Л

87 **Об ирландских монахах, или роль независимых экспертных центров и СМИ в российской внешнеполитической дискуссии** — Федор Лукьянов, Юрий Надточей, Владимир Орлов, Евгений Сатановский, Елена Черненко, Константин фон Эггерт

Что такое независимые экспертные центры? Как они могут влиять на внешнюю политику? Возможна ли в принципе *независимая* экспертиза внешней политики в России? Не работают ли экспертные центры сами на себя и являются ли теми *фабриками мысли*, которыми сами себя провозглашают? Приглашенные ПИР-Центром эксперты размышляют над данными вопросами.

Ключевые слова: экспертные центры, внешняя политика, НКО, СМИ.

- 95 **Россия, угрозы ее безопасности и ответы на них: ожидания-2014 и реальность-2015** — Дмитрий Евстафьев, Вадим Козюлин, Армен Оганесян, Андрей Суздальцев

Год назад эксперты и друзья ПИР-Центра оценили, по нашей просьбе, состояние международной безопасности, в тех аспектах, которые представляли наибольшие, с их точки зрения, угрозы России, и предложили свои прогнозы на 2014 г. Говорили о Ближнем Востоке, об Украине, о Китае. Оценивали эффективность военного строительства России, потенциал ее военно-технического сотрудничества (ВТС). Спустя год, мы предложили этим же экспертам, уже с высоты сегодняшнего дня, оценить свои же прогнозы с учетом прошедших событий и дать, в их развитие, краткие прогнозы уже на 2015 г.

Ключевые слова: международная безопасность, Украина, Ближний и Средний Восток, КНР, военное строительство, военно-техническое сотрудничество.

ПОЛЕМИКА

- 105 **Ближневосточный ядерный цикл: возможна ли регионализация?** — Мохамед Шакер, Аднан Шихаб Эльдин

Регионализации иранского ядерного топливного цикла (ЯТЦ) будет иметь смысл после решения острых политических вопросов. Теоретически и чисто технические богатейшие мощности Ирана могут использоваться всем регионом. Но подобный проект вряд ли удастся реализовать сейчас или в ходе переговоров по иранской ядерной программе. О ряде коммерческих и политических сложностей, серьезно препятствующих регионализации иранского ЯТЦ, делаются своим мнением бывшие сотрудники МАГАТЭ Шихаб Аднан Эльдин (Кувейт) и Мухамед Шакер (Египет).

Ключевые слова: ЯТЦ, ЗСОМУ, Иран, Ближний Восток, атомная энергетика.

КОММЕНТАРИИ

- 115 **О фрагментации интернета: старые вопросы и новые вызовы** — Александра Куликова

Последние законодательные инициативы в Российской Федерации, касающиеся запрета на хранение персональных данных россиян за пределами РФ, необходимости хранить метаданные о коммуникациях пользователей в течение как минимум шести месяцев, а также дискуссия о возможности дублирования корневых структур сети для устойчивости рунета, часто обсуждаются в русле опасений о нарастающей фрагментации интернета. Такая деятельность многим экспертам видится как покушение на единый и открытый интернет.

Ключевые слова: управление интернетом, киберпространство, суверенность данных.

- 121 **О переходе российской экономики к шестому технологическому укладу через оборонный комплекс** — Олег Демидов

В своей статье научный сотрудник ПИР-Центра анализирует программную статью заместителя председателя правительства Российской Федерации Д. О. Рогозина «Робот встанет под ружье». Осознав тяжесть начинающегося структурного кризиса в экономике и отсутствие реальных стратегий по выходу из него, политическое руководство дает оборонно-промышленному комплексу карт-бланш. Нюанс в том, что речь идет не просто о поиске новых точек экономического роста, а о выходе из структурного тупика.

Ключевые слова: военно-промышленный комплекс, шестой технологический уклад, инновации.

- 129 **Контроль над вооружениями: проблема настоящего** — Евгений Мясников

Контроль над вооружениями переживает сложные времена. Мысли о том, что контроль над вооружениями подрывает национальную безопасность России, раздаются в СМИ на протяжении уже более двадцати лет, так же как и призывы прекратить выполнение договоров по РСМД, открытого неба, Венского документа, СНВ и даже ДНЯО. Но никогда раньше не было столь сильного ощущения, что эти доводы достигают своей цели, говорит директор Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии Евгений Мясников.

Ключевые слова: разоружение, РСМД, ДНЯО, БПЛА.

- 133 **Индекс iSi за 2014 год** — Евгений Бужинский, Дайан Джаятеллека, Сержио Дуарте, Пал Дунай, Николай Злобин, Галя Ибрагимова, Халил Каравели, Андрей Кортунюв, Абдулазиз Сагер, Евгений Сатановский, Фарход Толипов, Нандан Унникришнан, Мустафа Фетоури, Сехларе Макгетланенг, Константин фон Эггерт

В прошедшем году с безопасностью в мире стало хуже: украинский кризис не был разрешен и перерос в вооруженное противостояние на Донбассе; вхождение Крыма в состав России вызвало критику Запада и принятие санкций против Москвы. В мире заговорили о начале новой холодной войны. Появление радикальной группировки Исламское государство усугубило ситуацию на Ближнем Востоке и в Африке.

Б И Б Л И О Т Е К А

- 147 **От идей к военным технологиям** — Дмитрий Чижов

В конце 1990-х — начале 2000-х гг. произошли изменения, окончательно определяющие приоритеты в развитии вооруженных сил стран Западной Европы. Этими приоритетами стали формирование сравнительно небольших мобильных, гибких в применении вооруженных сил и развитие средств обеспечивающих эффективное проецирование силы. В то же время нехватка средств на финансирование заграничных операций сделала неизбежным процесс объединения усилий ключевых стран в этом направлении.

Ключевые слова: оборонная политика, военные технологии, обычные вооружения, ОМУ, Западная Европа.

- 151 **Хулиганство с интегрированными коммуникациями** — Вячеслав Трубников

Книга Д.Г. Евстафьева является первым серьезным научным исследованием, в котором обосновывается и формулируется само понятие *интегрированные коммуникации*. Мы часто слышим его, употребляем сами, но не всегда задумываемся о том, что стоит за этим словосочетанием. Можно спорить, дополнять и корректировать авторскую трактовку данного понятия, но отрицать ту базу, на которой эта трактовка выстроена, будет очень сложно.

Ключевые слова: интегрированные коммуникации, информационное общество, информационная безопасность, управление интернетом, киберугрозы.

К Н И Ж Н Ы Е Н О В И Н К И

- 153 Паата Гвишиани, Джейкоб Коквелл, Александра Куликова, Владимир Орлов, Дмитрий Шихов — научные сотрудники, стажеры и практиканты ПИР-Центра предлагают обзор новых поступлений в библиотеку ПИР-Центра.

Р Е Д А К Т О Р У

- 161 **В преддверии Обзорной конференции ДНЯО 2015 г.: приоритеты следует переосмыслить, акценты — изменить** — Тарик Рауф

- 165 **Ядерный Контроль: название из вчера, формат из завтра** — Артем Гончарук

- 166 **Оперативно... Еще оперативнее?** — Андрей Кортунюв

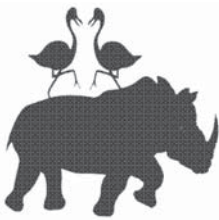
- 167 SUMMARY

- 171 ОБ АВТОРАХ

- 179 ПИР-ЦЕНТР

- 180 МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА

К О Н Е Ц . Ц И Т А Т Ы

Когда этот номер готовился к верстке, мне на глаза попались слова, сказанные главным экономистом швейцарского банка *UBS* Андреаса Хеферта в прошлом декабре по случаю выхода глобального прогноза, подготовленного банком на 2015 г.:

«Мы должны понимать, что прогнозы обычно скорее неверны, чем верны. Мы видим множество примеров ошибочных прогнозов. Пожалуй, самую большую в истории ошибку в прогнозе сделал известный экономист Ирвинг Фишер, который в сентябре 1929 г. заявил, что «акции достигли постоянно высокого уровня». А в недавнем прошлом председатель ФРС Бен Бернанке заявил в 2008 г., что он ожидает улучшения ситуации в экономике во втором полугодии».

«Это показывает, — продолжает Хеферт, — что мы мало знаем о будущем, и, по-видимому, мы, экономисты, не можем правильно предсказать рецессию. Поэтому, когда вы строите свою инвестиционную стратегию, не слишком полагайтесь на прогнозы. И все же многие инвесторы делают именно это. Анекдот, рассказанный Кеннетом Эрроу, лауреатом Нобелевской премии по экономике, хорошо иллюстрирует эту склонность. Во время Второй мировой войны Кеннет Эрроу работал статистиком в метеорологической службе Армии США. Глядя на прогнозы погоды, он думал: «Они всегда ошибочны, так зачем мы их готовим?». Он написал начальству докладную записку: «Мы тратим много денег на прогнозы, а они того не стоят». Пришел ответ: «Мы все знаем, что прогнозы ошибочны. Но они нужны нам для планирования».

«Удивительная поведенческая ошибка, — заключает главный экономист *UBS*, — состоит в том, что, даже если вы знаете, что используемые вами прогнозы неверны, они все равно дают вам чувство защищенности».

Что ж, в этом номере *Индекса Безопасности* нет недостатка в прогнозах — не потому ли, что мы интуитивно хотим дать читателям чувство большей защищенности? Или все-таки это оттого, что мы настолько амбициозны (кто-то скажет *арrogантны*), что рассчитываем, что прогнозы в нашем журнале и наших экспертов будут *более точными*?

Прежде всего обращу ваше внимание на круглый стол «Россия, угрозы ее безопасности и ответы на них: ожидания–2014 и реальность–2015», в котором участвуют эксперты из *Высшей школы экономики, Московского центра Карнеги, журнала Международная Жизнь, а также ПИР-Центра*. Точнее, это даже не вполне круглый стол, а эксперимент, перекидывающий мостик из декабря 2013 г. и марта 2014 г. в март года нынешнего. Дмитрий **Тренин**, Дмитрий **Евстафьев**, Армен **Оганесян**, Вадим **Козюлин** и Андрей **Суздальцев** в свое время — кто-то год назад, кто-то чуть

больше — представили нам свои прогнозы о том, **с какими угрозами и вызовами столкнется Россия и как она на них отреагирует**. И вот теперь весной 2015 г. они не просто глядят на собственные прогнозы того совершенно не возможного для прогнозирования года, но и предлагают свой взгляд уже в 2015 г. И любопытное дело: вдруг выясняется, что значительная часть ранее сделанных ими прогнозов сбылась. Пророков, конечно, нет в отечестве своем; как пел Высоцкий, с ними и в других отечествах не густо. Но тем не менее тотальный пессимизм по поводу прогнозов главного экономиста *UBS* — не элегантная ли перестраховка?

Другой прогноз — аж до 2030 года — делает в своем интервью генеральный директор Фонда перспективных исследований Андрей **Григорьев**. Задачи фонда таковы, что кому, как не Григорьеву, зорко разглядывать будущее, чтобы на базе передовых открытий в области биотехнологий, нанотехнологий, информационных систем не *прозевать* инвестиции в производство высокотехнологичной продукции, прежде всего военного назначения. Из этого интервью становится понятнее, **какими они могут стать российские Вооруженные силы образца 2030 года**. Всего-то через 15 лет. Наверное, сегодня интересно было бы сравнить соответствующие прогнозы образца 2000 года и что имеем. О том, что отсутствие реальных стратегий до последнего препятствовало переходу российской экономики к шестому технологическому укладу через оборонно-промышленный комплекс, пишет Олег **Демидов**. Но он тут же предупреждает о масштабности задачи, балансирующей на грани невозможного: речь идет не просто о поиске новых точек экономического роста, а о выходе из структурного тупика.

Третий прогноз — **о будущем рунета** — прорисовывает Александра Куликова. Заглядывая вперед, она отталкивается в своих проекциях как от свежепринятого российского законодательства в интернет-сфере, так и от обсуждаемых сейчас законодательных инициатив. Насколько эти инициативы отражают *наказ избирателей*, ожидания российского общества? Насколько свобода рунета и необходимость его защиты от возможного внешнего воздействия или даже обрушения совместимы? Смогут ли власти пройти здесь между Сциллой и Харибдой? Или же *наказ* сегодняшних избирателей как раз и заключается в том, чтобы законодатели и силовые структуры трансформировали *интер-нет* сегодняшнего дня в *интер-да* дня завтрашнего (дословно заимствуя здесь образ из антиутопии нашего современника)?

Прошедшие 12 месяцев — год не календарный, но политический — окончательно оформили ситуацию, когда Россия *отчалила* от Запада.

Для внешней политики России начинаются интересные времена, когда, сохраняя независимую позу и всем своим видом показывая, что в одиночестве нам лучше, чем с дурными попутчиками, все-таки надо выстраивать партнерства в тех регионах мира, где к таким партнерствам готовы, а имеющиеся партнерства, носящий пока преимущественно символический характер, *конвертировать* в практическое русло. Легко сказать...

Юридически союзников у России немного — это только члены Организации договора коллективной безопасности (ОДКБ). Уж ими точно разбрасываться нельзя, тут точно — время *собирать камни*. Но как выстроить единство этой организации? Как сделать так, чтобы этот военно-политический союз зазвучал заметно и стал заметен глобально? Об этом размышляет Виктор **Васильев**. Однако понятно, что союзников могут объединить как общие интересы, так и общие угрозы. При этом исходить они могут как извне, так и изнутри самих границ союза. К чему придется готовиться государствам Центральной Азии (часть из них традиционно состоит в ОДКБ, а другая часть пока повернулась боком либо мечется)? Насколько вооб-

ще устойчивы режимы центральноазиатских государств? В скорое будущее Центральной Азии пытаются заглянуть Юрий **Федоров** и Наталья **Харитонова**.

А вот устойчивость Ирана на региональной и мировой сцене у наших экспертов вопросов, судя по всему, не вызывает. Иранцы пока что блестяще играют партию с *шестеркой* по ядерным вопросам. В начале апреля сего года в Лозанне удалось развить успех Женевы–2013. Достигнутые договоренности должны, как мне представляется, в равной мере устраивать и Иран, и Соединенные Штаты, и остальных участников переговорного процесса. Ко всему прочему все мировое сообщество получило хорошее подтверждение преимуществ дипломатии над применением силы и над политикой угроз в канун трудной Обзорной конференции по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Другое дело — превратить *рамочную договоренность* в стабильно работающую. Иранцы настроены на транспарентность своей программы. Это необходимое условие устойчивого прогресса. А американцы? Готовы ли они к снятию санкций с Ирана — при этом, я спрашиваю не столько о действующей администрации, сколько о Конгрессе и об администрации будущей? Обама так *вложился* в переговоры с Ираном, что теперь слишком сильно зависит от успехов на этом фронте — и по этой же самой причине слишком уязвим для своих критиков как внутри Соединенных Штатов, так и в Израиле и в Саудовской Аравии.

С точки зрения России, Иран без ядерного оружия, Иран с транспарентной и при этом активно развивающейся мирной ядерной программой, Иран предсказуемый — это все несомненные блага. Все последние годы Россия как раз упорно (правда, нешумно) работала над приближением подобной дипломатической развязки.

Но вот подготовила ли Россия почву для собственного внешнеполитического и, особенно, внешнеэкономического прорыва на иранском треке? Либо тут все так засекречено и успехи так закамуфлированы, что не видны, либо нет, кроме разве что атомной энергетики и ВТС — не подготовила... А между тем сблизиться с Ираном России нужно, системно и серьезно, и это не должно, не может быть конъюнктурной сближение в пику американцам (иранцы же первые нас в этом не поймут). Возможности для роста товарооборота колоссальные. А прием Ирана в ШОС в качестве полноправного члена уже в Уфе летом сего года мог бы стать серьезным отправным шагом для укрепления регионального сотрудничества. Да, я знаю: есть решение ШОС... санкции еще не сняты... и т. п. Но не для того ли Россия — хозяйка саммита ШОС, чтобы активно формировать правила игры, работать с нашими партнерами по ШОС (ни у кого из них, кстати, нет аллергии на Иран), а не перестраховываться — что проще всего, но что дивидендов не добавит.

Однако вот и новый сценарий поспекает: Россия и Иран как главные конкуренты на мировом газовом рынке, — и это уже в ближайшем будущем. С выходом Ирана из-под санкций, с одной стороны, и с отталкиванием европейцами России, с другой, два ведущих мировых экспортера природного газа могут столкнуться... или же, напротив, могут *срежиссировать* и скоординировать свои интересы на тех или иных рынках. Об этом сценарии и его вариантах — Ирина **Миринова**.

Другой сценарий, становящийся все более реалистичным после лозаннских договоренностей: Иран как региональный центр ядерных услуг для всего региона Ближнего и Среднего Востока. А ведь еще совсем недавно многие наши собеседники в регионе и за его пределами считали, что это из области ненаучной фантастики. Но мы знали, что несколько авторитетных экспертов — причем не иранцев — размышляют над таким поворотом: это египтянин Мохамед **Шакер**, кувейтянин Аднан **Шихаб Эльдин** и американец Томас **Пикеринг**. Сегодня их идеи воспринимаются как вполне актуальные.

Окончание редакционной статьи см. на с. 16

Мы начали с разговора о прогнозах. Конечно, здесь есть элемент игры. Часть прогнозов все-таки сбывается (иногда к искреннему удивлению прогнозистов). Если уйти от экономики и посмотреть на прогнозы в области международной безопасности, то и геноцид в Руанде, и сепаратизм в Косово, и сотрясения из-за Украины — все это было научно предсказано за годы до событий.

Поэтому появляется следующий вопрос: а кто слушает экспертов-предсказателей? И слушают ли вообще? Зачем вообще работают *фабрики мысли*? Об этом мы говорили в ходе еще одного круглого стола, где вместе со мной участвовали Елена **Черненко**, Евгений **Сатановский**, Федор **Лукьянов**, другие коллеги. Евгением Сатановским был высказан тезис о том, что, безусловно, *фабрики мысли* в конечном итоге мало на что влияют, однако лучшие из них должны выполнять ту же функцию, которые выполняли ирландские монахи после падения Римской империи — сохранения знания. Хотя бы так.

На это Юрий **Надточей** задался принципиальным, на мой взгляд, вопросом: «А можем ли мы говорить о том, что формирование социальной среды, на которую экспертное сообщество могло бы воздействовать, готово к тому, чтобы сформироваться в нужном для экспертной среды направлении, с учетом того, что сейчас массовое сознание так экзальтированно выработало себе такой прочный и мощный иммунитет для альтернативной точки зрения, что в данном случае это будет некая попытка плыть против течения, традиционного течения? А если говорить о том, что просвещение с помощью качественной экспертизы могло бы быть адресовано не широким массам, не аудитории Первого канала, а более узкой прослойке интеллигенции, давайте посмотрим с гуманистической точки зрения: а не сделаем ли мы этих людей несчастными? Потому что получится, что эта узкая группа интеллигенции станет заложниками толпы *хунвейбинов*, которые могут надеть на них знаменитые колпаки».

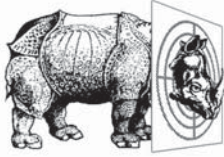
Прочитайте, что ответил на это Евгений Сатановский (подсказываю: мы даже на последнюю обложку этот ответ вынесли).

Но редакция *Индекса Безопасности* предложила также альтернативный ответ — устами Джона Ле Карре, из «Русского дома»: «Эксперты — наркоманы. Они ничего не решают!.. Когда нас будут вешать, но вешать нас будут эксперты. Когда мир будет уничтожен, то уничтожат его не сумасшедшие, а здравый смысл экспертов...»

Еще одна подсказка: полностью эту цитату мы поместили в раздел «В десятку». They are our jailers — так это начинается на языке оригинала.

Вот и кому теперь верить, если *не кредо и не эксперто*.

Владимир Орлов

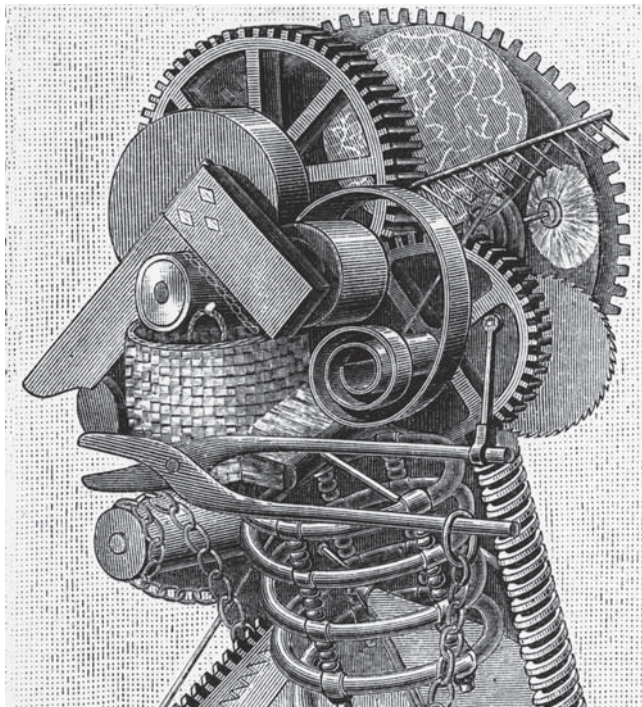
В ДЕСЯТКУ: ОБ ЭКСПЕРТАХ

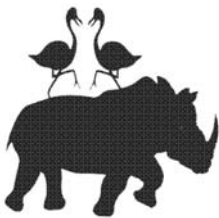
Не терплю экспертов! Они наши тюремщики. Никого в жизни я не презираю так, как экспертов. Эксперты — наркоманы. Они ничего не решают! Они слуги нанявшей их системы. Они продлевают ее существование. Когда нас будут пытать, то пытать нас будут эксперты. Когда нас будут вешать, то вешать нас будут эксперты... Когда мир будет уничтожен, то уничтожат его не сумасшедшие, а здравый смысл экспертов и суперневежество бюрократов.

Джон Ле Карре, «Русский дом»

I do not like experts. They are our jailers. I despise experts more than anyone on earth... They solve nothing! They are servants of whatever system hires them. They perpetuate it. When we are tortured, we shall be tortured by experts. When we are hanged, experts will hang us... When the world is destroyed, it will be destroyed not by its madmen but by the sanity of its experts and the superior ignorance of its bureaucrats.

John Le Carre, «The Russia House»

Виктор Васильев:

«ОДКБ ПЕРЕД ЛИЦОМ СТАРЫХ И НОВЫХ ВЫЗОВОВ»

Договор о коллективной безопасности был подписан 15 мая 1992 г. и первоначально его подписали почти все республики бывшего Советского Союза, кроме прибалтийских республик. Понадобилось целое десятилетие для того, чтобы из механизма цивилизованного развода договор превратился в полноценную международную организацию. Не все первоначальные участники договора стали членами Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и на сегодняшний момент ими являются шесть государств — кроме Российской Федерации, это Республика Армения, Республика Беларусь, Казахстан, Киргизия и Таджикистан. Пройдя путь от договора до региональной организации, перед ОДКБ стоит новая задача — трансформироваться в многофункциональную организацию.

Насколько успешна деятельность ОДКБ в новом качестве и каковы ее цели на будущее? Каковы приоритеты России в ОДКБ? Как выстраивается единство организации и какова реакция ОДКБ на цветные революции? На эти и другие вопросы отвечает полномочный представитель России при ОДКБ Виктор Васильев¹.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: ОДКБ — это прежде всего военно-политический союз, предназначенный для реагирования на так называемые традиционные угрозы безопасности. Какими механизмами располагает ОДКБ для их отражения? Каковы их задачи и пределы ответственности?

ВАСИЛЬЕВ: Для отражения традиционных военных угроз созданы региональные группировки войск в восточно-европейском, кавказском и центральноазиатском регионах. Кроме того, к 2010 г. была сформирована так называемая стратегия кризисного реагирования, которая предусматривает коллективные действия для защиты безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитета государств — членов ОДКБ. В 2009 г. сначала были созданы так называемые Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР), а затем миротворческие силы ОДКБ.

Коллективные силы оперативного реагирования — это основные общие силы ОДКБ, помимо, разумеется, национальных сил каждого государства. Они выполняют общие задачи, но КСОР — это самая мощная объединительная группировка в рамках ОДКБ. Причем в силы КСОР входит не только военная группировка, но и сотрудники других силовых ведомств. Это силы специальных служб, министерств внутренних дел, безопасности, а также группы по ликвидации чрезвычайных ситуаций. Эти силы призваны реагировать на те кризисы и кризисные ситуа-

И
Н
Т
Е
Р
В
Ь
Ю

ции, которые возникают в зоне ответственности, т.е. внутри государств — членов ОДКБ. Созданы также миротворческие силы ОДКБ, которые могут выполнять миротворческие функции и за пределами зоны ответственности организации.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Известно, что ОДКБ трансформируется в сторону многофункциональной организации. Каковы примеры ее многофункциональности? Есть ли приоритетные направления деятельности?

ВАСИЛЬЕВ: Действительно, в 2006 г. Советом коллективной безопасности, т.е. главами государств, была поставлена задача трансформации ОДКБ в многофункциональную структуру противодействия вызовам и угрозам безопасности, фактически в многофункциональную международную организацию. В частности в 2006 г. при Совете министров иностранных дел была создана Рабочая группа по Афганистану, это подчеркнуло, какое направление и какие задачи являются главными для ОДКБ. Кроме этого, Рабочая группа обсуждает проблематику Северного транзита. Как известно, с территории Афганистана осуществляется вывоз Международных сил содействия безопасности (МССБ), и, соответственно, страны ОДКБ участвуют в так называемом Северном транзите, а Рабочая группа координирует позиции членов организации по данному вопросу.

Еще один пример деятельности ОДКБ — это противодействие наркоугрозе. С 2003 г. в рамках ОДКБ действует так называемая комплексная операция «Канал», с 2008 г. она получила статус постоянно действующей региональной антинаркотической операции. В операции «Канал», хотя она и осуществляется под эгидой ОДКБ, в качестве наблюдателей принимают участие отдельные региональные и внерегиональные державы. В различных операциях принимали участие Афганистан, Азербайджан, Иран, Испания, Венесуэла, Китай, Литва, Польша, Румыния, Украина, США, Финляндия, Эстония и другие государства.

С 20 по 25 мая 2014 г. проходил последний этап операции «Канал — Южный капкан». В этой операции принимали участие 55 тысяч сотрудников антинаркотических служб государств — членов ОДКБ, а также Афганистана, Ирана, Китая и Пакистана. Из незаконного оборота было изъято 12,5 тонн наркотиков, к уголовной ответственности было привлечено 1400 человек, к административной — более 1000 человек. Иначе говоря, речь идет о довольно крупномасштабных и эффективных операциях по борьбе с наркотиками. Кроме того, в рамках ОДКБ действует операция по борьбе с нелегальной миграцией, а с 2006 г. проводится так называемая операция «Нелегал».

Отдельное внимание ОДКБ уделяет преступлениям в информационной сфере с использованием информационно-коммуникационных технологий. С тем чтобы бороться с этими угрозами и прежде всего чтобы предотвратить распространение идей терроризма, экстремизма, насильственного свержения строя, с 2008 г. в рамках ОДКБ проводится ежегодная операция «Прокси» для борьбы в сфере информационных технологий.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Каковы успехи ОДКБ в сфере взаимодействия с другими международными организациями?

ВАСИЛЬЕВ: Что касается сотрудничества с международными организациями, то с 2004 г. ОДКБ получила статус наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН, были подписаны меморандумы о взаимодействии между ОДКБ и ООН в различных областях, в том числе в области миротворчества на два года. Но проблема возникает в том случае, когда мы начинаем переходить от общих теоретических слов к конкретному делу. Для ООН интересно участие, будь то миротворцев ОДКБ или отдельных стран во многих африканских зонах конфликтов и предоставление в первую очередь вертолетной техники. Для ОДКБ же наибольший интерес

представляет ситуация вокруг Афганистана, и мы предлагаем взаимодействовать практически в этом районе, где пока нет миротворческих операций ООН и пока не известно, будет она или нет. Также существуют определенные юридические сложности, потому что все зависит от того, в каких операциях принимать участие: с использованием силы или без нее. И в зависимости от этого в разных государствах — членах ОДКБ предусмотрены различные процедуры, например, в российском законодательстве, для того чтобы отправить контингент с оружием, как известно, нужно решение Совета Федерации.

ОДКБ занимается этой проблемой, используя три основных направления. С одной стороны, это тренировка военнослужащих по стандартам. Второе, взаимодействие и подписание так называемых резервных соглашений, но не между отдельными странами, что есть, а именно между ОДКБ и секретариатом ООН. И третье направление — это синхронизация и гармонизация внутренних национальных законодательств с тем, чтобы при случае принятия такого решения, можно было оперативно эти войска направлять. Но это продолжает оставаться проблемой.

Также ОДКБ поддерживает достаточно продуктивные контакты с контртеррористическим комитетом СБ ООН, управлением ООН по наркотикам и преступности, а также с такими международными организациями, как ОБСЕ, Евросоюз, Организация исламского сотрудничества, международная организация по миграции и рядом других региональных организаций.

Кроме того, ОДКБ протягивала руку сотрудничества НАТО, понимая, что есть ряд областей сотрудничества и взаимодействия, в первую очередь Афганистан, которые представляют совместный интерес, и где такое сотрудничество было бы плодотворно. К сожалению, кроме контактов за таким же столом взаимодействие дальше не пошло, но в силу известных обстоятельств, которые сейчас происходят, такие контакты с НАТО приостановлены.

Что касается Евразийского союза и ОДКБ, эти две организации стремятся к одному и тому же членству, на каком-то моменте членство, вероятно, будет симметричным, но они выполняют разные задачи. Собственно говоря, эти *heated arguments* касались политической составляющей Евразийского союза, и наши президенты сошлись в том, чтобы оставить политику за бортом Евразийского союза. Поэтому все военно-политические вопросы являются сферой ответственности ОДКБ, а не Евразийского союза. Но в перспективе представляется, что Евразийский союз ждет прекрасное будущее, и в этом союзе возможно появление других государств, не входящих в ОДКБ, тогда еще яснее и понятнее будет, что между двумя организациями есть существенная разница как в членстве, так и в целях и задачах.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В настоящее время Россия председательствует в ОДКБ. Каковы приоритеты России в отношении ОДКБ?

ВАСИЛЬЕВ: В первую очередь это укрепление механизмов сотрудничества по безопасности внешних границ, а также подготовка миротворческих сил ОДКБ к практическому участию в операциях по поддержанию мира, совершенствование совместной оперативной боевой подготовки органов управления и формирования сил и средств ОДКБ, наращивание внешнеполитической координации и развитие сотрудничества между ОДКБ и другими международными и региональными организациями.

Из всех этих задач, наверное, самая главная — это Афганистан. Таджикско-афганская граница — общая граница между ОДКБ и Афганистаном — имеет протяженность 1,5 тысячи километров. За те годы, которые прошли с развала Советского Союза, практически была уничтожена вся инфраструктура на этой границе. Последняя сессия Совета коллективной безопасности, где собирались главы госу-

дарств, проходила в Сочи в сентябре 2013 г. И одно из центральных решений, которые там были приняты, — это было решение о неотложных мерах по укреплению таджикско-афганской границы. С тем чтобы такое решение было принято в течение двух-трех месяцев в Афганистане, на границе между Таджикистаном и Афганистаном работала миссия ОДКБ, в которую входили представители пограничных служб и служб безопасности всех государств-членов.

Практически сейчас речь идет о том, чтобы заново выстроить оборону и защиту 1,5 тысяч километров на труднопроходимой границе. Ясно, что зачастую оценки ситуации в Афганистане после выхода МССБ между нашими странами разнятся, известно, что некоторые западные эксперты говорят о том, что операция сил МССБ в Афганистане выполнила свою функцию и в Афганистане созданы эффективные национальные силы. Сейчас сложно сказать, как дальше будет развиваться ситуация в Афганистане, но пример Ирака, где изначально ситуация была более стабильной и более контролируемой и где мы сейчас видим государство, разваливающееся на части и переходящее под контроль исламистов, должен послать сигнал тому, что в перспективе может произойти и в Афганистане. В любом случае количество нарушений и впервые за многие годы обстрелов, которые сейчас происходят на таджикско-афганской границе, увеличилось в 200 раз. И ОДКБ не может оставаться безучастной к этому.

И еще одно направление, в рамках которого ОДКБ активно взаимодействует с ОБСЕ, — это пограничный колледж в Душанбе, где при поддержке двух организаций происходит подготовка пограничников. Таким образом, в случае обострения ситуации ОДКБ будет готово выстраивать так называемые пояса безопасности, будь то антивоенный, антинаркотический или антифинансовый пояс безопасности, учитывая взаимодействие финансовых служб, предотвращение потока средств, денег для наркобаронов, действующих в Афганистане. В этих трех направлениях мы сейчас и работаем. И собственно говоря, взаимодействуем с другими странами, не только с участниками ОДКБ.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Теперь хотелось бы спросить о проблеме взаимодействия внутри ОДКБ и обязательности решений, которые организация принимает. Как происходит внешнеполитическая координация государств — членов ОДКБ? Есть ли особая позиция Белоруссии в отношении коллективных сил и оперативного реагирования ОДКБ? Стремится ли ОДКБ к выработке консенсусной позиции всех государств-членов?

ВАСИЛЬЕВ: В рамках внешнеполитической координации государства — члены ОДКБ выступают с совместными заявлениями и выступлениями: так, за 2013 г. было сделано 10 таких заявлений по вопросам нераспространения, противоракетной обороны, ситуации в Афганистане, миротворчеству, правам человека, противодействию фальсификации истории Второй мировой войны, т. е. мы видим достаточно широкий охват тем, по которым государства — члены ОДКБ выступают на международных площадках.

Что касается Белоруссии, то она полностью участвует в коллективных силах оперативного реагирования, без изъятий, более того, последние учения коллективных сил проходили именно в Белоруссии. В рамках ОДКБ предусмотрена обязательность выполнения тех решений, которые принимаются. При этом надо иметь в виду, что документами ОДКБ предусмотрено, что государство принимает и обязано выполнять только те решения, в которых участвует, и процедура предусматривает, если одно или два государства не подписывают то или иное решение, эти решения для них не являются обязательными. Таким образом, если брать гипотетическую ситуацию участия Белоруссии или Казахстана в операции где-то на границе между Россией и Украиной, они будут сами для себя решать, участвовать в этой операции или нет.

К принятию решения о необязательности принципа консенсуса в ОДКБ подтолкнула ситуация с Узбекистаном. Узбекистан зачастую блокировал решения, многие решения не принимались, хотя они отвечали интересам других 6 государств-членов. Для того чтобы впоследствии избежать таких ситуаций, когда одно или два государства не подписываются под каким-то решением, было выдвинуто предложение, что это решение обязательно только для государств, которые его подписали. Но, естественно, как и любая другая организация, ОДКБ отдает предпочтение консенсусу и делает все, чтобы учесть интересы всех и чтобы принцип консенсуса превалировал в тех решениях. Можно сказать, что девять десятых всех решений данной организации принимаются именно консенсусом.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Мы понимаем, что ОДКБ создавалась для отражения внешних угроз. Однако может ли ОДКБ как-то повлиять на так называемые *цветные революции*. Как должна реагировать ОДКБ на угрозы, исходящие от подобных конфликтных ситуаций?

ВАСИЛЬЕВ: *Цветные революции* — характерная черта нашего времени, реальная опасность. ОДКБ очень внимательно относится к этой теме — она уже подготовила ряд аналитических материалов на это счет. Например, киргизский кризис 2010 г., тогда звучали призывы киргизского руководства о введении войск ОДКБ, чтобы разрешить сложившуюся ситуацию. Сложно себе представить, если по итогам референдума в Каталонии или в Шотландии будет принято решение об отделении этих стран или субъектов от тех или иных государств и могут возникнуть конфликты, чтобы в этих местах были задействованы натовские силы. Наверное, эти конфликтные ситуации будут решаться как-то по-другому.

А какие способы используются в рамках ОДКБ? Самый яркий пример — последнее обострение на таджикско-киргизской границе, где шли боевые столкновения. В результате удалось предотвратить перерастание мелкого инцидента в крупномасштабный конфликт, и ключевую роль в посреднической деятельности между двумя президентами сыграл генеральный секретарь ОДКБ Николай Бордюжа, который в течение полутора недель осуществлял функцию челночной дипломатии. Иными словами, организация обращает на это существенное внимание и предпринимает конкретные шаги.

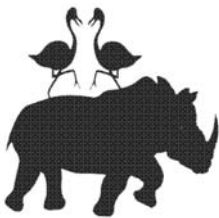
Теперь о гуманитарных интервенциях и участии НАТО в этом. Россия — не сторонник концепций гуманитарных интервенций. Коль скоро Россия выступает против этого на площадке ООН, было бы странно, чтобы она использовала данную концепцию применительно к Украине. Хотя это очень сложно, учитывая, что порядка 90% наших граждан требуют российского вмешательства в ситуацию на Украине, надо четко отдавать себе отчет, к чему приведет такая концепция.

ОДКБ же в первую очередь понимает важность превентивных мер, чтобы подобных революций не было снова. В рамках ОДКБ совсем недавно была создана международная лига этой организации. Это лига объединяет университеты всех государств-членов — уже более 40 университетов регулярно встречаются, причем одна из тем междууниверситетского общения связана с *цветными революциями*. 🐘

Примечание

¹ Интервью основано на выступлении В. Васильева на заседании Международного клуба *Триалог* 8 июля 2014 г.

Андрей Григорьев:

«МЕГАПРОЕКТ ЗАЩИТНИК БУДУЩЕГО:
СМОТРИМ В 2030 ГОД»

Фонд перспективных исследований (ФПИ) создан в октябре 2012 г. Отправной точкой для принятия закона стал Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 603, в котором глава государства поручил Правительству Российской Федерации обеспечить динамичное развитие прорывных высокорискованных исследований и разработок фундаментальной науки, а также реализацию прикладных исследовательских программ в интересах обеспечения обороны страны и безопасности государства. ФПИ создан как один из ключевых инструментов для решения этих задач.

В мире зарождается новый технологический уклад, базирующийся на передовых открытиях в области биотехнологий, нанотехнологий, информационных систем. Эти технологии будут вскоре диктовать не только социально-экономическую, но и политическую повестку дня на планете. Россия не должна оставаться в стороне от этих процессов, ведь риски резкого смещения военно-стратегического баланса в связи с появлением и внедрением новых технологий могут оказаться для нас неприемлемыми. Мы должны не только уметь прогнозировать направления возможных технологических прорывов, но и обладать эффективными средствами для парирования связанных с ними угроз.

О перспективах развития российских научных исследований и производства высокотехнологичной продукции военного, специального и двойного назначения корреспондентам журнала Индекс Безопасности Максиму Старчаку и Олегу Демидову рассказал генеральный директор ФПИ, генерал-лейтенант запаса, доктор технических наук, почетный профессор МФТИ Андрей Григорьев.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Андрей Иванович, в 2012 г. был создан Фонд перспективных исследований (ФПИ), нацеленный на поиск и воплощение прорывных решений в наиболее высокотехнологичных сферах, в первую очередь связанных с интересами военно-промышленного комплекса (ВПК). Есть ли на данный момент прецеденты проектов фонда, на практике заинтересовавших Минобороны РФ и получивших реальные перспективы серийного производства?

ГРИГОРЬЕВ: Давайте начнем с определения, что такое проекты фонда и как они реализуются. Речь идет об особой философии осуществления научных исследований, которую фонд самостоятельно разработал и пытается активно продвигать. Итак, проект фонда — это законченный комплекс научно-технических изысканий, призванный решить главную задачу — ответить на вопрос: реализуема или нет технически та или иная инновационная идея или предложение? Можно ли вообще теоретически создать новейшую технологию или, к примеру, средство вооруженной борьбы? Наша цель — ответить на эти вопросы положительно, после чего работа фонда по конкретному проекту считается завершенной.

В дальнейшем наша разработка встраивается в стандартную систему НИОКР, ведущихся Минобороны или другими заинтересованными ведомствами. И наше детище получает новую жизнь. Что касается того, интересуют ли военных наши разработки, то мы изначально понимаем: что, для кого и в каких количествах разрабатываем. Мы находимся в постоянной тесной координации и с Минобороны, и с ведущими производителями — предприятиями оборонпрома. Это нужно, чтобы, с одной стороны, четко ощущать потребности заказчика, а с другой — непременно учитывать возможности промышленности.

«ГИПЕРЗВУКУ УДЕЛЯЕТСЯ НЕОПРАВДАНО МНОГО ВНИМАНИЯ»

ГРИГОРЬЕВ: Сегодня пока рано говорить о конкретных перспективах серийного производства результатов проектов фонда. Проекты находятся на разной стадии разработки, и, как я уже говорил, между завершением наших работ и внедрением в производство все же есть еще один шаг — ОКР или НИР, никак от нас не зависящие.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Увеличение скорости средств поражения и носителей — приоритетное направление развития систем вооружения. Какие высокоскоростные проекты реализуются фондом? Известно, что разрабатываются технологии гиперзвука. Каковы успехи данного проекта? Планируется ли в будущем разработка носителя? Какие цели ставятся в данных разработках и в чем сложности их реализации?

ГРИГОРЬЕВ: На мой взгляд, гиперзвуку уделяется неоправданно много внимания. Нередко приходится слышать, что его рассматривают чуть ли не как панацею ото всех возможных угроз. Между тем это далеко не так. На сегодняшний день речь идет о разработке самой технологии гиперзвука, так как разработка (а впоследствии производство носителя) с нынешних позиций неоправданно дорога. Сейчас можно говорить о ведущихся изысканиях в отношении двигателей и материалов.

Между тем должен сказать, что отечественные зенитно-ракетные комплексы уже применяют гиперзвуковые ракеты с максимальной скоростью около 3–4 Махов. Основная борьба сейчас разворачивается за то, чтобы увеличить эту скорость до 5–7 Махов. Все остальные вопросы, связанные с необходимостью дальнейшего ускорения работ по данному направлению, находятся вне пределов компетенции фонда и требуют четкого взвешенных и обоснованных решений на самом высоком государственном уровне.

РАТНИК: НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Известно, что завершена работа над современным комплектом экипировки *Ратник*. В чем его принципиальная новизна и эффективность? Какое развитие ожидается в проекте *Ратник-2*? Какие еще проекты будут реализованы в ближайшее время в рамках мегапроекта *Защитник будущего* и в чем их принципиальная новизна?

ГРИГОРЬЕВ: Работы над *Ратником* не просто завершены, экипировка постепенно поступает в войска. Ведутся работы над экспортным вариантом экипировки, которую многие наши партнеры признают за эталон и желают приобрести. Если коротко, его принципиальная новизна состоит в едином системном подходе к обмундированию и стрелковому вооружению отечественного военнослужащего, обеспечению его средствами разведки и связи, необходимым дополнительным оборудованием. Всего *Ратник* насчитывает до десяти различных взаимодействующих подсистем.

Что касается *Ратника-2*, то работы по нему Министерством обороны только начаты. Мы же в свою очередь задумываемся уже о следующем поколении обмундирования, назовем его для примера *Ратник-3*. Такие работы планируется завершить к 2025–2030 гг. Это связано с необходимостью взаимно увязать целый комплекс исследовательских работ, например, по созданию сверхпрочных, сверхлегких,

непромокаемых и негорючих материалов будущего и исследований по разработке избирательного, высокоточного и дальнедействующего оружия будущего. Все это делается в рамках реализации комплексного мегапроекта *Защитник будущего*. Это будет система, построенная совершенно на новых принципах, в основе которой лежит безусловная ценность жизни и здоровья наших солдат без потери их маневренности и огневой мощи. Поэтому она должна обеспечить и дальность стрельбы, и высокую скорость, и скрытность и многое другое.

ПЯТЫЙ ЭЛЕМЕНТ... И ДАЛЕЕ

ГРИГОРЬЕВ: Мы даже говорим о возможной революции в стрелковом и ином вооружении. Помните эпизод из фильма *Пятый элемент*, где один из главных злодеев предлагает межгалактическим воинам свою новую стрелковую разработку, где умещается и огнемет, и ледомет, и традиционные стрелы, и сетка, и самонаводящиеся пули, летящие вслед за посланной первой, и много чего еще? Это, конечно, фэйк, но... Вряд ли кто-то сегодня сможет рассказать, каким оно в итоге будет, оружие будущего. Но мы активно работаем в направлении его создания.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Расскажите об исследованиях, предусматривающих разработку и интеграцию функциональных безлюдных технологий для освоения подводных ресурсов и ведения боевых действий под водой Арктики? Какие другие, невоенные проекты проводятся фондом?

ГРИГОРЬЕВ: Вы абсолютно правы в том, что освоение бескрайних богатств Арктики (и прежде всего углеводородов, объемы которых, кстати, практически не исследованы) уже сегодня постепенно выходит на передовую мировой повестки дня. Могут предположить, что в дальнейшем борьба за них только обострится. И здесь безусловное конкурентное преимущество будет у того, кто сумеет первым создать и адаптировать к суровым арктическим условиям как автономные подводные буровые установки, способные без участия человека добывать и поставлять на континент требуемые ресурсы, так и подводные автономные робототехнические средства, способные обеспечивать охрану инфраструктурных объектов, контролировать акваторию, обнаруживать и уничтожать потенциального противника. На решение этих задач и направлены профильные исследования фонда.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Фондом ведутся разработки, направленные на создание новых средств мониторинга космической обстановки, повышение возможностей средств космической разведки. Какова цель этих разработок? Можно ли оперативно обнаружить выведение спутников на орбиту и организовать их уничтожение или подавление?

ГРИГОРЬЕВ: Публично говорить о проблемах или достижениях средств космической разведки с вами вряд ли станут в любой структуре, так или иначе с этим связанной, — это настолько деликатный для каждого государства вопрос, что по-настоящему к нему допущены лишь избранные из избранных. И это правильно.

В открытой же части информации могу сообщить, что мы совместно с бывшей *Объединенной ракетно-космической корпорацией* (ныне объединяется с *Роскосмосом*) вели работу по формированию перечня проектов, сосредоточенных на том, чтобы впредь выводить на орбиту малые космические аппараты (которые еще нужно создать), способные нести сопоставимую с прежними полезную нагрузку при снижении стоимости их выведения.

ИСКУССТВЕННЫЙ РАЗУМ

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В число направлений деятельности фонда входят работы по созданию искусственного разума, не уступающего человеческому в решении сложных задач. Какие успехи достигнуты по этому направлению сегодня? Какие подходы использует фонд для решения задач обучения и имитации

Ю
Б
В
Р
Е
Г
Н
И

искусственным интеллектом мыслительного процесса человека? Сопоставимы ли они с такими зарубежными разработками, как *интеллектуальный* суперкомпьютер IBM Watson?

ГРИГОРЬЕВ: Фонд ведет работы по созданию так называемого искусственного разума, и должен отметить, что они значительно продвигаются. Например, уже в сентябре прошлого года мы продемонстрировали промежуточные результаты проекта, призванного практически реализовать интерфейс *мозг–компьютер*. Напомню, в рамках открытого эксперимента наши операторы с помощью биопотенциалов головного мозга успешно управляли движением квадрокоптера как в условиях лабиринта, так и в условиях свободного пространства. При этом они сохраняли способность свободно передвигаться и общались с наблюдателями. На сегодняшний день эти возможности еще более усовершенствованы.

Что касается *интеллектуального* суперкомпьютера IBM Watson, я бы здесь разделил желаемое и действительное. Жаждающие получать все новые и новые государственные заказы крупные зарубежные корпорации зачастую становятся отменными мастерами самопиара даже в тех вопросах, где и говорить-то, казалось бы, не о чем. Не исключено, что и в этом случае возможности этой машины могут быть несколько преувеличенны.

СЕТЕЦЕНТРИЧНЫЕ ВОЙНЫ

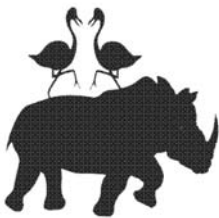
ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Каковы основные задачи направления *Социальные сети* в контексте безопасности и укрепления обороноспособности РФ? Предполагается ли в рамках данного направления реализация проектов продвинутой социальной инженерии в интернете и что из задуманного удалось реализовать на сегодняшний день?

ГРИГОРЬЕВ: Сам факт появления в нашей жизни феномена социальных сетей уже заметно изменил окружающую нас реальность, что не всегда сразу заметно. И это не только относительно безобидное воркованье влюбленных через океан или приветы по скайпу в любое время дня и ночи. Например, во многом благодаря возможности соцсетей стали реальностью многочисленные *оранжевые* революции в Северной Африке и на ближневосточном регионе. Не избежали этой участи и соседние с нами Грузия и Украина.

Поэтому сегодня мы говорим о необходимости ведения так называемых сетевых войн, предполагающих объединение участников боев в единую сеть и достижение тем самым информационного превосходства. Мы поставили перед собой задачу разработки концепции такой войны, ведем работы по отдельным направлениям, в том числе по направлению социальной инженерии в интернете.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Одним из наиболее часто обсуждаемых и прорывных направлений в развитии вычислительных систем сегодня считаются квантовые вычисления и квантовая криптография, также упомянутые в проектах фонда. Удалось ли в рамках исследовательской деятельности ФПИ создать работоспособные концепции квантовых вычислительных устройств? Ведутся ли практические работы с участием фонда по созданию прототипов квантовых вычислительных устройств и каков возможный временной горизонт появления таких прототипов?

ГРИГОРЬЕВ: Работы ведутся, в том числе нами, с участием ведущих специалистов по этой проблематике из МГУ им. М. В. Ломоносова, у нас там действует профильная лаборатория. В чем суть квантовой криптографии, что делает ее уникальной? В ее рамках вы можете передать состояния, сведенные до отдельных фотонов, и любые попытки вторжения (т.е. воровства информации) сразу становятся известны. В этом ее ключевое отличие от методов передачи классического сигнала и в этом ее преимущество. И это, безусловно, будет востребовано как один из важнейших способов защиты секретной государственной информации.

Владимир Нечаев:

«ЭФФЕКТИВНЫЕ СРЕДСТВА БОРЬБЫ С ОТМЫВАНИЕМ ДЕНЕГ, ФИНАНСИРОВАНИЕМ ТЕРРОРИЗМА И РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ОМУ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ВНЕДРЕНА ПОВСЕМЕСТНО»

С момента своего создания в 1989 г. Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) превратилась в орган, где сотрудничают 34 страны-члена, 2 региональные организации и 8 региональных групп по типу ФАТФ (в статусе ассоциированных членов). Вместе они составляют глобальную сеть ФАТФ, которая в настоящее время представлена более чем 190 юрисдикциями. В апреле 1990 г. ФАТФ опубликовала 40 рекомендаций по выявлению и предупреждению отмывания денег. Эти рекомендации уже три раза обновлялись, они устанавливают широкий набор мер, охватывающих системы правоохранные и уголовного правосудия, финансовую систему, ее регулирование и международное сотрудничество. Рекомендации не являются обязательными инструментами в соответствии с международным правом, тем не менее они стали глобальным стандартом. Сегодня большинство стран мира приняли на себя политическое обязательство их выполнять. ФАТФ является целевой группой и работает в рамках фиксированного по срокам мандата, который требует согласия министров на его продление. Нынешний мандат на восемь лет истекает в 2020 г. Статус наблюдателей в ФАТФ имеют 25 международных организаций. Среди них Международный валютный фонд, Всемирный банк, Группа Эгмонт подразделений финансовой разведки, ряд организаций ООН, банки реконструкции и развития.

О роли ФАТФ в противодействии отмыванию денег (ОД), финансированию терроризма (ФТ) и финансированию распространения оружия массового уничтожения (ОМУ) журналу Индекс Безопасности рассказал первый заместитель генерального директора Международного учебно-методического центра финансового мониторинга, президент ФАТФ (2013–2014) Владимир Нечаев¹.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В феврале 2012 г. ФАТФ утвердила новую редакцию 40 рекомендаций ФАТФ. В чем состоят эти изменения?

НЕЧАЕВ: Эти рекомендации выделяют важность риск-ориентированного подхода в борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма. Во-первых, это означает, что страны должны будут иметь эффективные процессы для определения, оценки и понимания своих рисков отмывания денег и финансирования терроризма, и обеспечить больше оперативных, административных и надзорных ресурсов там, где риски для отмывания денег и финансирования терроризма выше. Во-вторых, это означает, что финансовым и иным учреждениям придется проводить оценки риска отмывания денег и финансирования терроризма в отношении различных категорий клиентов, продуктов и стран.

Рекомендации устанавливают меры, которые страны должны иметь в рамках своих систем уголовного права и регулирования, превентивные меры, которые должны приниматься финансовыми учреждениями и другими предприятиями и профессиями, меры для обеспечения прозрачности в отношении собственности юридических лиц и структур, создание компетентных органов с соответствующими функциями, полномочиями и механизмами для взаимодействия, а также меры по сотрудничеству с другими странами.

Если тезисно описать ключевые изменения в стандартах (рекомендациях ФАТФ), то они таковы:

Первое. Риск-ориентированный подход, который позволит направлять ресурсы более эффективно.

Второе. Прозрачность в отношении структуры собственности и контроля юридических лиц и образований. Это означает требование достоверной информации о бенефициарной собственности и контроле компаний, трастов и других юридических лиц или юридических образований.

Третье. Международное сотрудничество: более эффективный обмен информацией для следственных, контрольных и прокурорских целей, помощь странам в отслеживании, замораживании и конфискации незаконных активов.

Четвертое. Финансирование распространения ОМУ. ФАТФ приняла новую рекомендацию, направленную на обеспечение последовательного и эффективного осуществления целевых финансовых санкций, когда к ним призывает Совет Безопасности ООН.

Пятое. Коррупция и публичные должностные лица — требования к финансовым организациям по выявлению публичных должностных лиц (ПДЛ), которые, возможно, представляют более высокий риск коррупции в силу той позиции, которую они занимают. Существующие требования были расширены новыми риск-ориентированными требованиями, применяемыми к внутренним ПДЛ и ПДЛ из международных организаций, их семьям и близким связям всех ПДЛ.

Шестое. Налоговые преступления: перечень предикатных преступлений, связанных с отмытием денег теперь включает серьезные налоговые преступления. Преступление контрабанды также было уточнено в отношении преступлений, связанных с таможенными пошлинами и акцизными сборами и налогами.

Седьмое. Финансирование терроризма: 9 специальных рекомендаций ФАТФ по борьбе с финансированием терроризма были полностью интегрированы в 40 рекомендаций, отражая тесные связи между мерами противодействия отмытию денег и борьбы с финансированием терроризма.

РОССИЙСКОЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВО В ФАТФ

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Расскажите, пожалуйста, каковы были приоритеты российского председательства в группе ФАТФ?

НЕЧАЕВ: Председательство в ФАТФ России длилось один год — с 1 июля 2013 г. по 30 июня 2014 г. До этого будущий президент ФАТФ является в течение одного года вице-президентом, а в течение года после председательства страна предыдущего президента входит *ex-officio* в руководящую группу ФАТФ.

Среди основных приоритетов российского председательства в ФАТФ хотел бы выделить следующие:

во-первых, начало 4-го раунда взаимных оценок;

во-вторых, продолжение оценки рисков и новых угроз целостности глобальной финансовой системы;

в-третьих, дальнейшее развитие глобальной сети ФАТФ и укрепление взаимодействия с Группой Эгмонт подразделений финансовой разведки;

в-четвертых, расширение взаимодействия с частным сектором;

и, дальнейшее взаимодействие с *Группой 20* по вопросам противодействия коррупции.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Основная задача председательства России — начало 4-го раунда взаимных оценок. Что входило в эту задачу российского председательства в ФАТФ?

НЕЧАЕВ: В феврале 2013 г. ФАТФ утвердила методологию оценки технического соответствия рекомендациям ФАТФ и эффективности систем ПОД/ФТ. Согласно этой методологии, оценка эффективности становится самостоятельным элементом, и процедура последующего мониторинга будет зависеть не только от наличия в стране правовых и институциональных элементов, но и от того, как эта система работает, достигаются ли требуемые результаты. В этой связи существенно возрастают требования к квалификации экспертов-оценщиков. Поэтому мы считали обучение экспертов важным элементом запуска 4-го раунда взаимных оценок, и ФАТФ разработала планы по их подготовке. Россия как президент ФАТФ провела один из семинаров в Москве в марте 2014 г. Обучающие семинары были проведены и во всех регионах мира.

ФАТФ начала свой 4-й раунд оценок — два первых отчета по Испании и Бельгии утверждены в октябре (первая пленарная сессия после российского председательства) и опубликованы.

ФАТФ И СТАБИЛЬНОСТЬ ГЛОБАЛЬНОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какова роль ФАТФ в оценке рисков и новых угроз целостности глобальной финансовой системы?

НЕЧАЕВ: ФАТФ ведет работу по изучению рисков, тенденций и методов отмывания денег, финансирования терроризма и других угроз финансовой системы (то, что у нас называется типологии). Это важная работа, подчеркивающая нормотворческую роль ФАТФ, но она служит и важным средством выявления и описания новых тенденций и методов, а также обновления информации о старых.

Россия выдвинула важную инициативу своего председательства в ФАТФ — проведение исследования по выявлению незаконных финансовых потоков, связанных с производством и оборотом афганских наркотиков.

Цель нашей инициативы — получить данные о финансовых потоках в результате незаконного оборота наркотиков, а также другую информацию, которая помогла бы раскрыть и в конечном итоге подорвать систему управления наркобизнеса.

Проект, который называется «Финансовые потоки, связанные с незаконным производством и оборотом афганских опиатов и связанная с этим деятельность по ОД/ФТ», был официально запущен с началом российского президентства, в июне 2013 г. Команда проекта, сопредседателями которой стали Россия и УНП ООН, включала представителей США, Китая, Индии, Норвегии, ЕАГ, АТГ, МВФ и Всемирного банка. Важно, что в этой работе участвовали Афганистан и Пакистан. Окончательный вариант доклада был утвержден на последней пленарной сессии под моим председательством, в июне 2014 г. Его можно найти на сайте ФАТФ.

Реализация этого проекта, в том числе его методология и результаты, создает основу для дальнейшего углубленного изучения финансовых потоков, связанных с незаконным производством и оборотом других видов наркотиков в различных регионах, закладывает основу на международном уровне для борьбы с финансовыми потоками от различных видов преступной деятельности.

Помимо этого, за год председательства были приняты и опубликованы следующие типологические отчеты и исследования:

«Финансирование терроризма в Западной Африке». Основные методы и техника для финансирования терроризма: торговля и другая доходная деятельность, НКО, благотворительные организации, торговля оружием, транспортировка средств курьерами наличных, торговля наркотиками.

«Роль хавалы и других аналогичных провайдеров услуг в отмывании денег и финансировании терроризма». Основные проблемы: отсутствие надзора или ресурсов для него, совершение операций с наличными или ценностями вне банковской системы в ряде случаев, использование нерегулируемых финансовых организаций, смешение чистых и незаконных средств.

«Отмывание денег и финансирование терроризма через торговлю алмазами». Моменты: глобальный и комплексный характер торговли, использование алмазов в качестве платежного средства затрудняет отслеживание и дает анонимность, большие суммы операций повышают уровень риска, слабое знание потенциальных схем ОД/ФТ через торговлю алмазами.

«Риск злоупотреблений некоммерческим сектором в целях финансирования терроризма». Злоупотребления при сборе средств с граждан, проникновение террористических организаций в программы доставки помощи для пропаганды своей идеологии, глобализация приводят НКО в регионы, где работают террористические организации, большой приток волонтеров без строгой проверки, большая степень доверия общественности и использование этого террористическими организациями.

«Виртуальные валюты: ключевые понятия и потенциальные риски отмывания денег и финансирования терроризма». Анонимность в интернете, ограниченная идентификация и верификация участников, отсутствие ясности в отношении надзора и правоприменения по операциям, отсутствие центрального надзорного органа.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как происходит развитие глобальной сети ФАТФ и укрепление взаимодействия с Группой Эгмонт подразделений финансовой разведки?

НЕЧАЕВ: С самого начала было ясно, для того чтобы рекомендации ФАТФ были по-настоящему эффективными, они должны осуществляться как можно большим количеством стран. Соответственно, ФАТФ стремилась привлечь как можно больше других стран через создание региональных групп по типу ФАТФ. Вместе эти региональные группы расширили охват ФАТФ от первоначальных 16 членов до 192 юрисдикций и позволили всем этим странам стать частью общих усилий ФАТФ.

Главной целью ФАТФ остается наличие во всех юрисдикциях эффективных и действенных средств борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма и распространением ОМУ.

В качестве президента ФАТФ я выступил на пленарных заседаниях и министерских встречах всех 8 региональных групп по типу ФАТФ во всех регионах, а также принял участие в нескольких региональных конференциях по тематике ПОД/ФТ с участием частного сектора в Карибском бассейне, Африке южнее Сахары и в Евразийском регионе. Итоги таких конференций весьма позитивные, и этот аспект работы российского председательства в ФАТФ был отмечен всеми участниками как удачный подход к работе с регионами.

Когда мы говорим о глобальной сети, мы также не должны забывать еще одного важного игрока — Группу Эгмонт. Российское председительство считало, что следует использовать лидирующую роль подразделений финансовой разведки (ПФР) в региональных группах по типу ФАТФ (РГТФ), чтобы выработать правильный баланс между региональным и глобальными компонентами этой работы и механизм

более тесного взаимодействия между ФАТФ и Группой Эгмонт. Поэтому я выступил на заседании глав ПФР Группы Эгмонт (впервые в истории ее существования) с предложениями по мерам по усилению сотрудничества с этой организацией. Кстати, это были первые дни моего председательства в ФАТФ, и это кажется мне символическим. Результаты нашей инициативы уже начинают сказываться в форме более тесного взаимодействия.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Происходит ли расширение взаимодействия ФАТФ с частным сектором?

НЕЧАЕВ: Финансовые учреждения и другие частные предприятия находятся на передней линии выявления отмывания денег и финансирования терроризма.

В марте 2014 г. в Брюсселе ФАТФ провела очередную встречу Консультативного форума с частным сектором. В этой встрече участвовало более 120 участников, обсуждались вопросы руководства по риск-ориентированному подходу для банков и ряда других организаций, виртуальные валюты и другие вопросы.

ГЛОБАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ И МЕТОДЫ БОРЬБЫ

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как развивалось взаимодействие с Группой 20 по вопросам противодействия коррупции во время председательства России?

НЕЧАЕВ: Председательство России инициировало проведение третьего Совместного совещания экспертов по борьбе с коррупцией с G20, ФАТФ, ОЭСР и другими международными организациями. На этой встрече мы обсудили документ по лучшим практикам по исполнению рекомендаций ФАТФ по борьбе с коррупцией, который затем был рассмотрен и принят ФАТФ на пленарном заседании в октябре 2013 г.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Совершенствуется ли организация и методы работы ФАТФ?

НЕЧАЕВ: ФАТФ в течение всего периода российского председательства рассматривала политику в отношении членства, состоящую из двух частей: политика в отношении расширения состава и обновленных критериев членства с учетом региональных и других аспектов, указанных в ее мандате. В целях дальнейшего укрепления своей роли ФАТФ обновила и завершила к концу российского председательства эти подходы и решила пригласить ряд стран присоединиться к ФАТФ. Могу сказать, что уже в октябре 2014 г. Малайзия была принята наблюдателем в ФАТФ.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Насколько эффективна работа по совершенствованию *антиотмывочных* систем в странах с серьезными недостатками?

НЕЧАЕВ: Когда юрисдикции не в состоянии надлежащим образом применить стандарты ФАТФ, они представляют определенные риски для международной финансовой системы. ФАТФ поэтому и создала механизм для выявления этих системных недостатков, через который применяет давление к юрисдикциям высокого риска, чтобы убедить их укрепить свои системы борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма. Эта планомерная работа привела к серьезным результатам в ходе российского председательства: 10 стран (Антигуа и Барбуда, Бангладеш, Вьетнам, Кения, Кыргызстан, Марокко, Монголия, Непал, Нигерия, Танзания) были исключены из списков ФАТФ, а в отношении еще 5 стран было принято решение о направлении миссии для оценки их систем (Аргентина, Эфиопия, Куба, Таджикистан, Турция), в результате чего они были исключены уже на первой пленарной сессии после нашего председательства.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как происходит взаимодействие с ООН по вопросу противодействия финансированию распространения ОМУ?

НЕЧАЕВ: ФАТФ и ООН взаимодействуют в вопросах противодействия финансированию распространения ОМУ с 2012 г. Это тесное сотрудничество привело к вклю-

Ю
Б
В
Р
Е
Т
Н
И

чению соответствующих рекомендаций, дополняющих конвенции и резолюции ООН. В ноябре 2013 г. председатели санкционных комитетов Совета Безопасности ООН и я в качестве президента ФАТФ провели брифинг для членов ООН в отношении того, как рекомендации ФАТФ подкрепляют резолюции Совета Безопасности ООН, помогая странам применять обязательства по целевым финансовым санкциям.

Распространение ОМУ стоит на повестке дня Совета Безопасности, и оно определено им как угроза международному миру и безопасности. ФАТФ не покушается на прерогативу Совета Безопасности ООН, но играет вспомогательную роль, поддерживая и осуществляя мониторинг национального применения финансовых положений соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН.

ФАТФ в сотрудничестве с органами ООН провела семинар экспертов по целевым финансовым санкциям (июнь 2014 г.) под моим председательством. ООН, Австралия, Мексика, Нидерланды, ЮАР, Великобритания, США и секретариат ФАТФ представили свои доклады и презентации. В семинаре участвовали представители 51 страны и 16 организаций.

Были обсуждены следующие аспекты этой темы:

Во-первых, несмотря на важные технические различия между соответствующими резолюциями Совета Безопасности ООН, общие моменты в положениях по целевым финансовым санкциям позволяют странам применять рекомендации ФАТФ 6 и 7, используя общее законодательство, применимое к различным наборам целевых финансовых санкций.

Во-вторых, эксперты указали на необходимость улучшать общее соответствие превентивным мерам, содержащимся в рекомендациях 6 и 7, в том числе через:

- Увеличение ресурсов, выделенных на установление режимов целевых финансовых санкций.
- Обеспечение того, чтобы меры по применению требований целевых финансовых санкций были основаны на доказательных стандартах разумных причин, а не полагались на стандарты уголовного права.

В-третьих, при включении в списки внутри страны или при запросе других стран принять меры по замораживанию в соответствии с резолюцией 1373, предоставлять достаточную высококачественную информацию, объясняющую основание для включения в перечень.

Участники признали необходимость продолжить тесное практическое сотрудничество между ФАТФ/РГТФ и ООН. Активное руководство соответствующих органов ООН в ФАТФ существенно для обеспечения последовательного применения целевых финансовых санкций в рамках различных организаций.

В-четвертых, ООН и ФАТФ продолжают проводить ежегодные встречи. Где возможно, ФАТФ и ИД КТК ООН продолжат рассмотрение подключения экспертов одной организации к оценкам другой.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как сказываются санкции и сложные взаимоотношения внутри экс-восьмерки на работе ФАТФ? Или проблема финансирования терроризма — та самая глобальная проблема, по которой стороны продолжают полноценное взаимодействие?

НЕЧАЕВ: И да, и нет. Да только в одном аспекте: страны ФАТФ совместно с теми странами, которые ввели санкции, не смогли приехать в Москву, где проходило заседание Евразийской группы. Я хотел бы прояснить: в ФАТФ установлен такой порядок — 2 пленарных заседания проводятся там, где находится секретариат ФАТФ, а третья — в стране президента ФАТФ. Поэтому после консультаций в рамках руководящей группы, проведя несколько телефонных конференций, мы решили провести пленарное заседание снова в Париже. Но это был единствен-

ный эффект от ситуации. В Париже то заседание прошло успешно. В основном ФАТФ воспринимается как техническая организация: если мы будем забывать, что преступность не знает границ и выходных, мы не будем успешными. У нас устанавливаются вполне нормальные отношения со всеми делегациями. Мы успешно завершили проект по афганским наркотикам, в том числе в совместной работе со странами, которые наложили санкции.

ФАТФ И НОВЫЕ УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Каковы данные ФАТФ о том, куда уходят деньги от продажи наркотиков. Являются ли оффшорные зоны основными получателями таких денег?

НЕЧАЕВ: Мы работаем на основе той информации, которую нам предоставляют страны. Но я могу сказать, что ОАЭ и Гонконг упоминались как промежуточные центры при переводе денег в ряде примеров. Но во многих случаях итоговым направлением является юг Европы как место приобретения недвижимости и ценностей. Оффшоры, конечно, тоже упоминаются. Но вот в ходе оценок оффшорных юрисдикций по линии Совета Европы я был весьма впечатлен уровнем ответственности у всех участников процесса, наверное, потому что финансовый бизнес — это единственное, чем они живут. Так что не все оффшоры являются той дырой, где теряются деньги. Я долгое время работал в Росфинмониторинге и могу сказать, что у нас был успешный опыт работы с рядом оффшорных зон, и не только в Европе, но и в Карибском бассейне.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Где находится центр контроля за противодействием отмыванию денег и финансовым преступлениям? Он находится в штаб-квартире ФАТФ? Или в здании американского суда где-то на Манхэттене? Список банков, которые были серьезно оштрафованы американским правосудием за перевод денег, впечатляет. Иран и Судан находятся под санкциями Совета Безопасности ООН или под односторонними американскими санкциями? Кто дирижирует этим процессом?

НЕЧАЕВ: Я думаю, что говорить об одном центре неправильно. Ведь система борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма состоит из отдельных кубиков. ФАТФ разрабатывает стандарты, которые можно применять в странах в соответствии с их правовой системой. К тому же ФАТФ оценивает, насколько успешно они применяются, в том числе отслеживает статистику по уголовным делам, приговорам, по разным аспектам, но эти аспекты ФАТФ не диктует, а говорит: вот здесь нужно исправить. Что касается наказаний, то ФАТФ считает, что они должны быть соразмерны и должны предупреждать последующие преступления. У США штрафные санкции могут быть очень большими. У нас и в Скандинавии санкции значительно меньше. Но это уже подход страны.

Я не готов комментировать конкретные судебные решения, ФАТФ не занимается индивидуальными делами. Когда мы запрашиваем какую-то информацию, факты представляются в обезличенном виде, для иллюстрации методов, используемых преступниками. Есть Группа Эгмонт, которая занимается совершенствованием международного сотрудничества, обменом информацией между финансовыми разведками. Есть Европол, Интерпол, с которыми мы сотрудничаем в меньшей степени, так как они больше занимаются практической работой.

Могу сказать только, что после этих громких случаев по инициативе США и Великобритании на пленарном заседании ФАТФ был заслушан доклад о мерах надзора и правоприменения. Специалисты из Лондона и Вашингтона сообщили о ситуации, уроках, проблемах, которые возникают не только у них, но и в ряде других стран. Фактически ФАТФ начала работать и на этом направлении, и с точки зрения изучения и внесения изменения, в том числе в стандарты. Не все предложения, в том числе США, проходят легко, потому что всегда есть обсуждение. В ФАТФ

Ю
Б
В
Р
Е
Т
Н
И

есть понятие консенсуса, это не единогласие, 2–3 делегации могут быть против, но не больше.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вы говорили о растущей роли интернет-сектора. В частности, в том, что касается криптовалют. Как Вы считаете, сможет ли ФАТФ регулировать этот сектор? Как его можно регулировать? И с какими организациями нужно иметь дело в этом случае?

НЕЧАЕВ: ФАТФ, несомненно, будет работать по этому вопросу, хотя пока не понятно в каком формате это будет. Возможно, это будут обзоры лучших практик стран по противодействию злоупотреблениям в использовании криптовалют или по их регулированию. Насколько я понимаю, сегодня ФАТФ не видит причин для изменения стандартов. У нас есть рекомендация, в которой учитываются новые платёжные методы и технологии.

Сложно сказать, какую позицию займут многие страны, здесь большое количество вариантов — от запрета до регулирования. ФАТФ еще не определила, кто будет участвовать в непосредственной проработке вопроса, некоторые страны заявили о своем желании, Канада заинтересована, и у них есть опыт, Россия заинтересована. Всемирный банк тоже заинтересован в этой работе. Тут уже все зависит от инициативы стран, ФАТФ не может сказать: вы должны этим заняться. ФАТФ формирует концептуальную записку и рабочую группу, куда желающие страны могут вступить, причем к работе привлекаются и представители региональных групп по типу ФАТФ.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Проводится ли оценка успешности работы ФАТФ? Можем ли мы сказать, что стало меньше *отмываться* денег? Что снизилось финансирование терроризма? Как мы можем определить, что ситуация стала лучше или хуже?

НЕЧАЕВ: Я не буду называть конкретные цифры, но могу сказать, если мы говорим об отмывании денег, в любом случае речь идет о процентах от общего оборота. Я думаю, это меньше 10%, что от отмываемых денег, что от торговли наркотиками, если брать в глобальном плане. Общеизвестно, что на финансирование терроризма идут не такие большие финансовые средства как те, которые отмываются, террористический акт может быть осуществлен и за небольшие деньги.

Что касается динамики в целом, ее сложно отследить. Если глобальная экономика растет, то и отмываемая доля тоже растет, вопрос в том, какой процент теневой экономики существует во всех странах. Но могу поделиться таким наблюдением, когда речь идет о лицах, которые берут проценты за придание легального статуса деньгам, мы можем сказать, что процент, который они берут за свои услуги, увеличивается. Отмывка денег становится дороже, а значит, сложнее.

Я уже приводил пример офшоров, даже в них уже можно получить информацию о бенефициарах, т.е. условия становятся сложнее, но и преступники становятся более ухищренными. Я думаю, здесь очень важна работа финансовых учреждений, поэтому ФАТФ уделяет много внимание обучению экспертов, чтобы они находили необычные операции. 🐘

Примечание

¹ Интервью основано на выступлении первого заместителя генерального директора Международного учебно-методического центра финансового мониторинга В.П. Нечаева на заседании Международного клуба *Триалог* 16 декабря 2014 г.

Юрий Федоров

АФГАНИСТАН В НОВЫХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ: ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ ДЛЯ ЕГО СОСЕДЕЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ?

Вывод из Афганистана основной части Международных сил содействия безопасности (МССБ) остро ставит вопрос: как это скажется на положении в Центрально-азиатском регионе¹. Определенного ответа на него нет.

КЛЮЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ

Заметное распространение в академических, политических и военных кругах получили алармистские оценки, предполагающие, что сокращение МССБ почти автоматически повлечет за собой приход Талибана к власти в Афганистане, создание в его северных провинциях плацдарма для вторжения террористических группировок в Центральную Азию и ее дестабилизацию. Особое значение в последние месяцы придается сообщениям о том, что Исламское государство (ИГ) собирается включить Центральную Азию в будущий халифат и что эти намерения были поддержаны некоторыми фигурами в исламистских кругах Афганистана и Пакистана².

На другом полюсе — менее пессимистические предположения: даже если талибы поставят под контроль северные провинции Афганистана, что само по себе проблематично, они не пойдут на вторжение в Центральную Азию, стабильность которой зависит от процессов, происходящих в самом регионе. Джихадистские устремления, типичные для ИГ, считают сторонники этой точки зрения, отнюдь не свойственны афганским талибам, которые в подавляющем большинстве стремятся лишь к построению шариатского государства в своей стране и мало заинтересованы во внешней экспансии.

В российском истеблишменте доминируют пессимистические оценки. Предполагается, что базирующиеся в Афганистане исламистские формирования намерены свергнуть нынешние режимы в Центральной Азии и создать там, прежде всего в Ферганской долине, шариатское государство. В итоге *пояс безопасности*, отделяющий сегодня Россию от Афганистана и других зараженных экстремизмом районов Юго-Западной Азии, превратится в зону, где накапливаются угрозы российским интересам. «Происходящие сегодня в Афганистане процессы оказывают значительное влияние на обстановку в регионе, — утверждал министр иностранных дел С.В. Лавров, — тем более что находящиеся на севере ИРА этнические узбекские и таджикские группировки экстремистской и террористической направленности уже готовят планы по проникновению на территории центральноазиатских стран». Это, подчеркнул С.В. Лавров, создает опасность дестабилизации Центральной Азии, которая «напрямую затрагивает национальную безопасность России»³. В российских доктринальных документах подчеркивается, что «недопу-

шение дестабилизации обстановки в Центральной Азии», а также нейтрализация угроз, связанных с международным терроризмом, экстремизмом, наркотрафиком, транснациональной преступностью и незаконной миграцией, «исходящих с территории Афганистана», относятся к *первостепенным задачам* российской внешней политики⁴.

Альтернативная точка зрения, распространенная среди части российских и зарубежных экспертов, сводится к тому, что, преувеличивая исходящие из Афганистана угрозы, Москва рассчитывает упрочить политический контроль над Центральноазиатским регионом. Так, один из ведущих российских экспертов А.В. Малащенко пишет: «Собственно экономическая ценность Центральной Азии для России не особенно высока, она определяется прежде всего заинтересованностью в транзите энергоресурсов. Главная цель Москвы в регионе — создание (или воссоздание) зоны своих особых интересов, *сателлизация* бывших советских республик и, по возможности, ограничение влияния внешних *акторов*, в первую очередь США и Китая»⁵.

Российские официальные круги обходят вопрос об источниках нестабильности, существующих внутри центральноазиатских стран, не желая, вероятно, упоминать проблемы, вызывающие болезненную реакцию правящих там режимов. К их числу относятся потенциальные *кризисы престолонаследия* в Казахстане и Узбекистане — характерное для авторитарных режимов резкое обострение внутриэлитных противоречий в период смены власти, если не удастся согласовать фигуру преемника нынешних высших руководителей этих стран.

Академические эксперты обычно говорят о двух группах угроз: внутренних, порожденных нерешенностью социально-экономических проблем, неэффективностью политических институтов, наркотрафиком, неясностью преемственности высшей власти в Узбекистане и Казахстане, обостряющимися противоречиями из-за распределения воды и распространением радикальных форм ислама, и внешних. Среди последних — угрозы, вызываемые возможной дестабилизацией Афганистана.

«Остаются старые и появляются новые вызовы безопасности региона. Серьезную озабоченность по-прежнему вызывает возможность внутривнутриполитической дестабилизации, связанная главным образом с отсутствием прозрачной системы преемственности и сменяемости руководства. Отдельный комплекс рисков связан с обострением борьбы за власть и ресурсы в Афганистане после вывода войск международной коалиции, что угрожает безопасности Центральной Азии, порождая одновременно ряд проблем, связанных со взаимодействием государств региона с Россией в рамках существующих военно-политических и интеграционных структур СНГ», — писали, например, специалисты, близкие к российскому МИДу и другим государственным ведомствам⁶.

В академических кругах США и Европы интерес к Центральной Азии сравнительно невелик, что может отражать незначительную роль этого региона в стратегических приоритетах Запада. Американские и европейские аналитики основное внимание уделяют Афганистану. Это понятно: операция *Enduring freedom/ISAF* и война 2003–2011 гг. в Ираке представляли собой крупнейшие военно-политические проекты США и в известной мере евроатлантического сообщества в целом. И хотя о результатах *афганского проекта* в полной мере говорить пока рано, выводы, которые будут сделаны по его итогам, будут иметь стратегическое значение, далеко выходящее за пределы Юго-Западной и Центральной Азии.

В частности в США и Европе могут прийти, или уже пришли, к заключению о бесперспективности и ненужности многолетних военных операций и затрат многих сотен миллиардов долларов, нацеленных на стабилизацию неспокойных районов третьего мира. Несмотря на колоссальные усилия США и их союзников, операции в Ираке и Афганистане не достигли, по крайней мере полностью, поставленных

перед ними целей. В свете этого, как бы ни развивались события в Центральной Азии, ожидать активного вмешательства в них США и европейских государств не приходится.

Тем не менее, поскольку в Афганистане останется после 2014 г. около 12,5 тыс. американских войск, этот регион сохранит, хотя и в меньших масштабах, чем сегодня, свою роль территории, через которую проходят основные коммуникации и линии снабжения американских сил. Среди западных экспертов нет единой точки зрения о влиянии предполагаемых событий в Афганистане на Центральную Азию. Так, Тэд Доннелли, командующий региональным командованием МССБ «Север», считает, что после 2014 г. Ферганская долина будет все более напоминать Федерально-управляемые племенные территории (ФАТА) на севере Пакистана. «Подобно ФАТА, говорит Тэд Доннелли, в будущем Ферганская долина будет представлять собой неуправляемое пространство, служащее убежищем и питательной средой для жестоких экстремистских организаций и боевиков, где они будут возникать и набираться сил. Исламское движение Узбекистана и другие экстремистские группировки будут использовать это убежище и тыловые районы в Афганистане, для того чтобы усилить давление исламистских повстанцев на светские правительства Центральной Азии»⁷.

Другие исследователи придерживаются менее алармистских взглядов и полагают, что возможная дестабилизация в Афганистане не окажет существенного влияния на положение дел в соседних государствах, а основную опасность представляет обострение в странах Центральной Азии экономических и социально-политических проблем. Оно может привести к появлению там районов, находящихся под контролем радикальных исламских групп, служащих убежищем террористических организаций. Обсуждается, соответственно, что могут и должны ли делать США и ЕС, чтобы стимулировать в Центральной Азии экономический рост, повысить благосостояние населения и предотвратить нарастание социально-политической напряженности.

В Центральной Азии признают существование угрозы, связанной с потенциальным проникновением исламского экстремизма из Афганистана. Наиболее остро ее воспринимают в Таджикистане и Киргизии, а в последние месяцы — в Туркменистане⁸. Эти страны в первую очередь являются потенциальными жертвами

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

ЗАМИР КАБУЛОВ:

Нестабильный Афганистан, на территории которого воюют исламисты, неизбежно повышает риски в Центральной Азии, прежде всего в Таджикистане, Узбекистане, Киргизии. Чем менее экономически и социально стабильна республика, тем выше риск. Мы обеспокоены как общей ситуацией в Афганистане, так и большой концентрацией боевиков, исламистов на севере, особенно северо-востоке страны. Там за последние 3–4 года на порядок увеличилось количество боевиков (с 1000 до 7–8 тыс. боевиков), в том числе переселившихся из лагерей с пакистанской территории; *Исламское движение Узбекистана* себя здесь также активно проявляет. Массовых случаев инфильтрации на территорию Таджикистана не наблюдается, однако процесс идет. Они небольшими боевыми группами проникают в Таджикистан, участвуют в беспорядках (эти боевики, в частности, были причастны к недавним событиям в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана). Знаем, что они уходят в другие области Таджикистана, в Киргизию. Пока сами по себе они не являются силой, которая может представлять угрозу стабильности режимов в этих странах, но они могут стать катализаторами кризисных явлений.

США уйдут из Афганистана,
чтобы усилить присутствие в АТР.
Индекс Безопасности. № 3–4 (102–103).
Осень-Зима 2012. С. 16-17.

А
Н
А
Л
И
З

интервенции экстремистских группировок. Менее уязвимыми, хотя и по разным причинам, считаются два других государства Центральной Азии — Казахстан и Узбекистан.

В экспертных и правительственных кругах центральноазиатских государств существуют различные оценки масштабов, характера и механизмов реализации этой угрозы. Так, ведущие таджикские специалисты в области международной безопасности Музаффар и Саодат Олимовы подчеркивали, что, несмотря на вероятное обострение ситуации в Афганистане после вывода большей части иностранных войск, «непосредственная опасность вторжения талибов странам ЦА уже не грозит, так как НАТО сохранит свое военное присутствие в Афганистане и после вывода войск, намеченного на 2014 г.»⁹.

Расходятся мнения относительно того, в чем, собственно, состоят негативные последствия нестабильности в Афганистане для центральноазиатских стран. Одни сводят их к необходимости выделить крупные дополнительные ассигнования для улучшения охраны границ и укрепления правоохранительных ведомств и вооруженных сил, что осложнит экономическую ситуацию. Другие полагают, что прорвавшиеся из Афганистана группы боевиков могут стать триггером, инициирующим антиправительственные выступления. Третьи видят главную угрозу в нарастании наркотрафика и, соответственно, росте влияния связанных с ним преступных кругов и коррумпированной бюрократии. При этом далеко не всегда можно различить, в какой мере тезис об угрозе исламского экстремизма отражает действительные опасения, связанные с джихадистскими группировками, а в какой муссируется правящими кругами стран Центральной Азии для оправдания репрессий против оппозиции.

Таким образом, единой устоявшейся точки зрения на влияние ситуации в Афганистане после сокращения там иностранных войск на положение дел в Центральной Азии нет. Соответственно, необходимо найти ответы на конкретные вопросы. По каким сценариям и маршрутам может произойти потенциальное вторжение исламских экстремистских сил в Центральную Азию? Какие группировки могут осуществить его? Какими силами они располагают? Способны ли они бороться с силами безопасности центральноазиатских государств? Получат ли они поддержку региональных и локальных лидеров, контролирующих северные районы Афганистана? И возможен ли новый приход к власти в этой стране талибов, которые могут поддержать джихадистские группировки?

АФГАНСКИЙ ФАКТОР

После разгрома талибов в 2001–2002 гг. северо-восточные провинции Афганистана контролируются группой таджикских лидеров, объединенных в зонтичную структуру Хезб-е Джамият-е ислами Афганистани. Ее центральной фигурой является доктор Абдулло Абдулло, ставший в конце сентября 2014 г. премьер-министром Афганистана, по сути дела вторым по значению деятелем нынешнего режима. Важную роль в населенных узбеками районах провинций Тахар, Джазджан и Фарьяб играет генерал Абдул Рашид Дустум, после выборов 2014 г. первый вице-президент, опирающийся на партию Джанбеш-е Милли-и Ислами. Среди хазарейского населения весомым влиянием пользуется лидер шиитской партии Хизб-е Вахдат-е Мардом-е Афганистан Моххамед Мохаккик¹⁰. На западе, прежде всего в Герате, признанным лидером является таджик Исмаил Хан, один из самых влиятельных полевых командиров периода афгано-советской войны, получивший в то время почетное имя лев Герата. Менее определенная ситуация в провинциях Багдис и Фарьяб, где нет ярко выраженных лидеров проживающего там туркменского населения.

При всех расхождениях и соперничестве друг с другом все эти лидеры являются непримиримыми противниками талибов, имеют многолетние хорошие отношения с Ташкентом и Душанбе и никоим образом не поддержат гипотетическое вторжение на север. С учетом этого интервенция из Афганистана в Центральную Азию, способная дестабилизировать государства этого региона, возможна, если контроль над северными провинциями страны, прежде всего граничащими

Рисунок 1. Провинции Афганистана

с Таджикистаном и Узбекистаном (Бадахшан, Тахар, Кундуз и Балх) и соседними с Туркменистаном (Джазджан, Фарьяб и Багдис), перейдет к Талибану. Особое значение имеют Кундуз и Тахар, наиболее вероятные плацдармы возможного вторжения в Таджикистан. Неслучайно в Кундузе располагались базы Объединенной таджикской оппозиции (ОТО), опираясь на которые она действовала на территории Таджикистана во время гражданской войны 1992–1997 гг.

Надежд на быструю стабилизацию положения в Афганистане нет. Американское военное руководство год назад признавало, что «способность правительства Афганистана обеспечить стабильное, эффективное и ответственное перед гражданами руководство медленно улучшается, но оно сталкивается с существенными вызовами, в том числе с коррупцией на различных уровнях, неэффективным контролем выполнения программ, провалом региональных бюджетов. Плохое сотрудничество центральных и региональных властей подрывает долговременную устойчивость и общественное доверие. Ограниченные способности (сотрудников. — Ю. Ф.) бюрократического аппарата в сочетании с отсутствием у них необходимого образования и подготовки продолжают препятствовать развитию устойчивой системы власти»¹¹.

С тех пор ситуация если и улучшилась, то не намного. На севере страны находятся группировки талибов, насчитывающие в общей сложности несколько тысяч человек. В частности сотни талибов или, возможно, боевиков ИДУ действуют в уезде Вардудж в центральной части провинции Бадахшан. Талибы пользуются определенным влиянием в провинции Кундуз, где пуштуны — этническая база Талибана — составляют чуть более трети населения и чувствуют себя дискриминированными после 2001 г. В двух пограничных с Таджикистаном уездах этой провинции осенью 2014 г. имелось, по данным провинциальной администрации, около тысячи вооруженных боевиков¹².

Эти формирования доставляют немало беспокойства местным властям, однако их сил не хватает, чтобы захватить значительные территории в северных районах страны и создать там инфраструктуру вторжения в соседние государства. Такое было бы возможно в случае повторения событий второй половины 1990-х гг., однако вероятность этого крайне мала. В 1990-х гг. сменявшие друг друга афганские правительства практически не имели армии. В южных районах страны талибы вообще не встретили сопротивления и мобилизовали в свои отряды несколько десятков тысяч местных жителей. На севере им противостояли вооруженные формирования противоборствующих друг с другом группировок — Ахмад Шах Масуда,

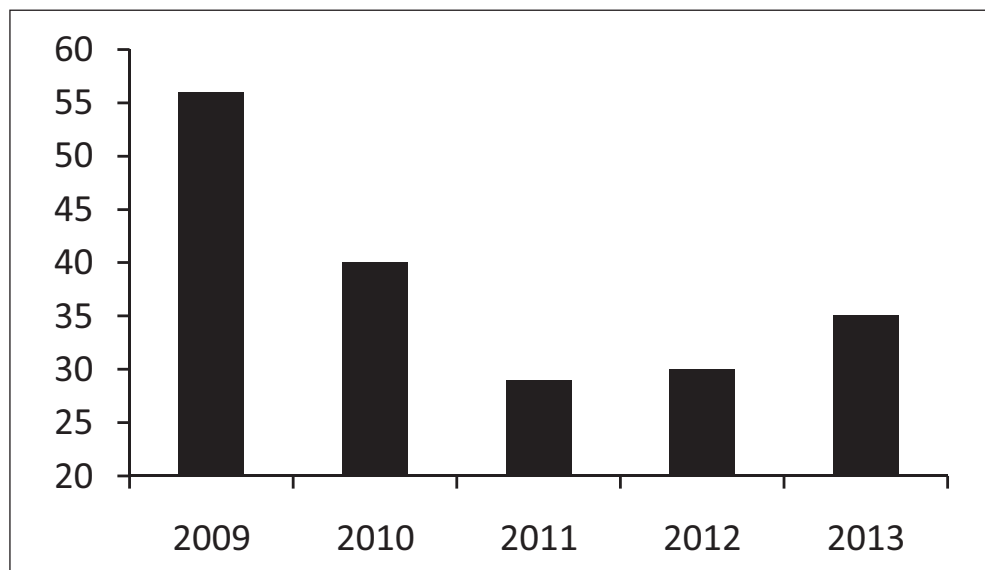
Абдула Рашида Дустума, Исмаил Хана, Барханудина Раббани и некоторых других. С большинством из них талибы расправились по одиночке, хотя захватить провинции Бадахшан, Тахар и Панджшер они не смогли.

Сегодня ситуация иная. Несмотря на соперничество двух претендентов на президентский пост — доктора Абдулло Абдулло и Ашрафа Гани Ахмадзая, осенью 2014 г. в Афганистане было сформировано правительство национального единства. Это предотвратило фрагментаризацию властных структур, армии и сил безопасности, что создало бы благоприятные возможности для Талибана. Афганские армия и полиция намного превосходят по численности формирования исламистской оппозиции. В последние 5–6 лет в отрядах талибов насчитывалось от 25 до 60 тысяч боевиков¹³. Это примерно 80% активных членов экстремистских группировок, воюющих с афганским правительством и ISAF¹⁴. В свою очередь, в 2014 г. в Силах национальной безопасности Афганистана (СНБА) состояли около 370 тысяч человек¹⁵.

Наблюдатели не отрицают слабости СНБА: низкий боевой дух, дезертирство, коррумпированность офицерского корпуса, особенно в полиции. Однако слабые места имеются и у Талибана. После 2009 г., когда наблюдался пик успехов боевиков, они понесли серьезные потери. Боевые группы талибов не смогли сорвать президентские выборы в апреле и июне 2014 г. В руководстве Талибана имеют место разногласия между прагматиками, склонными к поиску компромисса с Кабулом, и воинствующими элементами, нацеленными на войну до победного конца. Некоторые группы талибов вышли из-под контроля находящегося в Пакистане руководства¹⁶. Талибы и другие вооруженные формирования оппозиции пользуются поддержкой не более одной трети населения Афганистана.

Наконец, получение талибами, действующими на севере, крупных подкреплений из южных и юго-восточных регионов, где позиции этого движения остаются сильными, маловероятно. Для этого талибам придется перебрасывать свои отряды через районы, находящиеся под контролем правительственных сил или же населенных враждебными этническими группами. Кроме того, будут ослаблены их силы в стратегически важных районах к юго-западу от Кабула.

Доля респондентов в Афганистане, испытывающих симпатию к вооруженным оппозиционным группам, в %¹⁷

Среди многочисленных прогнозов развития ситуации в Афганистане после вывода основной части ISAF значительный интерес представляет обстоятельное исследование, выполненное высококвалифицированными американскими специалистами в Центре военно-морского анализа. В отличие от многих других аналитических материалов этот доклад содержит исходные данные и сделанные на их основании расчеты, что позволяет проверить сделанные выводы. Не вдаваясь в подробности, важно привести его ключевой вывод: «ANSF могут предотвратить превращение Афганистана в убежище для террористов, угрожающих этой стране, региону и миру в целом, если вплоть до 2016 г. их численность будет составлять 373 тысяч человек. Эти силы вряд ли смогут одержать военную победу над Талибаном, но, если они смогут сдерживать его повстанческую деятельность до 2018 г., вероятность достижения договоренности о прекращении войны увеличится»¹⁸.

Иными словами, в ближайшие 3–4 года в Афганистане сохранится нынешнее положение дел при постепенном ослаблении талибов и, соответственно, усилении их склонности к политическому урегулированию.

Наконец, хотя в Талибанах увеличивается количество таджиков, узбеков, казахов, чеченцев и других выходцев из мусульманских диаспор России и даже Европы, он остается преимущественно пуштунским движением. В начале 2010-х гг. пуштуны составляли до 93% его членов¹⁹. В то же время в этнической структуре севера Афганистана пуштуны составляют меньшинство. В целом там преобладают таджики и узбеки, в ряде местностей важную роль играют также хазарейцы, туркмены, а в восточной части Бадахшана, так называемом Ваханском коридоре — киргизы. Поддержка талибов среди непуштунских этнических групп намного меньше, чем в пуштунской среде.

СИЛЫ ВТОРЖЕНИЯ И ИХ MODUS OPERANDI

И все же нельзя исключать, что Талибан иницирует вторжение в Центральную Азию. Его руководители, правда, не понятно по какой причине, могут оказаться заинтересованными в дестабилизации положения в центральноазиатских странах или, что более вероятно, удалении под благовидным предлогом с контролируемых ими территорий отрядов слишком самостоятельных союзников.

Аналитики в большинстве своем согласны, что интервенция в этот регион, если она состоится, будет осуществлена непуштунскими исламистскими группировками. Будучи движением на 90% пуштунским, Талибан замкнут на афганскую проблематику. В случае вторжения в Центральную Азию пуштунским отрядам, лингвистически и культурно чуждым местному населению, придется действовать во враждебной им среде.

Главной силой гипотетического вторжения считается ИДУ, известное также под названиями Исламское движение Туркестана. К нему могут присоединиться Союз исламского джихада (СИД), Исламское движение Восточного Туркестана (ИДВТ), воюющие на стороне Талибана разрозненные небольшие группы выходцев из Кавказа, арабских стран, Пакистана и даже Европы, остатки формирований ОТО, отдельные группы так называемых непуштунских талибов, присоединившихся к Талибану афганских таджиков, узбеков, хазарейцев и туркмен, которые изначально не участвовали в этом движении.

ИДУ было создано во второй половине 1990-х гг., предположительно в 1996 или 1998 г. (в разных источниках называют различные даты) в Таджикистане членами узбекских исламистских организаций, возникших в 1990–1991 гг. в Намангане²⁰. В 1992–1993 гг. в результате преследования властей многие их активисты перебрались в Таджикистан и в гражданской войне воевали на стороне ОТО. В 1992 г.

из них был сформирован Наманганский батальон под командованием Джумабая Ходжиева, бывшего младшего офицера (по другим данным, то ли солдата, то ли сержанта) Советской Армии, принявшего имя Джума Намангани. Политическим руководителем ИДУ стал мулла Тахир Юлдашев, а командование вооруженными формированиями было поручено Джуме Намангани.

После прекращения гражданской войны в Таджикистане и интеграции ОТО в тамошние институты власти ИДУ оказалось в сложном положении — места в таджикских армии и силах безопасности для него не было. Бывшие союзники дали понять, что отрядам ИДУ необходимо покинуть территорию страны. В итоге в конце 1990-х гг. ИДУ перебазировало свои силы в Афганистан и в 1999 и 2000 гг. предпринимало попытки прорваться в Узбекистан, поднять восстание против режима Каримова и создать в Ферганской долине шариатское государство. Столкновения с киргизскими и узбекскими войсками завершились разгромом исламистов. Эти события, названные баткенскими, могут оказаться шаблоном, по которому будет происходить возможное вторжение из Афганистана в Центральную Азию.

После провала интервенций 1999–2000 гг. руководство ИДУ взяло курс на активное сотрудничество с Талибаном и превращение в ключевое звено создававшейся в 2000–2001 гг. в Афганистане структуры, известной как ЛИВО. Последняя должна была объединить все находившиеся там иностранные исламистские группировки, поставить их под контроль Кабула и превратить в инструмент достижения целей талибов за рубежом²¹. Летом 2001 г. ИДУ участвовало в боях против Северного альянса. По некоторым, впрочем, не слишком надежным данным, исходящим, как можно предположить, из узбекских служб безопасности, в середине 2001 г. в отрядах ИДУ в Афганистане насчитывалось до 5 тысяч человек и еще около 3 тысяч человек — в подпольных ячейках на территории Узбекистана²².

В конце 2001 г. ИДУ потерпело тяжелое поражение от отрядов генерала Дустума и американских спецподразделений²³. В это время погиб Джума Намангани. После разгрома талибов в конце 2001 г. ИДУ перебралось в *зону племен* на северо-востоке Пакистана. Численность его бойцов в конце 2001 г. — начале 2002 г., по разным оценкам, составляла от 500 до 1500 человек²⁴. С этого момента оно превратилось в своего рода иностранный легион Талибана, привлекая выходцев из Центральной Азии, Пакистана, России, арабских стран и даже Европы. «Основной функцией ИДУ в рамках афганской войны является интеграция в ряды вооруженной оппозиции боевиков-добровольцев из стран бывшего СССР и Западной Европы. ... Отряды ИДУ... становятся *шлюзом* для вхождения новичков в террористический *интернационал* Афганистана», — отмечал российский афганист Н.А. Мендкович²⁵. К концу прошлого десятилетия ИДУ смогло в известной мере восстановить свои позиции. Его численность вновь возросла и составляла, по оценкам американской военной разведки, в 2008 г. от 3 до 4 тысяч боевиков²⁶.

В очередной раз положение изменилось в 2009–2011 гг. Американские войска и афганские силы безопасности нанесли поражение талибам в южных и юго-западных провинциях и частично на севере страны²⁷. Формирования ИДУ понесли заметные потери, были уничтожены несколько его высших руководителей, в том числе в 2009 г. был убит Тахир Юлдашев, а через три года — его преемник, Усмон Одил. Нынешний лидер ИДУ, Усмон Гази, фигура малоизвестная, и его авторитет среди боевиков заметно ниже, чем у его предшественников. В 2011–2012 гг. был ликвидирован ряд региональных командиров ИДУ на севере и северо-востоке, а большая часть боевиков была выдвинута в восточную и северо-восточную части Афганистана, в том числе в пограничную с Таджикистаном провинцию Бадахшан, где успехи американских и афганских правительственных войск были заметно слабее. Предполагается, что в начале 2010-х гг. там находилось около одной тысячи боевиков²⁸. Вопрос о том, в какой мере ИДУ готово принять участие в предполагаемом вторжении в Центральную Азию остается открытым. Основные причины этого — сосредоточение активности ИДУ в северо-восточных районах Пакистана,

базирование там его главных сил и плотное сотрудничество с пакистанским Талибаном.

Вместе с ИДУ во вторжении в Центральную Азию может принять участие СИД, отколовшийся от ИДУ в 2001-м или в 2002 г. В отличие от ИДУ, которое на протяжении прошлого десятилетия все более концентрировалось на проблемах Пакистана и Афганистана, СИД ориентирован на террористическую деятельность в Узбекистане, других странах Центральной Азии и даже Германии²⁹. Численность его неизвестна, но, похоже, в нем участвуют не более нескольких сот человек³⁰. По оценке Н.А. Мендковича, общее число членов ИДУ и СИД составляет до 4 тысяч человек, при этом «большинство добровольцев прибывает (в Афганистан не из Узбекистана, а — Ю. Ф.) из других стран и регионов, включая Россию и Западную Европу. Также велико число боевиков-афганцев из числа этнических узбеков и таджиков»³¹. К потенциальным союзникам ИДУ по вторжению в Центральную Азию относится ИДВТ, известное так же как Исламская партия Туркестана. ИДВТ, созданное в начале 1990-х гг., ведет вооруженную борьбу за независимость Синцзяна, но в последние годы выступает также за широкое сотрудничество с джихадистскими организациями во всей Центральной Азии³². Численность его боевых отрядов оценивается в 500–600 человек³³.

Приведенные оценки численности этих группировок позволяют ориентировочно определить максимальное количество боевиков, которые теоретически могут участвовать во вторжении в Центральную Азию, в 3–5 тысяч человек. Это совпадает с данными афганских источников, считающих, что на стороне талибов в 2013 г. сражалось от 3 до 5 тысяч иностранцев, включая выходцев из стран бывшего СССР³⁴. При этом далеко не все члены ИДУ готовы переместиться в Центральную Азию из ставшей для них привычной *зоны племен* в Северо-Восточном Пакистане. Кроме того, не факт, что СИД, ИДВТ и другие, более мелкие джихадистские группировки готовы действовать под началом ИДУ.

Другой вопрос: каким образом эти группировки могут прорваться из Афганистана в Ферганскую долину. Интервенция в Узбекистан маловероятна. Узбекско-афганская граница вдоль Аму-Дарьи протяженностью 137 км — одна из самых охраняемых в мире, она защищена барьерами из колючей проволоки, минными полями и т. д. Но даже если 3–5-тысячная группировка джихадистских боевиков прорвется на территорию Узбекистана, она будет быстро уничтожена неплохо подготовленной и оснащенной узбекской армией³⁵. Проникновение в Ферганскую долину через обширный малонаселенный Горный Бадахшан также практически исключено. Крупные группировки боевиков могут захватить находящийся близ границы Хорог или иные более мелкие населенные пункты. Однако, для того чтобы затем выйти на границу с Киргизией, их отряды должны будут либо пройти пешком на север несколько сот километров, либо двигаться по Памирскому тракту, соединяющему Хорог с Мургабом. В первом случае, даже если они смогут физически совершить марш-бросок по труднопроходимой высокогорной местности, к концу похода они будут вымотаны до предела и потеряны боееспособность. Во втором случае их перемещающиеся по шоссе автоколонны легко уничтожить авиаударами.

В случае интервенции в южную Хатлонскую область Таджикистана вторгнувшаяся группировка столкнется там не только со слабой таджикской армией, но и с частями российской 201-й военной базы, общая численность которых — около 7,5 тыс. человек. Учитывая географические условия Хатлонской области, мало подходящие для ведения партизанской войны, а также отсутствие у сил вторжения тяжелой техники и авиации, шансов на победу у исламистов нет. Правда, планируемая переброска в Украину 3 тысяч военнослужащих 201-й базы, о которой в конце января 2015 г. сообщили СМИ, может заметно ослабить боевой потенциал российских войск в Таджикистане.

Рисунок 2. Гипотетические маршруты движения исламистских группировок в Ферганскую долину

Наиболее вероятные направления проникновения экстремистских групп из Афганистана в Ферганскую долину

Тем не менее с учетом этого наиболее вероятный, а скорее, единственно возможный способ проникновения джихадистских группировок из Афганистана в Центральную Азию — скрытное движение малыми группами по так называемому восточному маршруту: по линии Тахар–Тавильдара–Гарм, вдоль границы высокогорных массивов Бадахшана, оттуда в Баткенскую и Ошскую области Киргизии и затем в южную часть Ферганской долины.

Это, по сути дела, предопределяет тактику их действий, воспроизводящую модель так называемого *партизанского очага* или *фоко*, изобретенную Че Геварой и европейскими интеллектуалами левого толка. Суть ее в том, что небольшая группа, от нескольких десятков до двух-трех сотен человек, проникает извне на территорию страны, в которой планируется захват власти, создает базу в труднодоступной местности — в горах или джунглях, разворачивает террористические действия, ведет пропагандистскую кампанию среди местного населения, постепенно расширяет контролируемый ею анклав, привлекает к себе население окружающих районов и оппозиционно настроенные элементы из других частей страны и в конечном итоге наносит поражение правительственным силам и захватывает страну. Правда, единственным случаем успешной реализации *фокистской* модели был захват власти в Кубе группировкой Кастро в конце 1950-х гг. Попытки повторить ее в других странах провалились.

Теоретически нельзя исключать, что отдельные, небольшие по количеству группы джихадистов могут по такому маршруту проникнуть из Афганистана в Ферганскую долину. Однако на практике вероятность этого весьма мала. Эти группы неизбежно будут замечены местным населением и, соответственно, блокированы и ликвидированы властями Таджикистана и Киргизии. Если же будет предпринята попытка прорыва из Афганистана относительно крупной группировки боевиков, насчитывающей 3–5 тысяч человек, то ей придется с боями, под ударами авиации пройти пешком несколько сот километров по территории двух стран. Даже если она не будет уничтожена или рассеяна по пути из Афганистана в Ферганскую долину и сможет достигнуть последнюю, ее боеспособность будет равна нулю.

Наряду с таджикско-киргизским маршрутом потенциального проникновения исламистских боевиков из Афганистана в Ферганскую долину в 2014 г. предметом довольно активного обсуждения в экспертной среде в последние месяцы стал *западный* вариант.

Он предполагает вторжение джихадистских отрядов из афганских провинций Фарьяб, Багдис и Джазджан в Туркменистан с целью его дестабилизации, захвата крупнейших месторождений Южный Йолотан и Даулетабад или повреждения газодобывающей инфраструктуры, а также выхода через туркменскую территорию в Сурхандарьинскую и Кашкадарьинскую области Узбекистана. Некоторые публицисты рисуют поистине апокалиптическую картину происходящего на туркмено-афганской границе. Помимо восточного направления, через Киргизию и узбекскую Фергану, по ранее опробованному маршруту наступления на север исламисты готовят для прорыва направление западное — на Туркменистан. Об этом свидетельствует происходящее в приграничных северо-западных районах Афганистана. Например, президент Института Ближнего Востока Евгений Сатановский писал: «Погибли сотни мирных жителей, сожжены десятки домов. Отмечены массовые обезглавливания, ранее не характерные для этого региона. Экспертам это напоминает почерк ИГИЛ. Туркменские пограничники не только несут значительные потери убитыми, но и захватываются исламистами в плен. Можно говорить о зачистке боевиками приграничных районов от местного населения и подготовке оперативных коридоров для прорыва через афгано-туркменскую границу под весеннее наступление 2015 г.»³⁶.

В реальности ситуация выглядит хотя и тревожной, но все же не столь ужасной. Действительно, с начала 2014 г. в пограничных с Туркменистаном провинциях Афганистана активизировались антитуркменские выступления талибов, происходят столкновения между талибами и отрядами самообороны небольших населенных пунктов и деревень, населенных афганцами туркменского происхождения. Были нападения на несколько туркменских пограничных застав. Из-за внезапности нападения туркменские пограничники понесли некоторые потери, размеры которых неизвестны. Ашхабад, естественно, предпринимает меры по укреплению границы: в 2014 г. прошел дополнительный призыв в погранвойска, ряд участков границы огражден колючей проволокой и глубокими рвами. Планируется развернуть системы спутникового и электронного слежения за границы с Афганистаном. Туркменские власти оказывают поддержку отрядам местной самообороны соотечественников в Афганистане.

Вопрос, однако, в том, насколько эти и предполагаемые некоторыми экспертами другие действия талибов опасны для туркменского режима. Игнорировать угрозу возможного вторжения, разумеется, нельзя, особенно имея в виду, что расстояние от границы с Афганистаном до газовых месторождений Южный Йолотан–Осман и Даулетабад в Марыйском велаяте менее 200 километров. Неверно было бы преуменьшать численность накапливающихся вблизи Туркмениста-

Рисунок 3. Возможные направления гипотетического вторжения в Туркменистан

А
Н
А
Л
И
З

на исламистских боевиков. По некоторым данным, их бадгисская группировка насчитывает несколько сот боевиков³⁷. В Фарьябе осенью 2014 г. действуют около 2 тысяч вооруженных талибов³⁸. Можно предположить, что в Джазджане базируются похожие по численности — от нескольких сот до одной-двух тысяч человек отряды талибов.

Однако, как уже говорилось, пуштунские компоненты этих группировок вряд ли заинтересованы в своем участии во вторжении в Туркменистан. А это значит, что перед вторжением, если оно, разумеется, планируется, разрозненные группы непуштунских элементов должны быть выделены из формирований талибов и сведены в отдельные отряды, что требует времени и достаточно эффективного командования. При этом даже крупные силы вторжения численностью до 1–2 тысяч боевиков не смогут выдержать вооруженного сопротивления с туркменской и, возможно, узбекской армиями. Хотя 26-тысячные туркменские вооруженные силы считаются довольно слабыми по сравнению с армиями Узбекистана и Казахстана, они вполне могут разгромить такую группировку джихадистов, не имеющую ни авиации, ни тяжелой техники.

Главное, однако, в другом. Вторжение из Афганистана в страны Центральной Азии может стать опасным, если оно произойдет в период внутренней нестабильности, если вооруженные силы и органы безопасности окажутся недееспособными в результате раскола в высшем руководстве государства. В этих условиях появление на военно-политической сцене пораженной конфликтом страны нескольких тысяч и даже сотен вооруженных боевиков может оказаться решающим фактором, определяющим исход внутреннего противоборства. Соответственно, возникает вопрос: насколько стабильна военно-политическая ситуация в Центральной Азии?

ПЕРСПЕКТИВЫ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аналитики и СМИ нередко *по умолчанию* предполагают, что обстановка в Центральной Азии имманентно не стабильна, что там накапливаются предпосылки для социальных взрывов, которыми воспользуются экстремистские группировки. В качестве доказательства часто ссылаются на массовые беспорядки, имевшие место в 2005 г. в Андижане (Узбекистан), в 2010 г. в Оше (Киргизия), в 2011 г. в Жанаозене (Казахстан), в 2012 г. в Хороге (Таджикистан), и на столкновение правительственных войск с группой исламских радикалов в Раштской долине (Таджикистан) в 2010 г., в ходе которой погибли 23 военнослужащих.

Однако эти события не привели к сколько-нибудь заметной дестабилизации положения в Центральной Азии и не поставили под угрозу существующие там режимы. Более того, несмотря на многочисленные прогнозы о надвигающихся гражданских войнах, массовых протестах и тому подобное, режимы сложившиеся в начале 1990-х гг., сразу после краха СССР в Узбекистане, Казахстане и Туркменистане существуют до сих пор. На протяжении почти 18 лет после окончания гражданской войны у власти в Таджикистане пребывает режим Эмомали Рахмона. Его долголетие обусловлено прежде всего умением поддерживать баланс между различными группировками в госаппарате и вооруженных силах, основанный на контроле над экономическими активами и наркотрафиком. Наименее стабильно положение в Киргизии, где в результате массовых беспорядков были смещены режимы Акаева и Бакиева. Но и в этой стране после 2010 г. политическая система относительно устойчива.

Нельзя не отметить также низкий уровень террористической активности в странах Центральной Азии.

Количество террористических актов в странах Центральной Азии, 1992–2013 гг.³⁹

Страна	1992–2013 гг.	В том числе в 2010–2013 гг.
Казахстан	24	13
Киргизия ^{с)}	24	2
Таджикистан ^{а)}	180	7
Туркменистан	1	0
Узбекистан ^{б)}	20	0
Всего	249	22

^{а)}Без учета войны 1992–1997 гг. ^{б)}По данным узбекских властей. ^{с)}Без учета массовых беспорядков в Оше.

Не вдаваясь в методологию учета террористических проявлений, использованную Global Terrorism Database, данные которой здесь приведены, заметим лишь, что террористическая активность в Центральной Азии в 100 с лишним раз слабее, чем в близлежащих Афганистане и Пакистане, и в 9 раз слабее, чем в России, где число зарегистрированных в этой базе данных террористических актов в 1992–2013 гг. превысило 2000.

Вместе с тем *арабская весна* показала, что кажущиеся прочными авторитарные режимы могут рухнуть совершенно неожиданно. В свете этого вопрос о том, насколько устойчивы режимы в странах этого региона, является открытым. Чаще всего истоки потенциальной нестабильности видят в тяжелом социально-экономическом положении и низком уровне жизни масс, типичных для Центральной Азии. Однако, как свидетельствует опыт многих бедных стран, сам по себе низкий уровень жизни автоматически не приводит к политическим пертурбациям. Пауперизированные слои озабочены прежде всего проблемой выживания, как правило, они деклассированны, деполитизированы и в значительной своей части криминализированы. Они охотно участвуют в беспорядках, но мало способны к осознанным акциям протеста. Такие беспорядки легко вспыхивают, но также легко подавляются вооруженной силой, если только бунтующие массы не организованы и не направляются политическими или преступными группами либо религиозными движениями. При этом от 5 до 6 млн человек, в основном мужчины работоспособного возраста регулярно уезжают из наиболее бедных стран региона в Россию, Казахстан, Турцию и государства Персидского залива на заработки⁴⁰. Это смягчает положение малообеспеченных слоев, но главное — из региона уезжает большая часть тех, кто мог бы составить основную ударную силу массовых выступлений политического характера.

Для того чтобы недовольство властью, вызванное социально-экономическими невзгодами, переросло в политические действия, необходимы организованные структуры, способные предложить понятные массам лозунги и мобилизовать их на борьбу с режимом. В Казахстане, Таджикистане и Киргизии легальная оппозиция на деле сотрудничает с властью, тогда как в Узбекистане и Туркменистане ее просто не существует. Нелегальные организации, прежде всего Хизб-ут-тахрир, Джунд аль-Халифат, ИДУ, СИД, действуют в глубоком подполье, что, естественно, до предела сужает их *зону влияния*. Можно предположить, что в случае серьезного обострения внутривнутриполитической ситуации нелегальные оппозиционные группы выйдут из подполья и попытаются придать массовым протестным выступлениям политическое направление. Однако, для того чтобы вызвать такие выступле-

ния у нелегальных организаций, нет политических, кадровых и организационных ресурсов.

Но главное, события 1989–1991 гг. в бывшем СССР, *цветные революции* в Грузии, Украине и Киргизии, государственный переворот в Киргизии в 2010 г., *арабская весна* показывают, что падение правящих режимов происходит при сочетании двух взаимно стимулирующих друг друга процессов: протестных выступлений населения и раскола правящей элиты, часть которой добивается смены высшего руководства и использует массы для давления на правящую верхушку или ее устранения. Как правило, именно раскол элит, в первую очередь высшего эшелона власти, является ключевым фактором падения режима. Государственный, в том числе репрессивный, аппарат оказывается дезориентирован, ослаблен, а нередко парализован, поскольку бюрократия не знает, какая именно группировка на верху пирамиды власти в конечном итоге одержит победу. Заметно расширяется свобода действий региональных элит. Прогрессирующая слабость власти стимулирует массовые оппозиционные акции, создает условия для формирования антиправительственных структур или выхода их из подполья и усиления давления на государственные институты.

Иными словами, ключевой фактор потенциальной дестабилизации в Центральной Азии — конфликт в высших эшелонах власти, приводящий к параличу государственного и репрессивного аппаратов. Теоретически такое развитие событий возможно в результате *кризиса престолонаследия* в Казахстане или Узбекистане. В последние несколько лет политологи и журналисты составляют различные списки преемников президентов Назарбаева и Каримова, пытаются угадать или вычислить, кто может претендовать на высший пост в этих государствах. Так, недавно был опубликован очередной *рейтинг преемников* Назарбаева, в котором первые 5 мест поделили нынешний мэр Алматы Есимов, премьер Масимов, председатель КНБ Абыкаев, зять президента Кулибаев и его дочь Дарига Назарбаева⁴¹. В Узбекистане, насколько можно судить по сообщениям экспертов, в будущей борьбе за власть столкнутся шеф Рустам Иноятов и премьер-министр Шавкат Мирзиёев, оба считаются сторонниками сближения с Россией, первый вице-премьер Рустам Азимов и первый заместитель Иноятова Шухрат Гулямов.

Думается, однако, что такого рода рейтинги и списки имеют минимальное значение. История, например, свидетельствует о том, что нередко на высший пост попадали персонажи, шансы которых до момента назначения считались близкими к нулю. Причина проста: если наиболее сильные и перспективные кандидаты не могут быстро договориться друг с другом о разделе постов и сфер влияния в государственном аппарате, они могут выдвинуть считающуюся слабой фигуру, с тем чтобы выиграть время, консолидировать силы и через несколько месяцев прийти к окончательному решению — будь то взаимоприемлемая договоренность или некий *силовой вариант*. Правда, случалось и так, что слабый кандидат оказывался сильным и переигрывал своих конкурентов.

Важно другое. Ни Назарбаев, ни Каримов не могут даже намекнуть, кого они видят в качестве своих преемников. Это сразу же ломает сложившуюся систему сдержек и противовесов, поскольку реальный или потенциальный преемник превращается в мощный центр притяжения, привлекающий к себе верхушечные слои госаппарата, армии и сил безопасности, превращая тем самым действующего лидера в сугубо церемониальную фигуру. Одновременно любые попытки ведущих деятелей узбекского и казахстанского режима достичь закулисных договоренностей относительно преемников Каримова и Назарбаева будут восприняты последними как проявления вопиющей нелояльности и, соответственно, повлекут за собой *организационные выводы* вплоть до самых радикальных. Это является серьезным фактором неопределенности и потенциальной политической нестабильности в этих странах, провоцируя тем самым вмешательство внешних сил со стороны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторжение джихадистских группировок из Афганистана, способное серьезно дестабилизировать политическую ситуацию в государствах Центральной Азии, возможно при сочетании нескольких условий, причем каждое из них необходимо: установление контроля талибов над северными афганскими провинциями, поддержка руководством Талибан планов интервенции в соседние страны, накопление вблизи границ с Таджикистаном, Узбекистаном или Туркменистаном отрядов интервенционистских сил и создание там их опорных баз, паралич вооруженных сил и органов безопасности центральноазиатских государств в результате обострения противоречий и конфликтов в их правящей верхушке.

В настоящее время и в обозримом будущем оснований ожидать победы талибов в Афганистане и установления их власти на севере страны нет. Соответственно, не просматривается возможность массированного вторжения оттуда в Центральную Азию. Бессистемные интервенции небольших джихадистских группировок в страны региона исключить, естественно, нельзя, но они не создают реальной угрозы правящим там режимам и легко нейтрализуются их вооруженными силами. Наиболее вероятной, а скорее, единственной причиной дестабилизации этого региона является *кризис престолонаследия* в Казахстане и Узбекистане, но оценить сегодня его перспективу невозможно. Даже сами реальные или предполагаемые претенденты на высшие посты в этих странах не знают, смогут ли они договориться о распределении власти или нет.

Примечания

¹ Единого общепринятого определения границ Центральной Азии и списка входящих в этот регион государств не существует. В этой работе к Центральной Азии отнесены 5 государств, возникших на месте бывших советских республик: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

² Так, немецкий эксперт по Центральной Азии Михаэль Лаубш считает, что ИГ не ограничивает свои планы только Ираком, Сирией и, возможно, другими арабскими странами. Еще большая ошибка, по его мнению, — недооценивать ее идеологическое влияние на другие регионы, включая Центральную Азию и Кавказ. Это влияние уже ощутимо, особенно в Узбекистане и отчасти в Таджикистане. ИГ демонстрирует умение вести самую широкую пропаганду современными средствами, через социальные сети. Заявления о включении Центральной и Западной Азии в состав будущего халифата поддержали лидеры Пакистанского Талибана и руководитель Исламского движения Узбекистана (ИДУ) Усман Гази. См.: Проект «Исламское государство» в Центральной Азии: от Ташкента до Баку. *Deutsche Welle* (на русском языке). 2014, 5 сентября, <http://www.dw.de/проект-исламское-государство-в-центральной-азии-от-ташкента-до-баку/a-17904190> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.); Nelson Dean. Islamic State claims Pakistan and Afghanistan for its 'caliphate'. *The Telegraph*. 2014, 4 September, <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/Pakistan/11075390/Islamic-State-claims-Pakistan-and-Afghanistan-for-its-caliphate.html> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.); Mehsud Saud and Golovkina Maria. Pakistani Taliban declare allegiance to Islamic State and global jihad. *Reuters*. 2014, 4 October, <http://www.reuters.com/article/2014/10/04/us-pakistan-taliban-id-USKCN0HT0HS20141004> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.); ИДУ присоединяется к боевикам ИГИЛ. *ИноСМИ.Ру*. 2014, 8 октября, <http://inosmi.ru/sngbaltia/20141008/223508732.html> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

³ Интервью министра иностранных дел России С. В. Лаврова кувейтскому информационному агентству КУНА. 18 июня 2013 г., <http://www.mid.ru/BDOMP/brp4.nsf/sps/B60A0F020380821244257B8E002DB4C7> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 февраля 2013 г., <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/#review> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

- ⁵ Малашенко Алексей. Интересы и шансы России в Центральной Азии. *Pro et Contra*. Январь-апрель 2013 г. С. 21.
- ⁶ Наумкин В. В., Звягельская И. Д. и др. Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители. Российский совет по международным делам. М., 2013. С. 8.
- ⁷ FATA (Federally Administered Tribal Areas), или *зона племен*, расположена на северо-западе Пакистана между провинцией Хайбер-Пахтунхва и Афганистаном. Большая часть ее контролируется движением Талибан. На *зону племен* не распространяется юрисдикция пакистанских судов. Donnelly Ted. U. S. Army. Fergana as FATA? Central Asia after 2014 — Outcomes and Strategic Options. The Foreign Military Studies Office (FMSO), Fort Leavenworth, Kansas. 2011. P. 13.
- ⁸ Волков Виталий. Война за газ. Туркменская власть очень напугана угрозой вторжения боевиков. *Новая газета — Казахстан*. 2014, 4 сентября — 11 сентября, <http://www.novgaz.com/index.php/2-news/1180-война-за-газ> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).
- ⁹ Олимова С. К., Олимов М. А. Проблема 2014 года: взгляд из Центральной Азии / Вызовы безопасности в Центральной Азии. Под ред. И. Я. Кобринской. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 77.
- ¹⁰ Giustozzi Antonio. The Resilient Oligopoly: A Political-Economy of Northern Afghanistan 2001 and onwards. Afghanistan Research and Evaluation Unit. Issues Paper. December 2012; Tchalakov Mara. The Northern Alliance Prepares for Afghan Elections in 2014. Afghanistan report 10. The Institute for the Study of War. 2013.
- ¹¹ Report on Progress Toward Security and Stability in Afghanistan. Report to Congress. The Department of Defense. July 2013. P. 125.
- ¹² Два афганских уезда, граничащих с Таджикистаном, могут перейти под контроль Талибан. *CA-News.org*. 2014, 24 октября, <http://ca-news.org/news:1128801> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).
- ¹³ Estimated Number of Insurgent Forces in Pakistan. In: Sameer Lalwani. Pakistani Capabilities for a Counterinsurgency Campaign: A Net Assessment. New America Foundation, September 2009, http://www.newamerica.net/publications/policy/pakistani_capabilities_counterinsurgency_campaign_net_assessment (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.); Giustozzi Antonio. Taliban Networks in Afghanistan. Center on Irregular Warfare & Armed Groups (CIWAG). US Naval War College, Newport, RI. 2013. P. 23. Приведенные в этих (и других) источниках цифры приблизительны. Они относятся, насколько можно судить, к активным членам боевых групп Талибана, но не учитывают его скрытых сторонников.
- ¹⁴ Giustozzi Antonio. Taliban Networks in Afghanistan. P. 20.
- ¹⁵ ANSF состоит из Афганской национальной армии (ANA), Афганской национальной полиции (АНП) и местной полиции (Afghan local police — ALP). ANA насчитывает около 190 тысяч человек, в том числе около 11 тысяч военнослужащих элитных сил специальных операций. ANP — 153 тысячи сотрудников. Она состоит из пограничных частей, общей полиции (Afghan uniformed police) и Афганской национальной полиции общественного порядка (Afghan national civil order police), ответственной за противодействие мятежникам. Местная полиция, насчитывающая весной 2014 г. около 27 тысяч человек, является, по сути дела, силами самообороны деревенских общин. Последние представляют собой взятые на обеспечение МВД вооруженные группы, обычно называемые *militias*, подчиняющиеся местным старейшинам. Developing Afghan security forces. NATO. 10 April 2014, http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_92726.htm?selectedLocale=en (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).
- ¹⁶ В частности в 2013 г. из Талибана выделилась крайне экстремистская группа Исламское движение Фронт федаинов Афганистана (Махаз федаи тахрик ислами Афганистан), совершившая несколько крупных террористических актов. Эта группа, как некоторые ей подобные, отрицает любые переговоры с США и кабульским правительством и находится в оппозиции к руководству Афганского Талибана, официально именуемого Исламский эмират Афганистана, так называемая Шура в Кветте (Quetta shura) во главе с муллой Мухаммедом Омаром, находится вблизи пакистанского города Кветта.
- ¹⁷ Afghanistan in 2013. Survey of the Afghan People. The Asia Foundation. 2013. P. 42.

¹⁸ Schroden Jonathan, Norman Catherine, Meyerle Jerry, Asfura-Heim Patricio, Rosenau Bill, Gilmore Del, Rosen Mark, Mak Daniella, Hutchinson Nicholas. Independent Assessment of the Afghan National Security Forces. CNA. Alexandria, VA. 2014. P. 8.

¹⁹ Giustozzi Antonio. Taliban Networks in Afghanistan. P. 24.

²⁰ К этим организациям, разгромленным в начале 1990-х гг. узбекскими силами безопасности, относятся прежде всего Адолат (Справедливость), Товба (Покаяние), узбекский филиал Исламской партии возрождения, Ислом Лашкорлари (Воины ислама). О создании ИДУ в 1996 г. сообщали многие российские источники. См., например, Михаил Фальков. Исламское движение Узбекистана (ИДУ). *Независимая газета*. 2000, 24 августа, http://www.ng.ru/net/2000-08-24/0_idu.html. В ряде западных источников говорится о возникновении ИДУ в 1998 г. См., например, Stein Matthew. The Goals of the Islamic Movement of Uzbekistan and Its Impact on Central Asia and the United States. Foreign Military Studies Office. U. S. Department of the Army. 2013. P. 2.

²¹ Аскарлов Асет. Исламское движение Узбекистана. История трансформаций. Информационно-аналитический Центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве. МГУ. 2009, 10 марта, <http://www.ia-centr.ru/expert/4063> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

²² Исламское движение Узбекистана (Ozbekistan islami harakati — Islamic movement of Uzbekistan, ИДУ), http://www.xarakterpuctuku.net/?category=people&altname=islamskoe_dvizhenie_uzbekistana_OZBEKISTAN_ISLAMI_HARAKATI__ISLAMIC_MOVEMENT_of_UZBEKISTAN_idu (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

²³ Бенсманн Маркус. Они возвращаются? ИДУ идет в Таджикистан и верит в чудо. *Центр Азия*. 2002, 31 июля, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1028108760> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

²⁴ Там же.

²⁵ Мендкович Никита. Что такое ИДУ? «Расползание» противника. *Новое Восточное Обозрение*. 2012, 22 октября, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1350885060> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

²⁶ Feitt Andrew R. A Military Intelligence officer assigned to 3rd Special Forces Group (Airborne). Countering the IMU in Afghanistan. *Small Wars Journal*. 2010, 11 March, <http://www.smallwarsjournal/jrnl/art/countering-the-imu-in-afghanistan> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

²⁷ Калишевский Михаил. Афганистан: Катастрофы не будет, Талибан может и не вернуться. *ФерганаNews*. 2012, 3 августа, <http://www.fergananews.com/articles/7440> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

²⁸ Серенко Андрей. Талибан моделирует афганское будущее. POLITRUS. Экспертно-аналитическая сеть. 20 марта 2013, <http://www.politrus.com/2013/03/20/taliban-afganistan> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

²⁹ Центральнoазиатские исламские группировки (цели и задачи). *Хроника Туркменистана*. 2014, 20 апреля, <http://www.chrono-tm.org/2014/04/tsentralno-aziatskie-islamskie-gruppirovki-tseli-i-zadachi> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

³⁰ Мамбетов Нурдин. «Союз исламского джихада»: миф или угроза? Аналитический центр «Разумные решения». 4 января 2010 г., <http://analitika.org/ca/terroroism-separatism/33-20110104004000945.html> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

³¹ Мендкович Никита. Узбекистан и проблемы безопасности Афганистана. *ЦентрАзия*. 2014, 27 октября, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1414426740> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

³² Центральнoазиатские исламские группировки (цели и задачи). *Хроника Туркменистана*. 2014, 20 апреля, <http://www.chrono-tm.org/2014/04/tsentralno-aziatskie-islamskie-gruppirovki-tseli-i-zadachi> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

³³ Исламское движение Восточного Туркестана (Shark Turkestan Islom Deny harakat9 — Islamic movement of Eastern Turkestan), <http://www.xarakterpuctuku.net/?category=people&>

А
Н
А
Л
И
З

altname=islamskoe_dvizhenie_vostochnoho_turkestana_SHARK_TURKESTAN_ISLON_DINIY_HARAKATI_ISLAMIC_MOVEMENT_of_EASTERN_TURKESTAN (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

³⁴ Мендкович Никита. Постсоветские союзники талибов. *Afghanistan.Ru*. 2013, 16 сентября, <http://www.afghanistan.ru/doc/64205.html> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

³⁵ Вооруженные силы Узбекистана насчитывают 68 тысяч человек, в том числе 40 тысяч в сухопутных войсках. Сухопутные войска состоят из танкового корпуса, 11 моторизованных, 3 воздушно-штурмовых, воздушно-десантной, легкой горной, 4 инженерных, 7 артиллерийских и ракетных бригад. ВВС и ПВО насчитывают более 17 тысяч солдат и офицеров и состоят из одного полка истребителей, полка истребителей-бомбардировщиков, полка штурмовиков, полка военно-транспортной авиации, 2 полков штурмовых и транспортных вертолетов, учебных эскадрилий. Имеется бригада быстрого реагирования численностью в 5 тысяч военнослужащих. Внутренние войска насчитывают 20 тысяч солдат и офицеров МВД составляют 5 бригад, отдельный батальон спецназа «Барс».

³⁶ Сатановский Евгений. Туркменский интерес Исламского государства. *ВПК*. № 37 (555). 2014, 8 октября, <http://www.vpk-news.ru/articles/22159> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

³⁷ Мендкович Никита. Туркменистан в системе афганских угроз. *ЦентрАзия*, 2014, 17 апреля, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1397747160> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

³⁸ *Источник*: депутат парламента Афганистана от Фарьяба Бешир Ахмет Таянч. См.: Аннаев Джумагулы. Туркменистан укрепляет границу, чтобы в страну не попадали боевики. *Средняя Азия в Интернете*. 2014, 20 октября, http://centralasiaonline.com/ru/articles/caii/features/main/2014/10/20/feature-01?change_locale=true (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

³⁹ Global Terrorism Database, www.start.umd.edu/gtb (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

⁴⁰ По оценкам Федеральной миграционной службы, в России в 2013 г. находилось около 10 млн иностранных граждан, из них примерно 1,7 млн имеют разрешение на работу. См. Екатерина Егорова, статс-секретарь — первый заместитель руководителя Федеральной миграционной службы России. Нелегальная миграция в России. Российский совет по международным делам. 21 июня 2013, http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2003#top (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.). По экспертным оценкам, около половины всех иностранных граждан, находящихся в России составляют граждане Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. См.: Флоринская Юлия. Масштабы трудовой миграции в Россию. Российский совет по международным делам. 13 сентября 2013, http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2342#top (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.). Кроме того, граждане Туркменистана в значительных количествах работают в Турции и странах Персидского залива, а граждане Узбекистана и Киргизии — в Казахстане.

⁴¹ Рейтинг вероятных преемников президента Казахстана Нурсултана Назарбаева. *Рейтинг. Kz*. 2014, 31 октября, <http://agencyrating.kz/рейтинг-вероятных-преемников-презид>. (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

Наталья Харитонов

СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: НОВОЕ МЕСТО НА ДУГЕ КРИЗИСОВ

Оценивая итоги 2014 г., внимательный наблюдатель без труда заметит признаки дестабилизации периметра Евразии, которая стала следствием как объективных процессов, характерных для данного региона, так и искусственного давления на узловые точки, конфликтогенные по своей природе. События *арабской весны*, сменившиеся острейшим кризисом на Украине, сопровождаются нарастанием напряженности в Центральноазиатском регионе¹. Процессы в этой части мира имеют принципиальное значение, учитывая ее стратегическое географическое положение, значительные запасы углеводородных ресурсов, а также присутствие террористических группировок. Вопрос лишь в том, какое именно из базовых противоречий ойкумены тюркских и соседствующих с ними народов может стать катализатором кризиса: вода, межэтнические противоречия, неблагоприятная социальная ситуация, отношение светских властей к исламу.

А
Н
А
Л
И
З

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ ВЕСНА КАК БЛИЗКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Ряд специалистов прямо указывают на возможность широкого распространения процессов, аналогичных *арабской весне* в Центральной Азии (*центральноазиатская весна*) «с участием тех же внешних игроков — Катара, Саудовской Аравии и Турции при потенциальной поддержке западного сообщества и в первую очередь США, заинтересованных в укреплении своих позиций в противовес России и Китаю»². В Центральной Азии есть все предпосылки к таким событиям, какие имелись в странах Большого Ближнего Востока, охваченных волнениями. И есть все основания полагать, что главный и универсальный лозунг арабских *революционеров* — призыв к торжеству *исламской справедливости*, которая должна прийти на смену *продажным прозападным светским режимам*, может найти широкий отклик в многочисленных неблагоприятных районах пяти центральноазиатских республик.

Особенно тревожная обстановка наблюдается у ближайшего соседа Афганистана — Республики Узбекистан. Одна из главных причин шараханья во внешней политике, наиболее заметно проявившиеся летом 2012 г., когда Узбекистан приостановил свое членство в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)³, аргументировав это тем, что организация в целом и одна из ее участниц — Республика Таджикистан в частности — не в состоянии обеспечить безопасность Узбекистана от растущих угроз регионального масштаба. Руководство Узбекистана сделало ставку на сотрудничество с США. Специалисты по региону уже тогда предупредили, что сотрудничество это носит конъюнктурный характер и проблемы Узбекистана не решит, а скорее наоборот, усложнит и без того непро-

стью ситуацию в регионе. Далее последовали консультации и договоренности между Вашингтоном и Ташкентом относительно возможности перебазировать в Узбекистан часть вооружений ISAF, которую нецелесообразно транспортировать в страны НАТО⁴, а также давление на руководство Таджикистана с использованием *узбекского фактора* со стороны США в попытках сделать Душанбе лояльным Вашингтону, переговоры с правительствами Узбекистана и Таджикистана о размещении на их территориях военных баз и т. д. Все это происходило на фоне угроз со стороны лидеров движения *Талибан* тем национальным правительствам в Центральной Азии, которые поддерживают политику Запада в регионе.

В итоге, в 2013 и 2014 гг. произошли охлаждение отношений между США и Узбекистаном, когда руководство республики убедилось в истинных намерениях американского руководства, и, как следствие, корректировка уже имевшихся договоренностей между США и Республики Узбекистан.

В 2013–2014 гг. в диалоге с Узбекистаном США делали упор на необходимость повторного размещения американской военной базы в США на военном аэродроме Ханабад близ г. Карши Кашкадарьинской области (ранее, в 2001–2005 гг. аэродром использовался Министерством обороны США для авиационной поддержки операции в Афганистане; в 2006–2012 г. — после возвращения Узбекистана в ОДКБ — в 2006 г. аэродром использовался российскими войсками для оперативного наращивания и развертывания вооруженных сил в Центральной Азии; с 2012 г. базу используют вооруженные силы Республики Узбекистан). В этом же ряду имели место предложения США разместить американский военный контингент на занимаемой бундесвером ФРГ базе в Термезе и использования военных аэродромов Тузель близ Ташкента и Каган-Южный близ Бухары⁵. Предполагалось, что достигнутые договоренности будут закреплены в ходе визита президента Республики Узбекистан Ислама Каримова в Вашингтон. Однако 5 августа 2014 г. МИД Узбекистана, сославшись на *Концепцию внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан* (сентябрь 2012 г.), заявил, что республика не допускает размещения на своей территории иностранных военных баз и объектов. Визит Ислама Каримова в Вашингтон не состоялся. Таким образом, Ташкент явно дал понять, что не желает превращать Узбекистан в линию противостояния России и НАТО в регионе, что в условиях текущей *санкционной войны* чревато крайне негативными последствиями для самого Ташкента.

США же рассчитывали, что предоставляя значительную материальную помощь Ташкенту, они закрепятся в Узбекистане, сделав его опорной точкой для контроля над ситуацией во всей Центральной Азии. Естественно, этому противятся Россия и, в не меньшей степени, Китай. Очевидно, что США так просто не оставят свои попытки закрепиться в регионе, расширив свое присутствие здесь. Учитывая закрытие Центра транзитных перевозок ВВС США на территории международного аэропорта *Манас* в Киргизии этим летом (в 2001–2009 гг. — авиабаза антитеррористической коалиции), у США есть насущная необходимость присутствовать хотя бы в Узбекистане и Таджикистане. О серьезности намерений США в регионе свидетельствует давление на Узбекистан с помощью других инструментов внешней политики Вашингтона. Спустя буквально несколько дней после вышеобозначенного заявления МИД Узбекистана, Всемирный банк обнародовал предварительные результаты экспертизы по строительству Рогунской ГЭС в Таджикистане⁶. Ташкент разразился грозным официальным заявлением⁷. Несмотря на реакцию Ташкента, положительные результаты экспертизы были опубликованы уже 1 сентября 2014 г.⁸ Проекты гидроэлектростанций в Таджикистане и Киргизии не учитывают интересы трансграничных государств и в наибольшей степени от их работы пострадает именно Узбекистан, где вопрос воды и без того стоит очень остро. Примечательно, что очень долгое время никто из ведущих геополитических игроков в регионе не решался поднять вопрос о воде, осознавая, какие разрушительные силы могут быть задействованы в таком случае и какие последствия для

региона может иметь конфликт из-за водных ресурсов. Вода в Центральной Азии — это, пожалуй, самый угрожающий фактор на сегодняшний день. Первой этот вопрос затронула Россия в сентябре 2012 г., опять же в пик вышедшему из ОДКБ Узбекистану, поддержав проекты Камбаратинской ГЭС-1 и Верхнее-Нарынского каскада ГЭС в Киргизии⁹. И вот, непоследовательная политика Ташкента опять спровоцировала актуализацию тематики воды. Если проект Рогунской ГЭС, на который всегда делало ставку правительство Таджикистана, видя в нем единственный способ выйти из экономического кризиса, сдвинется, дестабилизации в регионе не миновать. Факторами нестабильности являются и состояние здоровья узбекского лидера Ислама Каримова, а также конфликты в президентской семье, отражающиеся на дееспособности власти и, конечно, отношениях с соседними по региону государствами и Россией.

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

ЮРИЙ ФЕДОРОВ:

Политическое будущее Узбекистана зависит от того, смогут ли в критический момент ключевые группировки договориться между собой относительно кандидатуры будущего президента. Достичь такой договоренности в Узбекистане будет намного труднее, чем в Туркменистане в 2006 г., по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, в процесс согласования неизбежно должно быть вовлечено заметно больше фигур, клик, групп влияния и кланов, чем в Туркмении. Во-вторых, в Ташкенте не могут не помнить, что Бердымухамедов в течении одного-полутора лет уволил в отставку всех, кто привел его к власти на рубеже 2006–2007 гг. А это еще более затруднит процесс поиска и согласования приемлемых для всех кандидатур преемника Каримова. Иными словами, политический кризис в Узбекистане если и не неизбежен, то вполне вероятен.

Узбекистан: нестабильный фактор стабильности. *Индекс Безопасности*, № 3–4 (102–103). Осень-Зима 2012.

Эксперты из Ташкента в частных беседах и в своих сообщениях на многочисленных экспертных площадках часто указывают на преувеличение *афганской угрозы* после ухода оттуда сил коалиции. В качестве аргументов чаще всего озвучивается следующее: американцы не уйдут из Афганистана навсегда и в полном составе; функционирующие американские военные базы в северных районах Афганистана и возможное возвращение американских баз и центров транзитных перевозок в республике Центральной Азии создадут своеобразный *пояс безопасности*; Кабул не падет под ударами талибов, так как местные элиты сумеют договориться ради сохранения стабильности; афганско-узбекистанская граница имеет малую протяженность (всего 149 км) и хорошо укреплена; разрозненные группировки, которые сегодня составляют *Талибан*, в частности Исламское движение Узбекистана (ИДУ), больше не ставят своей целью свержение светской власти в Узбекистане, они в большей степени ориентированы на создание *мифического* Исламского халифата. Остается только догадываться, с какой целью озвучивается такой позитивный сценарий развития ситуации в регионе.

Нестабильной продолжает оставаться ситуация в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). Следом за серией терактов в мае и апреле 2014 г. в Урумчи, 28 июня 2014 г. масштабный теракт произошел в городе Элишкун, что на границе с Таджикистаном¹⁰. Таким образом Исламское движение Восточного Туркестана (ИДВТ), действующее в регионе с начала 2000-х гг., сегодня оказывает серьезное влияние на ситуацию в Китае и постсоветской Центральной Азии. В отличие от *коллег* по региону, ИДВТ применяет не самодельные взрывные устройства (СВУ), а холодное оружие, что говорит об их крайнем ожесточении, а также учете реалий — холодное оружие сложнее отслеживать и предупреждать его использование. ИДВТ, в основном базируясь в Афганистане, тесно взаимодействует с местными, центральноазиатскими экстремистскими организациями типа

Хизб-ут-Тахрир, ИДУ, Жайшул Магди и т. д. и действует на территории Киргизии и Таджикистана.

В Центральноазиатском регионе имеется значимое количество угрозоемких факторов, определяющих формат отношений между пятью постсоветскими центральноазиатскими республиками.

Наряду с проблемой воды, между центральноазиатскими государствами наличествуют территориальные споры, включая проблему делимитации участков кыргызстанско-узбекистанской и кыргызстанско-таджикистанской границ. Существенная часть границы между Таджикистаном и Узбекистаном со времен гражданской войны в Таджикистане *определена* путем минирования. Серьезная проблема этнических анклавов — кыргызстанских на территории Узбекистана, таджикистанских и узбекистанских на территории Киргизии. Среди других острых проблем: террористическая активность, исламизация и наркотизация региона, которым в наибольшей степени подвержена Ферганская долина; наконец, бедность населения государств региона, в значительной степени граничащая с массовой нищетой. Любое из этих противоречий даже при незначительной стимуляции извне может стать *спусковым крючком* для дестабилизации всего региона.

РАЗРАСТАЮЩАЯСЯ УГРОЗА ИСЛАМИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Любая из указанных выше угроз получает новое содержание в контексте проникновения радикальной исламистской идеологии в регионе. Так, участники межэтнических конфликтов, конфликтов из-за воды, земли и других ресурсов в Ферганской долине пока ни разу в новейшей истории не опирались на радикальные религиозные группировки¹¹. Многие годы социально-экономические проблемы и межэтническая напряженность служат лишь условиями и питательной средой для мобилизационной работы исламистских группировок — партии *Хизб-ут-Тахрир*, движения *Таблиги Джамаат, ИДУ, ИДВТ* и целого ряда других организаций и движений салафитского толка. Однако, как отмечает эксперт А.А. Князев, в последние годы в Центральной Азии отмечается крайне тревожное явление, связанное с тем, что, несмотря на интернациональность ислама и неприятие им этнической идентичности, в регионе экстремистские группировки боевиков, апеллирующих к исламу, формируются по этническому/страновому принципу: уйгурские, киргизские, туркменские, казахские боевые отряды¹². Ситуация с уйгурами усложняется еще и тем, что наряду с этническим и религиозным фактором важной составляющей экстремистской идеологии местных групп является сепаратизм. Таким образом, можно предположить, что в ближайшем будущем в локальных конфликтах в регионе будут задействованы и эти силы. Речь идет о фактическом расширении *специализации* исламистских боевых группировок — теперь, кроме объявленной войны светским режимам, будет наблюдаться углубление локальных межэтнических конфликтов за счет привлечения исламистской идеологии и соответствующих ресурсов. Последствия такой трансформации для Центральноазиатского региона сложно предсказать.

В целом проблема исламизации Центральной Азии сегодня приняла угрожающие масштабы. Пять постсоветских центральноазиатских республик практически не контролируют поток своих граждан, выезжающих на обучение в медресе Афганистана, Пакистана, Турции, а также другие механизмы навязывания чуждой идеологии, основывающейся на радикальном толковании ислама. Это привело к тому, что выросло целое поколение людей, настроенных против собственного государства, и исламизм проникает и поражает, как болезнь, несущие конструкции государства: армию, госаппарат, систему образования и т. д. Иллюстрацией может служить то, что выходцы из Центральной Азии, получившие специфическое образование и параллельно прошедшие специальную подготовку, будучи завербованными турецкими эмиссарами, активно воюют в Сирии, Ливии, Египте.

С большой долей вероятности можно утверждать, что, после того как их услуги не будут востребованы, этот специфический *контингент* будет переброшен обратно в Центральную Азию и составит костяк оппозиции светским режимам в своих государствах. Неоднократно в СМИ фигурировали данные о количестве боевиков — выходцев из постсоветской Центральной Азии, действующих в Сирии, Египте, Ираке¹³. И конечно, нельзя забывать об их *боевых товарищах* из соседних государств. Уйгурские боевики из группировки ИДВТ, воюющие сейчас в Сирии против Башара Асада, возвращаются в Китай, не исключено, что оттуда они проникнут на территорию Центральной Азии.

В ходе разрастающегося кризиса на Ближнем Востоке и в Северной Африке угрозы со стороны радикалов в адрес светских правительств центральноазиатских государств звучали неоднократно¹⁴. Ситуацию усугубляет выход сил ISAF и НАТО из Афганистана. В чьих руках окажется оружие? Наихудший сценарий — это тот, что мы наблюдаем сегодня в Ираке: иракские военные, отступая под натиском Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ), бросают современные американское оружие и технику, которое закономерно переходит под контроль исламистов.

В вопросе об угрозе исламизации Центральной Азии, ключевым моментом является то, куда будет направлена активность талибов и других этнических исламистских группировок, базирующихся в Афганистане и Вазиристане после ухода сил коалиции и НАТО из Афганистана? Есть основания полагать, что исламистский интернационал и особенно группировки, организованные по этническому принципу, двинутся в СУАР и государства постсоветской Центральной Азии, а далее, с вхождением Таджикистана и Киргизии в Таможенный союз, через *прозрачную* границу — в Россию. И это должно быть предметом особого внимания со стороны российских специальных служб. Прецеденты такого рода уже есть — в случае с исламистами, действующими на территории Казахстана, где базами исламистского экстремизма являются Чимкентская и Джамбульская области на юге, ряд областей на западе. Соответственно, расползание боевого *исламистского интернационала* в лице ИГИЛ, действующего в Ираке и Сирии американским оружием, высокий процент вероятности плотного взаимодействия с афганскими и пакистанскими талибами и рядом других весьма интернационализованных, но выступающих под флагом исламизма группировок и движений — чрезвычайно серьезная угроза регионального и глобального масштаба.

Анализ ситуации в регионе позволяет говорить о новом качестве движения *Талибан*. Сегодня существует несколько *крыльев* движения, зачастую финансируемых из разных источников, которые в случае необходимости координируют свои действия. Оценивая угрозы для Центральной Азии со стороны исламистов, необходимо учитывать это новое качество, особенно в той части, которая касается взаимодействия движения *Талибан* с *этническими* исламистскими группировками, сформированными выходцами из центральноазиатских республик и выступающими под салафитскими лозунгами. При этом эксперты полагают, что афганские и тем более пакистанские талибы продвигаться в пределы Центральной Азии не будут, так как «этот регион находится вне сферы их непосредственных интересов»¹⁵, но будут играть роль глубокого тыла для центральноазиатских исламистов.

Так, весьма тревожна ситуация в Туркменистане, что уже сейчас иллюстрирует возможный вариант развития событий во всей Центральной Азии. Режим Сапармурата Ниязова (Туркменбаши), просуществовавший до декабря 2006 г., поддерживал добрые отношения с движением *Талибан*, подкрепленные поставками горюче-смазочных материалов исламистам, что позволяло ему чувствовать себя в относительной безопасности от угроз не только со стороны самих талибов, но и со стороны соседних центральноазиатских государств, в отношении с которыми активно использовался *талибский фактор*. Надежды нынешнего главы Туркменистана Гурбангулы Бердымухаммедова на прежние ниязовские догово-

ренности себя не оправдали — в начале 2014 г. *новые талибы* своими действиями на афганско-туркменистанской границе дали понять Ашхабаду, что времена доброго соседства закончились в тот момент, когда Ашхабад предоставил США свое воздушное пространство и аэропорт в Ашхабаде для дозаправки самолетов, перевозящих гуманитарные грузы в Афганистан. Соответствующее соглашение между Туркменистаном и США было подписано в 2002 г. (в этом смысле определенные опасения должны испытывать Казахстан, ратифицировавший в 2008 г. два меморандума между США и РК о поддержке операции *Несокрушимая свобода* в Афганистане, и Таджикистан, также предоставивший свои аэродромы). Туркменистанский участок афганской границы наряду с таджикистанским рассматривался и рассматривается экспертами как наиболее уязвимый с точки зрения возможности инфильтрации исламистов. Информация о действующих в составе ИДУ отрядах туркмен и негативное отношение афганских туркмен к официальному Ашхабаду не тревожили руководство республики до тех пор, пока в начале 2014 г. не начались упомянутые столкновения в афганско-туркменистанской пограничье. Причина активности исламистов кроется еще и в том, что президент Гурбангулы Бердымухаммедов существенно отошел от прежней ниязовской модели взаимоотношений с исламистами и по вопросу наркотрафика — при Ниязове транзит героина через Туркменистан составлял весьма высокий процент от общего объема трафика, проходящего по так называемому *северному маршруту*, нынешний же президент предпринимает меры по ограничению трафика. Учитывая важность наркотрафика для талибов как значимого источника финансирования движения в условиях войны, такая реакция *Талибан* была вполне предсказуема.

Что касается наркотрафика и наркопотребления, то для государств Центральной Азии наряду со сложной социально-экономической ситуацией эта проблема имеет огромное значение, так как именно денежные средства, полученные от продажи афганского героина, идут на финансирование исламистских движений и террористических группировок на территории региона. Кроме того, наркотизация в регионе идет рука об руку с вербовкой новых членов в ряды исламистских организаций, особенно четко это прослеживается в Ферганской долине. Большое значение имеет проблема коррупции в государственных органах в целом и в правоохранительных органах в частности. Исходя из весьма специфической ситуации, связанной с тем, что *северный маршрут* наркотрафика проходит через центральноазиатские государства, специалисты все чаще говорят о наркокоррупции.

В силу сложившихся социально-экономических обстоятельств в странах Центральной Азии для молодежи служба в армии стала самым востребованным способом повысить свой социальный статус через последующее устройство на работу в государственные органы, поэтому молодежь активно стремится в армию (в отдельных регионах неоднократно фиксировалась дача взяток за зачисление на срочную службу). И все большее распространение получает проникновение членов исламистских группировок в числе срочников в армию, где они ведут пропагандистскую работу. Армия и военные структуры в целом являются одной из мишеней для исламистских радикалов прежде всего с точки зрения обширной вербовочной базы. Таким образом, радикальный ислам напрямую поражает сердцевину государственного аппарата, распространяясь в среде госслужащих, со всеми вытекающими отсюда последствиями. В качестве иллюстрации можно привести выходку государственного деятеля Кыргызской Республики Турсунбая Бакир уулу, публично разорвавшего флаг Израиля и призывавшего к нетерпимости к этому государству¹⁶. Еще большую тревогу вызывает деятельность исламистских *миссионеров* в местах отбывания наказаний¹⁷ — в данных учреждениях по определению имеется подходящий для вербовки контингент, крайне не довольный светскими властями.

Немаловажно, что международные и региональные исламистские организации последовательно используют территории государств Центральной Азии для

ведения пропагандистской и подрывной работы на территории третьих государств, в том числе в России. На территории Таджикистана и Киргизии имеются перевалочные базы боевиков и склады оружия, которое может быть переброшено практически в любую точку региона и использовано на территории третьих государств. И, естественно, регион используется в качестве вербовочной базы, в том числе для вербовки террористов-смертников¹⁸. Учитывая крайне низкий уровень жизни населения, катастрофический уровень коррупции и слабый контроль центра над периферийными районами республик, что особенно четко прослеживается в Ферганской долине, данные тенденции имеют большой потенциал к разрастанию. Это тем более опасно, учитывая стратегию исламистов — создание театра боевых действий там, где имеются все предпосылки (соответствующие настроения среди населения, действующее исламистское подполье, ресурсная база и т. д.), а спустя некоторое время — прорыв на территорию другого государства. По такому сценарию проходили в регионе так называемые Баткенские события в 1999–2000 гг.¹⁹, сегодня эксперты предупреждают о возможности такой ситуации в Туркменистане с последующим прорывом исламистов в Казахстан²⁰, а также прорыв в Ферганскую долину через Киргизию.

Как правило, исламисты не являются самостоятельной силой, они управляются извне заинтересованными акторами²¹. Фактор использования исламистских террористических организаций с целью давления на власти центральноазиатских государств становится все более значимым с каждым годом. Его роль будет увеличиваться по мере втягивания государств Центральной Азии в новый формат отношений с глобальными геополитическими игроками в период вывода сил ISAF и НАТО из Афганистана, так как региональные и транснациональные радикальные исламистские организации склонны рассматривать местные власти как сателлитов Запада. Если Узбекистан и дальше будет упорствовать в нежелании размещать у себя американские военные базы, результатом станет активизация подконтрольной американцам части исламистского подполья²² или инфильтрация исламистских группировок извне, что ранее уже имело место. Та же ситуация может иметь место и в отношении Таджикистана. Аналогичным образом ситуация может развиваться и на тех территориях Российской Федерации, которые вплотную примыкают к Казахстану, и там, где традиционно силен ислам: Северный Кавказ, Поволжье, районы Западной Сибири и т. д., а также в российских мегаполисах, где сконцентрирована инфраструктура власти и проживает наибольшее количество трудовых мигрантов-выходцев из Центральной Азии и Кавказа, не довольных своим экономическим положением и социально-правовым статусом.

На фоне растущей угрозы со стороны контролируемых извне исламистских радикалов и осложнившихся отношений между Россией и США, на первый план выходит проблематика поддержки Москвой американской активности в Афганистане. Так, среди населения в Узбекистане и Киргизии активно распространяются слухи о том, что Россия, действуя в формате *санкционной войны* с США, может заблокировать процесс вывода континентов НАТО и ISAF и их военного имущества через свою территорию и закрыть воздушное пространство. Предполагается, что Китай, в свою очередь, также создаст максимум неудобств при транзите через Пакистан (известно, что роль ключевого союзника Пакистана последние годы играют не США, а Китай). Все это может поставить страны антитеррористической коалиции в достаточно сложное положение. Россия уже сейчас работает с Пакистаном на тему содействия обеспечения безопасности энергетической инфраструктуры в транзитных зонах региона, например, в Северном Афганистане (Москва заинтересована в присоединении к лоббируемому американцами проекту ТАПИ²³, хотя у России есть альтернативные проекты в регионе, например газопроводы в южном направлении из Ирана). В копилку пакистано-российского сотрудничества пойдет и то, что Россия может предложить информацию по пакистанским талибам,

получаемым в ходе разработок исламистов, поставки военной техники. Все это — повод для тесного сотрудничества с Пакистаном, который все больше выходит из-под американской опеки.

ДУГА КРИЗИСОВ В ДВИЖЕНИИ

Афганистан и постсоветские центральноазиатские государства на сегодняшний день являются *болевым точкой* не только России, но и США. Соответственно, Россия может использовать такую ситуацию в своих интересах. Так, в рамках *санкционной войны* Россия может закрыть транзит в Афганистан для коалиции, что будет означать уход США оттуда, потерю влияния в огромном регионе, инициативы, а главное, возможности отслеживать ситуацию на Ближнем Востоке, что повлечет за собой утрату гегемонии в энергополитике и процессе обеспечения глобальной безопасности. Часть экспертов считает, что это выгодно России, так как таким образом силами американцев идет борьба с исламистами²⁴. Другие эксперты, впрочем, полагают, что сам факт присутствия американцев на территории центральноазиатских государств или инфраструктурная поддержка ISAF автоматически настраивает исламистов против их светских властей²⁵, что многократно множит аналогичные риски для России.

Для России геополитические тенденции последних лет, превращающиеся в новые закономерности, привели к тому, что *дуга кризисов* фактически примыкает вплотную к ее границам, *замкнув* западную оконечность дуги. Это заставляет руководство страны планировать свои действия на случай крайне неблагоприятного развития событий. Превентивным шагом стало закрепление гарантированного люфта на восточной оконечности дуги — через договоренности с Китаем. Последовала серия мероприятий, направленная на ревизию подходов к обеспечению безопасности на южных рубежах страны. Об этом свидетельствует и серия проведенных масштабных учений в рамках военно-политических блоков с участием России. Так, в конце июля — начале августа 2014 г. в Киргизии страны — участницы ОДКБ провели маневры (это третьи совместные учения ОДКБ *Нерушимое братство-2014*, действует Соглашение о миротворческой деятельности организации) — коллективные миротворческие силы отрабатывали операции по поддержанию мира и стабильности в регионе²⁶. Объединенные войсковые подразделения решали задачу по демонстрации готовности коллективно противостоять возможным угрозам, связанным с выводом контингентов НАТО и ISAF из Афганистана, и провокациями межэтнических и приграничных конфликтов в государствах Центральной Азии. Для доставки и оперативной поддержки двусторонних группировок, коллективных сил оперативного реагирования, коллективных сил быстрого развертывания Центральноазиатского региона и миротворческих сил признано целесообразным создать коллективные авиационные силы ОДКБ в виде объединенной группировки и сил специальных операций²⁷.

Активизировалась и ШОС: вопрос о возможных действиях на случай осложнения ситуации в регионе в результате вывода сил коалиции из Афганистана стоял на последнем заседании ШОС, обсуждалась тактика действий членов ШОС в складывающейся обстановке. Еще в январе 2014 г. страны — участницы ОДКБ и ШОС приступили к выработке единого подхода в борьбе с терроризмом в зоне совместной ответственности. На сентябрьском саммите министров иностранных дел ШОС большое внимание было уделено ситуации на Украине и в Афганистане. Накануне саммита впервые за последние годы акцентировалось внимание на вопросе, связанном с механизмом приема в членство ШОС. И уже на сентябрьском саммите в Душанбе заявления на прием в члены организации подали Индия и Пакистан. Там же Россия передала на рассмотрение странам — участницам ШОС проект *Стратегии развития ШОС до 2025 г.*²⁸, проект рамочного соглашения о сотрудничестве по пограничным вопросам и предложила преобразовать расположенную

в Ташкенте Региональную антитеррористическую структуру (РАТС) в Центр по борьбе с новыми вызовами и угрозами, начав с наделения ее антинаркотическими функциями²⁹.

В России на национальном уровне проводимые сборы военнослужащих запаса не привязываются к обстановке на дуге кризисов, хотя, понятно, что в таком масштабе они проводятся в свете угроз национальной безопасности России. Риски очевидны — вовлечение России в войну как участницы ОДКБ — в случае вооруженных действий Армении с Азербайджаном или Таджикистана с Узбекистаном

Россия будет вынуждена вмешаться, выступив на стороне Еревана или Душанбе. В этом смысле определенные *риски* для России может нести и членство в ШОС.

Оценивая общий информационный фон, особенно западный сектор информационного пространства, может показаться, что ситуация в Центральной Азии на фоне кризиса на Украине отошла на задний план. Это не более чем сознательно формируемое общественное мнение о том, что Центральная Азия — это периферия мировых событий³⁰. Для РФ Центральная Азия является источником серьезнейших угроз и вызовов, учитывая геостратегическое положение Центральной Азии в *мягком подбрюшье* России и процессы, протекающие там. Осторожность руководства РФ в стремлении противостоять попыткам спровоцировать его на вмешательство в ситуацию на Украине объясняется именно этим. Режиссеры *управляемого хаоса* стремятся *раздергать* Россию, заставить вмешиваться или как минимум плотно отслеживать ситуации по периметру своих границ. К примеру, угрозы Кишинева и Киева по поводу вторжения в Приднестровье *для ликвидации российской базы боевиков* как раз укладываются в эту незамысловатую схему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Давление НАТО с Запада будет идти параллельно с давлением управляемого исламистского интернационала с Востока и Юга, сопровождающимся прямыми заходами вглубь российской территории. С точки зрения угроз и рисков — второе опаснее, так как в своем большинстве в Центральной Азии и примыкающих регионах действуют несистемные силы — негосударственные акторы, к которым неприменимы традиционные средства политического или экономического давления. Они будут действовать асимметрично. Фронт не будет иметь четких очертаний, не будет фронтального соприкосновения, как это предполагается в случае противостояния с блоком НАТО.

Результаты такой агрессии очень сложно предсказать, так как пока еще ни одному государству в мире не удалось полностью ликвидировать врага, организованного по сетевому принципу и действующего асимметрично. Очевидно, что устранить такую системную угрозу можно, лишь договорившись при мощной поддержке Китая с акторами, управляющими этими процессами, прежде всего США, Саудовской Аравией и Катаром. Пока же можно лишь констатировать, что никакая угроза не сможет отменить очевидной вещи — важность для России постсоветской Центральной Азии как зоны геостратегических интересов, жестко завязанной на проблему национальной безопасности. 🐘

Проект ПИР-Центра
«Безопасность Центральной
Азии и Россия»

- Ядерная безопасность
- Терроризм и наркотрафик
- Военно-техническое сотрудничество
- Афганское урегулирование

centralasia.pircenter.org

А
Н
А
Л
И
З

Примечания

¹ За границы Центральной Азии в данной статье берется определение, поддерживаемое властями государств, составлявших в советское время два экономических района Средняя Азия и Казахстан, т. е. Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана. В 1992 г. президент Казахстана Нурсултан Назарбаев на саммите государств Средней Азии предложил отказаться от определения *Средняя Азия* и *Казахстан* в пользу понятия *Центральная Азия*, охватывающего все постсоветские государства этого региона. ЮНЕСКО придерживается иного определения понятия *Центральная Азия* — согласно определению ЮНЕСКО, регион включает Монголию, Западный Китай (Синьцзян, Тибет, Внутренняя Монголия, Цинхай, Западный Сычуань и Северный Ганьсу), Пенджаб, Кашмир, Северную Индию и Северный Пакистан, Северо-Восточный Иран, Афганистан, районы азиатской России южнее таежной зоны и пять бывших советских республик Средней Азии. Американские и западноевропейские специалисты для обозначения региона используют понятие *Большой Центральной Азии* — согласно определению данного понятия, в регион Большой Центральной Азии наряду с пятью постсоветскими республиками входят западная часть Китая (Синьцзян), Монголия, северные районы Ирана и Афганистана и Кавказ.

² Цит. по: Сатановский Евгений. Дестабилизация Центральной Азии. *Взгляд*. 2014, 18 февраля.

³ Именно Узбекистан в 1992 г. инициировал заключение Договора о коллективной безопасности из-за страха перед исламистским экстремизмом и событиями в соседнем Таджикистане, где шла гражданская война (1992–1997 гг.) между правительственными силами и Объединенной таджикской оппозицией, костяк которой составляли сторонники исламского государства.

⁴ Средняя Азия возьмет оружие во вторые руки. *Коммерсантъ*. 2012, 15 июня; Новое оружие США, <http://politikonline.ru/novoe-oruzhie-ssha/> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.); США продолжают вооружать Узбекистан, <http://www.news-usa.ru/ssha-prodolzhat-vooruzhat-uzbekistan.html> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

⁵ Князев Александр. Фронты на «дуге Бжезинского». Часть I. Информационно-аналитический центр *Caspian bridge*. 2014, 8 августа, <http://www.caspiana.org/2014/08/08/fronty-naduge-bzhezinskogo-chast-i/> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

⁶ Ключевые вопросы для дальнейшего рассмотрения предлагаемого проекта Рогунской ГЭС/Предварительный вариант документа Всемирного банка для обсуждения, http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/Event/ECA/central-asia/WB%20Rogun%20Key%20Issues_rus.pdf (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

⁷ Ключевые вопросы для дальнейшего рассмотрения предлагаемого проекта Рогунской ГЭС и вопросы использования трансграничных водных ресурсов/Выступление первого заместителя премьер-министра, министра финансов Республики Узбекистан Р. Азимова на встрече представителей правительств стран Центральной Азии по обсуждению проекта доклада Всемирного банка «Ключевые вопросы для дальнейшего рассмотрения предлагаемого проекта Рогунской ГЭС» и вопросов использования трансграничных водных ресурсов. 18 июня 2014 г., <http://gov.uz/ru/press/politics/25860> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

⁸ Ключевые вопросы для дальнейшего рассмотрения предлагаемого проекта Рогунской ГЭС. Всемирный банк. 1 сентября 2014 г., http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/eca/central-asia/World%20Bank%20Note%20-%20Key%20Issues%20for%20Consideration%20on%20Proposed%20Rogun%20Hydropower%20Project_rus.pdf (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

⁹ РФ и Киргизия совместно построят Камбаратинскую ГЭС. *Российская газета*. 2012, 20 сентября.

¹⁰ В Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая произошел теракт. *China24news*. 2014, 30 июля, <http://china24news.com/politics/1392-v-sintszyan-ujgurskom-avtonomnom-rajone-kitaya-proizoshel-terakt> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

¹¹ Князев Александр. Фронты на «дуге Бжезинского». Часть III. Информационно-аналитический центр *Caspian bridge*. 2014, 3 сентября, <http://www.caspiana.org/2014/09/03/fronty-na-duge-bzhezinskogo-chast-iii/> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

¹² Там же.

¹³ Боевики из Центральной Азии в войне в Сирии и Ираке. *Stan Radar*. 2014, 13 июля, <http://www.stanradar.com/news/full/11064-boeviki-iz-tsentralnoj-azii-v-vojne-v-sirii-i-irake.html> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.); Дооров Торокул, Бактыбаев Заирбек. Почему выходцы из Центральной Азии воюют в Сирии? Радио Азаттык. 2014, 10 октября http://rus.azattyk.org/content/kyrgyzstan_sirya_central_asia_juhad/25150081.html (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.); Михайлов Виктор. «Хиз-бут Тахрир» и «Таблиги Джамоат» — «прихожая терроризма» для Средней Азии и Казахстана. Информационно-аналитический центр *Caspian bridge*. 2014, 24 июля, <http://www.caspiana.org/2014/07/24/viktor-mixajlov-xiz-but-taxrir-i-tabligi-dzhamoat-prihozahaya-terrorizma-dlya-srednej-azii-i-kazaxstana/> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

¹⁴ См. Исламисты грозят Казахстану насилием за жесткий закон о религии. *Reuters*, 2011, 26 октября, <http://ru.reuters.com/article/topNews/idRURXE79P0QH20111026> (дата обращения: 10 февраля 2015 г.); Центральную Азию ожидает волна насилия. Информационно-аналитический портал *Республика*. 2013, 31 января, <http://www.respublika-kz.info/news/politics/28304/> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

¹⁵ Цит. по: Сатановский Евгений. Дестабилизация Центральной Азии. *Взгляд*. 2014, 18 февраля.

¹⁶ Депутат Парламента Кыргызстана Бакир уулу публично разорвал флаг Израиля и предложил использовать обрывки в туалете. *ЦентрАзия*, 2014, 4 августа, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1407182040> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

¹⁷ См.: Тюрьма для экстремистов. Информационно-аналитический портал *Мир ислама*. 2013, 25 ноября, <http://www.mirislama.com/8250-tyurma-dlya-ekstremistov.html> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.); ICG: Центральная Азия — тюрьма для исламистов. *Uznews.net*, 2009, 15 декабря, <http://www.uznews.net/ru/human-rights/12337-icg-centralnaja-azija-turma-dla-islamistov> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

¹⁸ Подробнее на эту тему см.: Харитоновна Наталья. Растущий рынок смертников в Центральной Азии. *Обозреватель — Обсервер*. 2014. № 1. С. 39–51.

¹⁹ Баткенские события — вооруженные столкновения между боевиками Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и вооруженными силами Кыргызстана и Узбекистана в 1999–2000 гг., которые были вызваны попытками боевиков ИДУ проникнуть на территорию Узбекистана из Таджикистана через территорию Кыргызстана с целью свержения власти в Республике Узбекистан.

²⁰ Волков В. Туркменская власть очень напугана угрозой вторжения боевиков. *Новая газета — Казахстан*. 2014, 4 сентября.

²¹ Игнатенко А. А. От Филиппин до Косово. *Независимая газета*. 2000, 12 октября.

²² См. Ищем террористов во всех богатых местах. *ИноСМИ*. 2010, 25 марта, <http://inosmi.ru/usa/20100325/158803152.html> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

²³ Дворкович: Российские компании заинтересованы в участии в проекте газопровода ТАПИ. Агентство экономической информации *Прайм*. 2014, 21 мая, <http://1prime.ru/companies/20140521/785164092.html> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

²⁴ См.: США уходят: чего ждать от Средней и Центральной Азии? Информационно-аналитический портал *Ислам Сегодня.ру*. 2013, 4 октября, http://islam-today.ru/islam_v_mire/ostalnoj-mir/ssha_uhodyat_chego_zhdad_ot_srednej_i_centralnoj_azii/ (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

²⁵ Волков В. Война за газ. *Новая газета — Казахстан*. 2014, 4 сентября.

²⁶ Хочешь мира, готовься... Страны ОДКБ провели успешные маневры в Кыргызстане «Нерушимое братство–2014». *ЦентрАзия*. 2014, 7 августа, <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1407390180> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

Э
И
Л
А
Н
А

²⁷ Николай Бордюжа: признано целесообразным создать коллективные авиационные силы ОДКБ. ЦАМТО. 2014, 26 июня, http://vpk.name/news/112467_nikolai_bordyuzha_priznano_celesoobraznyim_sozdat_kollektivnyie_aviacionnyie_silyi_odkb.html (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

²⁸ Городненко Юрий. СМВД ШОС в Душанбе: на повестке расширение. Агентство международной информации *Новости-Казахстан*. 2014, 5 августа, <http://www.newskaz.ru/comment/20140805/6798101.html> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

²⁹ ШОС готовят к приему новых членов. *Новости@mail.ru*. 2014, 1 августа, <http://news.mail.ru/politics/19062321/> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

³⁰ Князев Александр. Фронты на «дуге Бжезинского». Часть III. Информационно-аналитический центр *Caspian bridge*. 2014, 3 сентября, <http://www.caspiania.org/2014/09/03/fronty-na-duge-bzhezinskogo-chast-iii/> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

Ирина Миронова

РОССИЯ И ИРАН НА МИРОВЫХ ГАЗОВЫХ РЫНКАХ: БУДУЩАЯ КОНКУРЕНЦИЯ НЕИЗБЕЖНА?

Тектонические сдвиги происходят на мировых энергетических рынках в последние годы. Беспрецедентный рост потребления всех видов энергоресурсов в Китае, смещение баланса торговли в Азию, превращение Северной Америки в потенциального нетто-экспортера энергоресурсов, переориентировка европейского рынка на биржевую торговлю — вот далеко не исчерпывающий список факторов, отразившихся на межрегиональных потоках энергоресурсов. Геополитика нефти и газа приобретает новые очертания. Многое указывает на перспективы смены приоритетов России и ее роли на региональных рынках энергоносителей, не в последнюю очередь в связи с ситуацией на Украине и введением соответствующих санкций против России. В то же время в начале 2015 г. наметился прогресс в части будущего снятия санкций с Ирана, подкрепленный решениями достигнутыми «шестеркой» и Ираном в Лозанне в апреле 2015 г. Снятие режима санкций для Ирана будет означать приток инвестиций (прежде всего в разведку и добычу) и доступ к технологиям СПГ, что поспособствует более активному присутствию Ирана на международных рынках природного газа. Наконец, падение цен на нефть во второй половине 2014 г. создало сложные условия для стран-экспортеров энергоресурсов, и в первую очередь под удар попадают энергетические секторы стран-экспортеров, в число которых входят и Россия, и Иран.

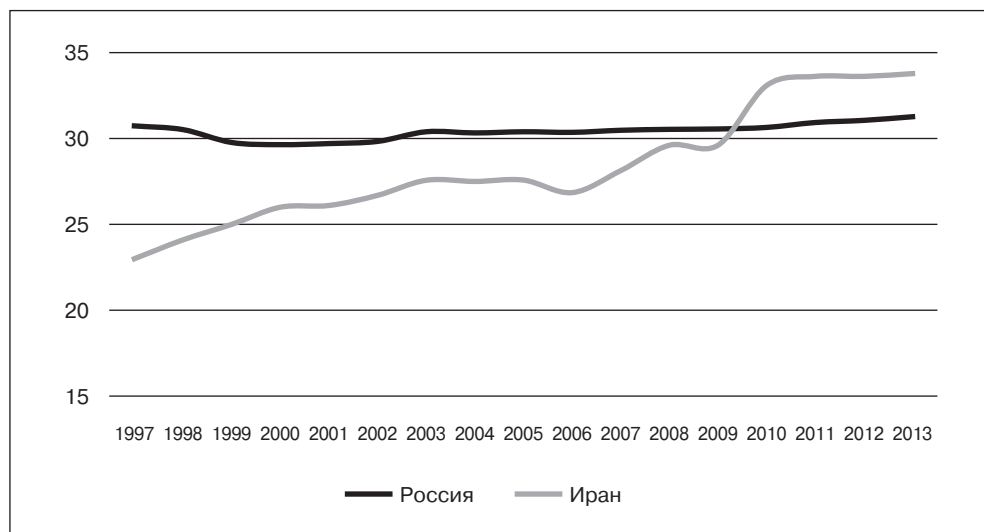
А
Н
А
Л
И
З

ДВА КРУПНЕЙШИХ ГОСУДАРСТВА — ДЕРЖАТЕЛЯ РЕСУРСОВ ПРИРОДНОГО ГАЗА НА МЕЖДУНАРОДНЫХ ГАЗОВЫХ РЫНКАХ

Россия и Иран находятся в достаточно схожих геополитических условиях. В последние годы сохраняется тенденция региональных рынков газа к укрупнению и либерализации, хотя и в разной степени. Роль арбитражера (т. е. поставщика, который может осуществлять поставки сразу на несколько региональных рынков и перенаправлять потоки, тем самым влияя на баланс спроса и предложения, а также получая максимально возможную прибыль в зависимости от уровня цен) может стать ключевой в такой ситуации. И обе страны могут рассчитывать на такую роль в обозримом будущем.

Во-первых, обе страны обладают крупными запасами углеводородов, в частности природного газа. При этом Иран, по оценке ВР, даже обошел Россию по запасам природного газа (рис. 1), ранее будучи вторым в мире. Во-вторых, находясь в центре евразийского континента, обе страны имеют перспективы выхода как на европейский, так и на азиатский рынок, т. е. имеют потенциал оказаться в роли арбитражера. В-третьих, у обеих стран есть потенциал наращивания (в случае с Ираном — развития) экспорта сжиженного природного газа (СПГ), а именно СПГ является связкой между региональными рынками природного газа. В торговле СПГ у двух стран пока что ограниченная роль (Россия упустила несколько лет,

Рисунок 1. Подтвержденные запасы природного газа в России и Иране, трлн м³

Источник: BP Statistical Review of World Energy 2014, Historical Workbook.

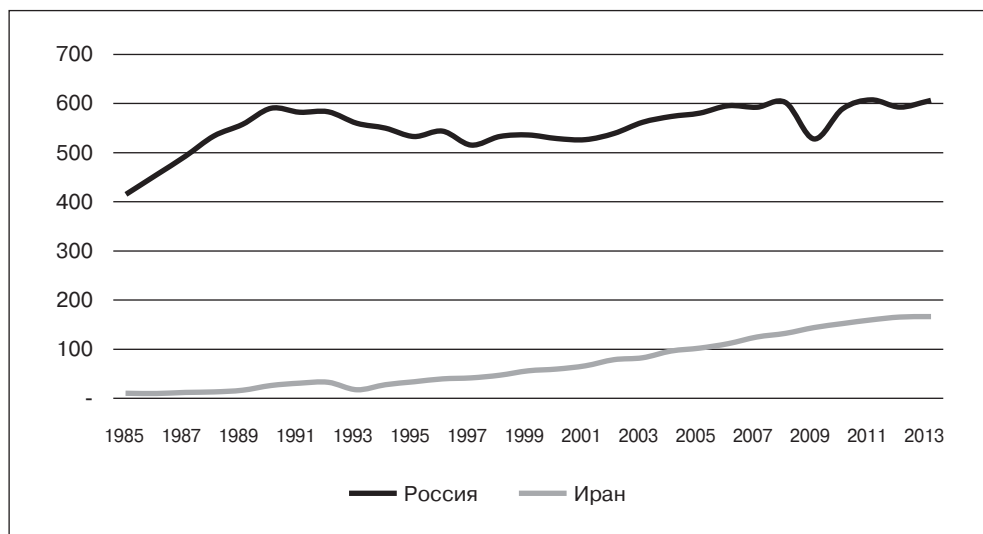
в которые можно было активно входить на СПГ-рынок, и в результате сейчас оказалась в роли догоняющего; на Иран же вообще приходится менее 1% международной газовой торговли).

География российского экспорта включает поставки трубопроводного газа в Европу и экспорт СПГ в азиатском направлении; в 2014 г. подписан контракт на экспорт сетевого газа в Китай¹, физические поставки которого должны начаться к 2020 г. Текущие торговые потоки Ирана — это экспорт в Турцию (порядка 8 млрд м³ в год²), Армению и Азербайджан (менее 1 млрд м³) и импорт из Туркменистана, который, к слову, серьезно снизился в результате сложностей с проведением оплаты в результате наложенных на Иран санкций. Общая доля импорта и экспорта Ирана в международной газовой торговле на 2012 г. не превышала 1%³. Примечательно, что объем импорта в отдельные годы превышает объем экспорта газа из Ирана. Таким образом, учитывая объем экспорта газа из двух стран (рис. 2) и держа в памяти объем запасов двух стран, становится ясно, что Иран играет несоизмеримо малую роль на международных энергетических рынках.

Иран находится под режимом санкций, в частности с 1995 г. в соответствии с актом ILSA — Iran Libya Sanctions Act, введенным США против Ирана и Ливии в связи с финансированием террористических организаций этими странами⁴. Два основных следствия данного ограничения заключаются в следующем: во-первых, страдает инвестиционная составляющая развития сектора разработки и добычи, так как американские компании не могут в соответствии с документом осуществлять инвестиции в Иране на сумму, превышающую определенный порог. Компании, которые тем не менее работают в Иране, — это австрийская OMV, китайские CNPC и CNOOC. Во-вторых, Иран не может получить доступ к технологиям сжижения природного газа и, соответственно, не может развивать ключевой в реалиях сегодняшних газовых рынков элемент экспортной стратегии — экспорт природного газа в форме СПГ.

В общем, если говорить о перспективах конкуренции между этими двумя странами, то, естественно, нужно сфокусироваться на потенциале наращивания Ираном своего участия в международной торговле газом, так как с Россией в общих чертах все ясно уже на протяжении последних 20 лет, и вопрос заключается в том,

Рисунок 2. Добыча природного газа в России и Иране, млрд м³

Источник: BP Statistical Review of World Energy 2014, Historical Workbook.

насколько массированно получится выйти на азиатский рынок и какую роль в этом сыграет СПГ.

КАКОВЫ ПЕРСПЕКТИВЫ ИРАНА В ПЛАНЕ ВЫХОДА НА МИРОВЫЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ РЫНКИ?

Можно условно выделить пять направлений, по которым Ирану было бы логично наращивать экспорт природного газа. *Во-первых*, это, конечно, **иранское ближнее зарубежье** — Турция и Южный Кавказ (где связи уже есть — в частности, Иран снабжает газом азербайджанский эксклав Нахичевань, а Азербайджан в свою очередь поставляет газ в иранские северные провинции, и все это в сопоставимых объемах). Отдельным пунктом в данном регионе стоит отметить проект трубопровода Туркменистан–Иран–Турция, который потенциально может включить Иран в межрегиональную динамику в качестве ключевого звена.

Во-вторых, достаточно логичны проекты экспорта газа через трубопроводы в **страны Персидского залива** с целью дальнейшего сжижения и экспорта на мировые рынки СПГ. Так, к примеру, обсуждаются возможности поставок в Оман с дальнейшим сжижением. Второе направление экспорта — Кувейт, Бахрейн и ОАЭ, где СПГ будет востребован для повышения коэффициента извлечения нефти (посредством закачки в пласт и повышения давления, что упрощает добычу нефти на данном месторождении).

Трубопроводные поставки на Восток — **в Индию и Пакистан** — это третье важное потенциальное направление иранского газового экспорта. Если проект Иран–Индия–Пакистан (ИПИ) будет реализован, он может заменить проект Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия (ТАПИ).

Сложно переоценить значение **рынков СПГ** для развития торговли природным газом, и у Ирана, естественно, есть планы в данной сфере. Потенциально Иран может пользоваться теми же преимуществами, что и Катар (географическое положение, позволяющее осуществлять поставки как в Атлантический бассейн,

так и в Тихоокеанский, т.е. обширные возможности для географической диверсификации).

И наконец иранский экспорт в **западном направлении**. Из наиболее громких проектов стоит вспомнить Набукко — газопроводную систему, которая должна была поставлять газ в Европу из региона Каспия (в качестве потенциальных поставщиков для проекта выступали Иран, Ирак, Туркменистан, Иран). Проблем как с Набукко, так и с любым проектом экспорта в западном направлении сразу несколько. Во-первых, это направление имеет низкий приоритет для Ирана по сравнению с собственным рынком и экспортом в *ближнее зарубежье*⁵. Во-вторых, уровни добычи при существующих инвестиционных условиях не позволят массированно расширять добычу. Газовая отрасль требует долгосрочного планирования и капитальных инвестиций, а с момента принятия окончательного инвестиционного решения по проекту (Final Investment Decision, FDI) до начала добычи и торговых операций с ресурсом проходит значительное время. Поэтому еще в 2010 г. отмечалось: «Сомнительно, что Иран, который часто называют в качестве основного поставщика газа для Набукко, обладает достаточными производственными мощностями, чтобы обеспечить даже первую фазу Набукко»⁶. С этими же проблемами столкнется любой другой проект, нацеленный на крупномасштабный экспорт в Европу. В-третьих, примечательно, что в 2007 г. произошел сбой в поставках по газопроводу в Турцию, так как газа, имеющегося в наличии у Ирана, было недостаточно даже для покрытия собственного спроса⁷, что, естественно, ставит вопрос о надежности NIGC — National Iranian Gas Corporation — в качестве партнера. И наконец сам факт продолжающегося кризиса и действия режима санкций подтверждает всю сложность отношений между Ираном и Западом, что является ключевым геополитическим препятствием на пути к какому бы то ни было сотрудничеству в газовой сфере на данном географическом направлении.

ЧТО РЕАЛЬНО МОЖЕТ ПОМЕНЯТЬСЯ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ ГАЗОВЫХ РЫНКАХ?

Первый фактор, который на который стоит обратить внимание, — это возможное ограничение присутствия российского нефтегазового сектора на традиционных рынках. Санкции, о которых так много уже сказано в последние месяцы, действительно могут отразиться на благосостоянии России⁸, однако в этом случае российская экономика произведет полный *разворот* на Китай. *Разворот* коснется поставок сырой нефти для бурно растущего в Китае нефтеперерабатывающего сектора. *Во-вторых*, Россия будет вынуждена хотя бы частично перенаправить потоки природного газа на азиатский рынок, что потребует куда больших инвестиций и времени, чем, к примеру, расширение трубопроводной системы «Восточная Сибирь–Тихий океан» (ВСТО) для наращивания экспорта нефтяного. Ограничения в поставках оборудования могут крайне отрицательно сказаться на перспективах новых проектов (вырастут издержки и отодвинутся сроки ввода)⁹.

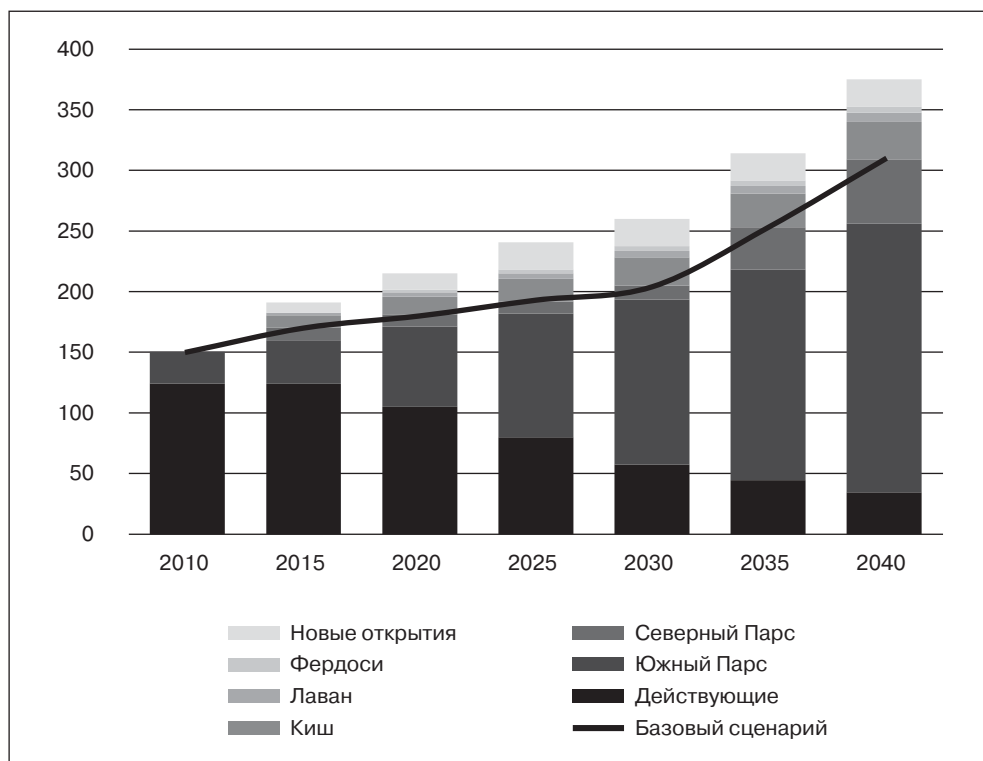
Однако такой сценарий развития скорее затрагивает интересы только России и на отношениях между двумя странами вряд ли отразится. При этом есть второй фактор, который как раз имеет потенциал к созданию некоего соперничества между Россией и Ираном на рынках газа. Это более активный выход Ирана в качестве поставщика природного газа за рамки региона Ближнего Востока и Каспия. Такой вариант развития событий рассмотрен — не применительно к Ирану, но как принципиально возможный маршрут развития газовых рынков — в Прогнозе развития энергетики мира и России до 2040 г., подготовленном ИНЭИ РАН совместно с Аналитическим центром при Правительстве РФ¹⁰. В сценарии «Новые производители» предполагаются максимально высокие из реалистичных объемы производства природного газа новыми игроками, и Иран является наиболее крупным из этих игроков наряду с Катаром, Австралией, странами Восточной Африки и Туркменистаном. В рамках сценария оценивается влияние этого дополнительного предложения нефти и газа на мировые энергетические рынки.

Итак, стартовая ситуация в газовом секторе Ирана следующая. В структуре экспортных доходов нефтегазовый сектор дает 80%¹¹. Исторически на нефтегазовый сектор Ирана серьезно влияли Британия и США. О многом говорит уже тот факт, что одна из крупнейших сегодня компаний BP выросла из Англо-персидской нефтяной компании¹². Вплоть до Исламской революции 1979 г. компания занималась разведкой и добычей газа в стране, а затем нефтегазовый сектор страны был национализирован. В настоящее время более 62% запасов природного газа — как на нефтегазовых, так и на неассоциированных месторождениях — пока не были включены в разработку¹³. Основные месторождения показаны на графике (рис. 3).

С открытием месторождения Южный Парс прогноз по росту добычи в перспективе довольно оптимистичен, месторождение может обеспечить до половины добычи газа в стране. При этом приоритеты Ирана в использовании природного газа можно охарактеризовать следующим образом:

- 1) собственное использование на нужды в первую очередь производства электроэнергии;
- 2) закачка в пласт для повышения отдачи нефтяных месторождений;
- 3) использование в качестве сырья в промышленности, в первую очередь в нефтехимии и GTL (gas-to-liquid, производство синтетического жидкого топлива)
- 4) и уже только в четвертую очередь экспорт природного газа.

Рисунок 3. Прогноз добычи нефти в Иране, базовый сценарий и сценарий «Новые производители»

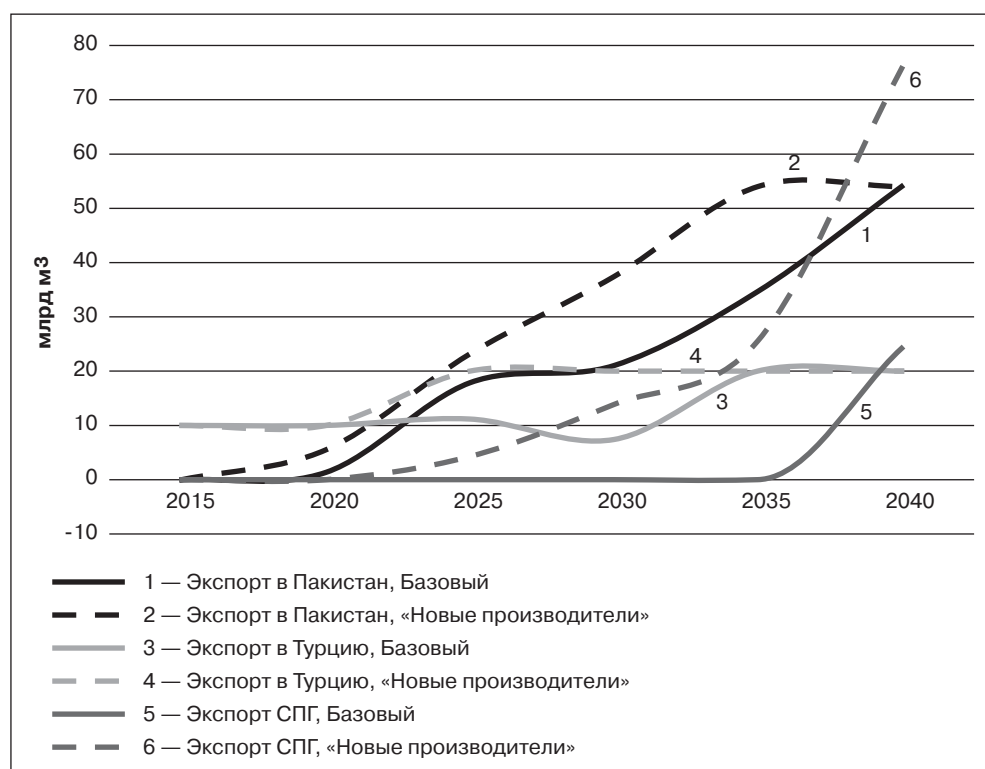
Источник: Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 г. / Под рук. А. А. Макарова, Л. М. Григорьева. М.: ИНЭИ РАН, АЦРФ, 2014. С. 89.

При наиболее благоприятном для Ирана стечении обстоятельств с 2010 по 2040 г. производство газа может увеличиться практически в 2,5 раза, достигнув отметки в 370 млрд куб. м¹⁴. Именно такой прогноз по добыче в Иране включен в сценарий «Новые производители» и превышает показатели базового прогноза по добыче природного газа в стране на 60 млрд м³ (рис. 3). При этом наиболее значительное изменение по сравнению с базовым сценарием заметно на рынке СПГ: показатель благоприятного для Ирана сценария по экспорту СПГ превышает экспорт СПГ в базовом сценарии на 52 млрд м³ (рис. 4).

Логично ожидать, что это непосредственно отразится на позиции ключевых игроков. В силу того, что себестоимость добычи на новых иранских месторождениях значительно ниже, чем, к примеру, себестоимость добычи на новых месторождениях в России (а в России новые проекты в целом более технологически сложны и удалены от существующей инфраструктуры, находятся в регионах со сложными климатическими условиями), может последовать снижение цен на природный газ как на высококонкурентном европейском, так и на премиальном азиатском рынке. Однако результаты расчетов ИНЭИ РАН и АЦ РФ показали, что, в целом, в результате роста добычи природного газа новыми производителями обвала цен в перспективе до 2040 г. не произойдет; при этом воздействие новой добычи будет отличаться в зависимости от региона: «...если рынок Северной Америки практически не почувствует никаких изменений, то в АТР и Китае

Рисунок 4. Сценарии и направления иранского газового экспорта, 2015–2040 гг.

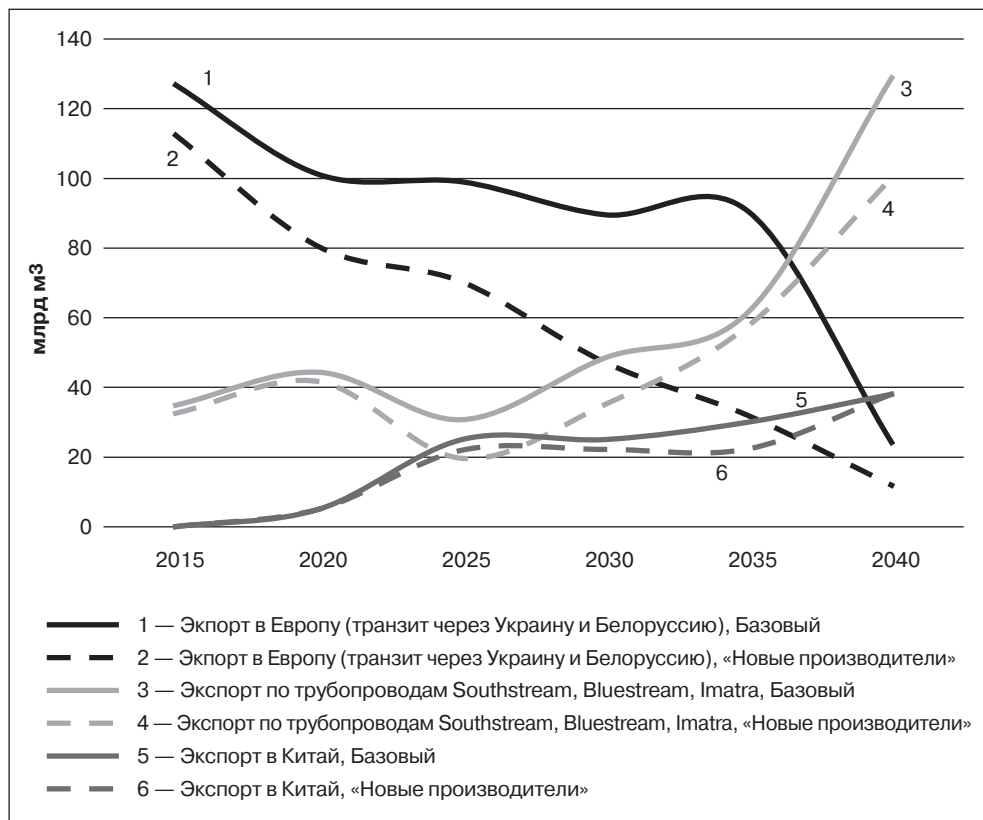
Источник: ИНЭИ РАН.

Примечание: экспорт в Пакистан включает транзитные потоки.

разница с ценами базового сценария составит 9–13%. На европейском рынке эффект будет наиболее ощутим — снижение цен на 20% по сравнению с базовым сценарием»¹⁵.

Стоит пояснить, что данный прогноз был получен в начале 2014 г., до резкого падения цен на нефть. Повлияет ли падение цен на прогнозные показатели в долгосрочной перспективе? В рамках моделирования учитываются долгосрочные тенденции изменения балансовой цены нефти. Балансовая цена — это цена, при которой за счет добычи на традиционных и нетрадиционных месторождениях и с учетом

Рисунок 5. Сценарии и направления российского газового экспорта по трубопроводам, 2015–2040 гг.

Источник: ИНЭИ РАН.

Примечание: Приведены объемы российского экспорта с учетом планов по строительству трубопровода «Южный Поток» (Southstream), действительных на момент выполнения расчетов. В ноябре 2014 г. было объявлено об отмене проекта Southstream и замене его проектом Turkish Stream с возможностью транзита и дальнейших поставок на европейский рынок через границу Турции и Греции. Заявленные объемы экспорта через трубопровод Turkish Stream соизмеримы с объемами экспорта через Southstream, однако реалистичные объемы транзитных потоков требуют уточнения в связи с недостаточностью инфраструктуры на границе Турции и Греции. Тем не менее, стратегия России по объемам присутствия на европейском рынке остается неизменной; что изменилось — так это подход к выполнению инфраструктурных проектов в условиях изменяющегося режима регулирования газовой отрасли в Европе: теперь строительство осуществляется лишь до границы ЕС, развитие инфраструктуры на территории ЕС оставляется на усмотрение европейских компаний.

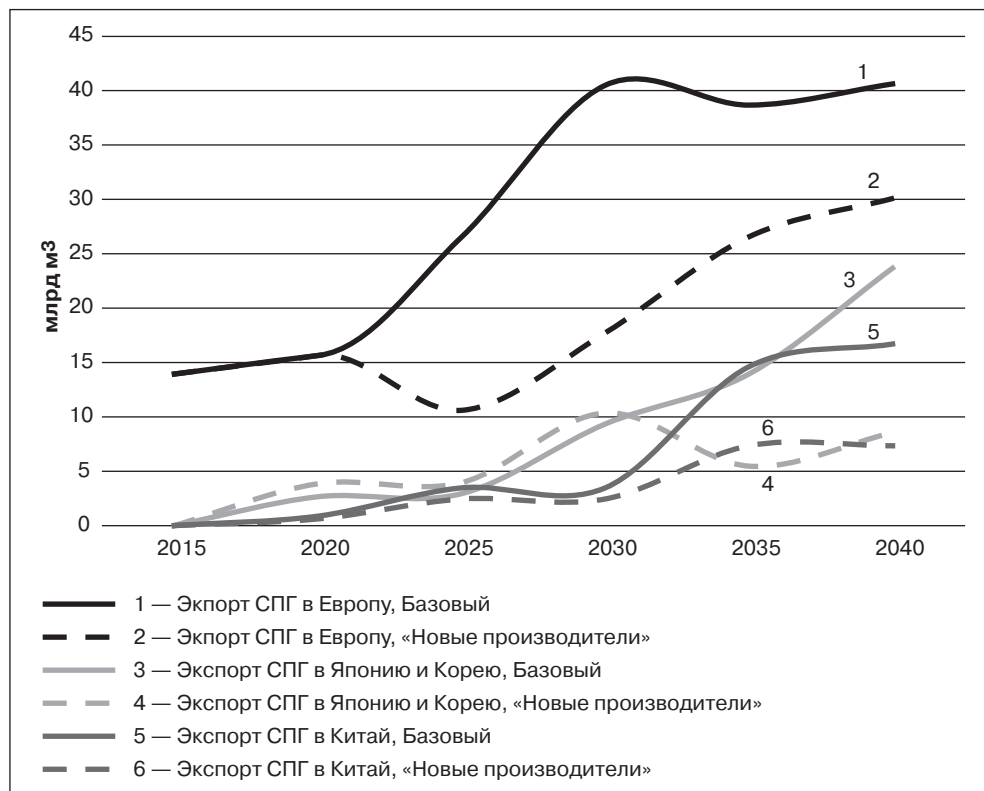
А
Н
А
Л
И
З

коммерчески эффективных предложений нефтесамещения будет удовлетворяться спрос по годам прогнозного периода (фактически — динамика точек пересечения кривых спроса и предложения). Показатель этой цены зависит от прогноза спроса и издержек на добычу и доставку ресурса. Падение цены на нефть до 50 долл./барр. в 2014 г. — это падение фактической рыночной цены, а не балансовой. Балансовая цена не подвержена влиянию волатильных отклонений, и положения о тенденциях балансовой цены, таким образом, никак не связаны с краткосрочными колебаниями цены на нефть. Поэтому в целом можно говорить о том, что результаты моделирования в части цен на нефть (и следовательно, цен на газ, которые в целом следуют за динамикой цен на нефть) остаются адекватными даже в условиях значительного снижения фактической цены на нефть в 2014 г. уже после выполнения расчетов.

Так или иначе, увеличение добычи новых производителей будет неизбежно вытеснять с рынка наиболее дорогостоящие поставки традиционных экспортеров. Приведем цифры, полученные в результате расчетов: «...к 2040 г. потери от данного сценария будут делить между собой Северная Америка (–57 млрд м³, из них 45 млрд м³ — добыча в США), страны СНГ (–87 млрд м³, из них около 70 млрд м³ российского газа) и Австралия (–10 млрд м³), а основной выигрыш из всех новых производителей при этом получит Иран (+120 млрд м³)»¹⁶.

На графиках (рис. 5, 6) показаны перспективы российского экспорта по газопроводам и в форме СПГ в зависимости от того, будет ли реализован сценарий выхода новых производителей, и в первую очередь Ирана, на международные рынки. Можно сделать следующие выводы:

Рисунок 6. Сценарии и направления российского экспорта сжиженного природного газа, 2015–2040 гг.

Источник: ИНЭИ РАН.

- 1) Наибольшее влияние прирост добычи в Иране и других странах — новых поставщиках окажет в период до 2020 г., вызвав соразмерное падение добычи в России, США, Китае, Мексике, Малайзии, Индонезии, Норвегии, Великобритании, Казахстане и Саудовской Аравии.
- 2) Если сконцентрироваться на последствиях для России, то трубопроводный экспорт будет затронут не так кардинально, как экспорт СПГ. Наибольшая разница заметна в российском экспорте в Европу через территорию Украины и Белоруссии в 2030–2035 гг. Это, с одной стороны, объясняется ростом поставок через альтернативные коридоры, а с другой — более активными покупками европейскими компаниями газа на рынке СПГ. Перспективы трубопроводных поставок из Ирана даже в сценарии «Новые производители», к слову, не реализуются. Кроме того, показатели базового сценария, несомненно, будут пересмотрены в сторону понижения в отношении экспорта с использованием транзита в связи с событиями на Украине, которые разворачивались уже после выполнения соответствующих расчетов и публикации прогноза.
- 3) И самое критическое значение для России выход новых производителей будет иметь для экспорта СПГ, причем не только (и не столько) в традиционные страны — импортеры СПГ Корею и Японию, но и в Европу и в Китай. В свете переориентации российской газовой стратегии на восточное направление и приоритетное развитие СПГ-проектов (о чем, в частности, свидетельствует решение о либерализации экспорта СПГ, пусть и ограниченной, в конце 2013 г.) и изменения условий функционирования рынка в Европе, где доля торговли на хабах на все более конкурентных условиях резко выросла в последние годы, данный сценарий нельзя назвать позитивным для России.

Таким образом, налицо явный потенциал Ирана для выхода на международные СПГ-рынки, притом что возможности трубопроводных проектов межрегионального значения гораздо менее значимы. Насколько реализуем сценарий «Новые производители»? В первую очередь это будет зависеть от дальнейшего функционирования режима санкций в отношении Ирана. Нефтегазовый сектор страны *изголодался* по инвестициям, и возможности прийти в сектор ищут как западные, так и азиатские (в частности китайские) компании. Вложения в сектор разведки и добычи для последних представляют интерес как альтернатива развитию нетрадиционных месторождений, пусть и географически более приближенных к центрам потребления.

КОНКУРЕНЦИЯ НЕИЗБЕЖНА?

В изменяющихся условиях развития рынков природного газа Россия и Иран играют на одном поле, и изменения, происходящие в иранском нефтегазовом секторе, отражаясь на экспортном потенциале страны, неизбежно будут отражаться и на российском потенциале присутствия на международных рынках природного газа. Намечаются конкурентные движения и в рамках международных организаций (таких, как ФСЭГ¹⁷).

Будущее конкуренции между Россией и Ираном условно можно поставить в зависимость от следующих факторов: во-первых, это осознанное решение Ирана по выходу на целевые для России рынки (прежде всего неевропейский), во-вторых, это перспективы координации действий в рамках существующих институтов на газовых рынках.

Что касается прямой конкуренции, то, как показал обзор приоритетов Ирана, в ближайшей перспективе возможно лишь ограниченное пересечение сфер экспортных интересов двух стран. А существующие институты не позволяют координировать действия участников по типу картели, да такой задачи и не ставится.

Так или иначе Россия должна быть готова к работе в новых, более конкурентных условиях на международных рынках природного газа, и от стратегических решений, принимаемых в части направлений и технологий развития экспорта в значительной степени зависит то, какое место Россия займет на международных рынках в средне- и долгосрочной перспективе. 🇷🇺

Примечания

¹ Mironova Irina. Russia's gas deal with China is huge. Here's why. *Russia Direct*. June 3, 2014. <http://www.russia-direct.org/content/russias-gas-deal-china-huge-heres-why> (последнее посещение — 25 января 2015 г.).

² BP Statistical Review of World Energy 2014.

³ Energy Information Administration. Iran. <http://www.eia.gov/countries/cab.cfm?fips=ir> (последнее посещение — 25 января 2015 г.).

⁴ Boon von Ochssée Timothy. The Dynamics of Natural Gas Supply Coordination in a New World. The Hague: Clingendael International Energy Programme, 2010. P. 149.

В 2006 г. Ливия исключена из акта, который в результате стал Iran Sanctions Act и действие его было продлено в 2011 г.

⁵ Boon von Ochssée Timothy. Op. cit. P. 153.

⁶ International Energy Agency. World Energy Outlook 2008.

⁷ Flower Andy. Natural Gas from the Middle East. In: Stern Jonathan (ed.). Natural Gas in Asia. The Challenges of Growth in China, India, Japan and Korea. Oxford: OIES, 2008. P. 369.

⁸ Mironova Irina. Russia: Still-life Under Sanctions. *European Energy Review*. November 20, 2014. <http://europeanenergyreview.eu/site/pagina.php?id=4278> (последнее посещение — 25 января 2015 г.).

⁹ Более подробно см.: Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 г. / Под рук. А. А. Макарова, Л. М. Григорьева. М.: ИНЭИ РАН, АЦРФ, 2014.

¹⁰ Там же.

¹¹ CIA. Iran. The World Factbook. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ir.html> (последнее посещение — 25 января 2015 г.).

¹² BP. История компании. http://www.bp.com/ru_ru/lubricants/russia/about-us/bp-worldwide/company-history.html (последнее посещение — 25 января 2015 г.).

¹³ Boon von Ochssée Timothy. Op cit. P. 145.

¹⁴ Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 г. / Под рук. А. А. Макарова, Л. М. Григорьева. М.: ИНЭИ РАН, АЦРФ, 2014. С. 85.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 г. С. 85.

¹⁷ Касаев Эльдар. Чертова дюжина. На площадке Форума стран — экспортеров газа разворачивается конкурентная борьба. *Oil and Gas Journal Russia*. Август 2014. С. 24–30.

Александр Чебан

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЧЕРНОМУ РЫНКУ ЯДЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ УСИЛИЯ И РОССИЙСКИЕ ОЦЕНКИ¹

Когда товар ценный и на него повышен спрос, всегда появляются черные рынки, на которых этим товаром нелегально торгуют. Существование таких черных рынков дестабилизирует экономику и положение дел в обществе. Однако особенно угрожающей ситуация становится в том случае, когда нелегально торгуют такими опасными товарами, как ядерные материалы или ядерные технологии.

Фобии по этому поводу, которые дали толчок многочисленным обсуждениям этого вопроса в экспертной среде в 1990-е гг., сегодня выглядят несостоятельными. Проблема незаконного оборота ядерных материалов (НОЯМ) в мире сведена к минимуму благодаря активным усилиям международного сообщества по улучшению систем физической защиты и экспортного контроля. В настоящее время эта проблема не находится в списке остро актуальных и в России, например, проблема незаконного оборота наркотиков для России на порядок острее.

Однако, по нашей оценке, все еще существует опасность того, что из ядерных государств в нежелательные руки могут попасть технологии или оборудование, пригодные для разработки и создания ядерного оружия. Мировой оборот ядерных технологий контролировать значительно труднее, чем оборот ядерных материалов. Например, сегодня в условиях развития атомной энергетики в мире все большее количество специалистов из разных стран получают ядерное образование, а вместе с ним и знания, которые потенциально могут быть применены не только для мирной деятельности. Ядерные технологии имеют двойное назначение, и поэтому в рамках образовательных программ для специалистов-ядерщиков из государств, не обладающих ядерным оружием, трудно провести разделительную линию и определить, какие знания им можно преподавать, а какие нет.

Эта проблема особенно актуальна для России, в которой начинают обучение будущие работники атомной отрасли из многих развивающихся стран. Поэтому понимание российской позиции по отношению к черному рынку ядерных технологий крайне важно.

Кроме того, актуальность темы данной работы обуславливается и тем, что Россия сама может оказывать существенное влияние на эффективность международных усилий по противодействию черному ядерному рынку. Поэтому в данной работе мы рассмотрим позицию России как по отношению к ситуации с ядерными технологиями на российской территории, так и по отношению к мировому черному ядерному рынку в целом.

А
Н
А
Л
И
З

СИТУАЦИЯ С РЫНКОМ ЯДЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИИ В 1991–2013 гг.

После распада Советского Союза Россия некоторое время оставалась предметом всеобщего беспокойства в связи с тем, что российские ядерные материалы или технологии могут попасть в нежелательные руки. В 1990-е гг. довольно серьезной была озабоченность по поводу российских ядерных материалов, особенно в свете реальных инцидентов краж расщепляющихся материалов в России. Некоторые из этих инцидентов, которые привели к попаданию оружейных материалов не совсем ясного происхождения в западные страны якобы из России, не признаются российской стороной, и для этого есть вполне весомые основания².

Тем не менее были случаи краж российских ядерных материалов, которые России пришлось признать. Два таких инцидента случилось в 1993 г. на военно-морских базах Северного флота, на которых хранились части разобранных атомных подводных лодок (АПЛ). Сначала из базы в губе Андреева вблизи границы с Норвегией было украдено 1,8 кг урана со степенью обогащения 36%³. Затем из базы вблизи Мурманска было похищено 4,5 кг урана со степенью обогащения 19%⁴. Оба случая были раскрыты, а злоумышленники наказаны, но сам факт успешного хищения ядерных материалов свидетельствовал о крайне неблагоприятной ситуации с их защитой и сохранностью.

Случаи НОЯМ, связанные с Россией, имели место и в более поздние периоды. Так, грузинские власти при помощи ЦРУ в 2006 г. провели операцию, в ходе которой задержали россиянина Олега Хильцагова, пытавшегося продать 100 г высокообогащенного урана-235 (ВОУ) за 1 млн долларов в Тбилиси. Американские специалисты установили, что ВОУ был российского происхождения. Специалисты ФСБ отметили, что установить происхождение ВОУ трудно, но не исключили, что он мог быть произведен в России⁵.

В конце 2012 г. на Украине был задержан гражданин России, вывезший из РФ гамма-дефектоскоп, который он пытался продать за 50 тыс. долларов. Россиянин приобрел на территории РФ гамма-дефектоскоп, одна из деталей которого (радиационная головка) содержала ядерные материалы и источники ионизирующего излучения. Радиационную головку злоумышленник самостоятельно перевез в Харьков на частном автомобиле, скрыв ее от таможенного контроля⁶.

Впрочем, перечисленные инциденты были единичными, и в ходе их фигурировали небольшие количества оружейных ядерных материалов, которых не хватило бы для производства ядерного оружия. К тому же должные уроки из этих и других менее серьезных инцидентов были извлечены. Проблема НОЯМ в России не приобрела серьезного масштаба, а к настоящему времени она фактически нейтрализована. Случаи утечек ядерных технологий из России в 1990-е гг., в отличие от собственно НОЯМ, не столь тщательно исследованы, поскольку основное внимание в те годы уделялось рискам хищений именно ядерных материалов.

Наибольший резонанс по поводу риска утечек ядерных технологий вызвал так называемый *протокол Михайлова*. 8 января 1995 г. российский министр по атомной энергии В. Н. Михайлов подписал в Иране Протокол о завершении строительства блока № 1 Бушерской АЭС. В рамках этого протокола предусматривалась поставка из России в Иран легководного реактора мощностью 30–50 МВт, а также сооружение в Иране других исследовательских реакторов. Кроме того, предполагалось, что Россия окажет Ирану помощь в освоении уранового месторождения и по строительству центрифужного завода по обогащению урана и будет осуществлять подготовку иранских специалистов-атомщиков в России. Сумма сделки оценивалась в 800 млн долл.⁷

Западные эксперты и политики крайне негативно отнеслись к этому протоколу — осуждающие голоса звучали даже в России⁸. Эта озабоченность, очевидно, была не вполне обоснована⁹. Применительно к *протоколу Михайлова* единственно обоснованной была озабоченность по поводу пункта, предусматривающего, что Россия окажет Ирану помощь по строительству центрифужного завода по обога-

щению урана. Однако этот наиболее сомнительный с точки зрения режима нераспространения пункт был аннулирован.

Протокол Михайлова вызывал озабоченность по той причине, что, на первый взгляд, при ознакомлении с его текстом казалось, будто переживающая острые экономические трудности Россия готова за солидные деньги продать ядерные технологии любому государству, невзирая на возможные риски для нераспространения. Однако, как показывает более объективный анализ, никаких рисков утечек чувствительных технологий из России в Иран этот документ не нес.

Тем не менее у некоторых экспертов все же возникал вопрос, предпринимал ли Иран (или другие государства, подозреваемые в стремлении к обладанию ядерным оружием) после развала Советского Союза попытки предлагать работу советским специалистам-ядерщикам. На этот вопрос трудно дать ответ, но зато с большой долей уверенности можно сказать, что в принципе России удалось предотвратить утечку *ядерных мозгов* со своей территории. В значительной степени это произошло благодаря ответственности самих российских ядерщиков, руководителей предприятий. Но нельзя сбрасывать со счетов и международное содействие — прежде всего со стороны такой международной организации, как Международный научно-технический центр (МНТЦ).

В этом контексте интересно упомянуть опрос, который вначале своей деятельности в 1992 г. провел МНТЦ среди 600 российских ученых-оружейников. Всем этим ученым был задан вопрос: «Согласились бы Вы на высокооплачиваемую работу по специальности в одной из зарубежных стран: Иране, Ираке, Сирии или Северной Корее?». Из них только 26% категорически ответили, что ни при каких условиях они не примут это предложение. 28% опрошенных ответили, что они, скорее всего, отказались бы, чем согласились. 15% опрошенных ответили, что в принципе они могли бы согласиться, а 12% — что согласились бы точно. При этом организаторы опроса отмечали: выразившие свою готовность уехать на работу в подозрительную с точки зрения нераспространения страну были в основном молодыми специалистами¹⁰.

В любом случае, несмотря на существование рисков утечек специалистов-ядерщиков за рубеж, реальных случаев таких утечек, скорее всего, не было по двум причинам. *Во-первых*, так называемые пороговые страны (Иран, Ирак, Сирия, КНДР) так и не были замечены в систематических попытках завербовать иностранных (в том числе российских) специалистов для развития своих военных ядерных программ. В таком чувствительном вопросе, как ядерная деятельность, эти страны, очевидно, предпочитали полагаться на своих специалистов и не рисковать, привлекая иностранцев. Это, кстати, отличает ситуацию в ядерной области от ракетной. В последнем случае *утечки умов* из России и других государств бывшего СССР имелись. *Во-вторых*, сами российские специалисты в основном были достаточно ответственными, чтобы пойти на работу в сомнительные с нераспространенческой точки зрения страны¹¹. Как показывают приведенные выше результаты опроса, только 12% российских специалистов-оружейников (причем в основном молодых и малоопытных) были согласны на такую работу. Правда, и это довольно большой процент. К тому же, как показал тот же опрос, имелось довольно много колеблющихся, которые в принципе не исключали возможность своего выезда в пороговые страны. Как бы то ни было, деятельность МНТЦ по привлечению ученых-оружейников к мирной деятельности, а также соответствующие усилия по финансированию науки со стороны российского руководства способствовали тому, что потенциальная угроза *утечки умов* в пороговые страны не стала реальностью.

В официальной Белой книге (БК) по нераспространению оружия массового уничтожения (ОМУ) в России¹² сказано, что только за предшествующие до ее публикации в 2006 г. несколько лет в стране проведено более 60 уголовных расследований по фактам несанкционированных передач за рубеж продукции, имеющей признаки контролируемой. Кроме того, по данным авторов БК, органами безопасности

была выявлена и пресечена деятельность более 30 иностранных граждан и фирм по незаконному приобретению с целью последующего вывоза с территории России товаров и технологий, которые могут быть использованы при создании ОМУ и средств его доставки.

В БК не перечисляются все уголовные расследования, однако названы некоторые конкретные лица и организации, которые были уличены в попытках краж технологий¹³. Данные из БК, с одной стороны, свидетельствуют о том, что в России *сохранялся спрос* на технологии, имеющие отношение к ОМУ, в том числе к ядерному оружию, и поэтому есть риск утечки. С другой стороны, тот факт, что все эти случаи, согласно БК, были раскрыты, показывает *способность* России пресекать попытки утечек.

Некоторые зарубежные эксперты критически подходят к этим данным из БК. Например, ведущий научный сотрудник Венского центра по разоружению и нераспространению Николай Соков отмечает, что эти данные явно имеют политическую подоплеку. Так, он отмечает, что «все приведенные в Белой книге примеры включают нелегальный экспорт, предназначенный для иранской и пакистанской ядерной и ракетной программ. Нарушителями в этих случаях были граждане США, Пакистана, Ирана, а также частные фирмы. Что интересно, БК умалчивает о попытках экспорта в Китай, даже несмотря на то что недавно было множество инцидентов, связанных с предположительными попытками направить чувствительные технологии из России в Китай»¹⁴. Иначе говоря, из-за нежелания портить отношения с Китаем авторы БК сознательно не отразили все аспекты реальной ситуации с черным рынком ядерных технологий в России.

Источниками подозрений России в допущении утечек чувствительных технологий в 1990-х гг. являлись следующие факторы:

- недостатки системы экспортного контроля в России в 1990-х гг., связанные с несовершенным нормативно-правовым регулированием и плохой технической базой (недостаточное количество специальных приборов для выявления радиоактивных материалов);
- неверное смещение акцентов при оценке угроз утечек ядерных технологий. То, что риски ядерных утечек существовали, это факт, но часто западные эксперты и политики не до конца понимали, кто является главным источником этих рисков. При оценке этих рисков они придавали неоправданно большое значение России и при этом недооценивали такие действительно серьезные источники угроз распространению, как, например, Пакистан. Это признает, в частности, авторитетный американский эксперт Роберт Айнхорн: «Пакистан не был в центре нашего внимания... Мы предполагали, что <...> пакистано-иранское сотрудничество в ядерной области не было важным фактором»¹⁵. Британский журналист Гордон Коррера, комментируя это высказывание, пишет, что Р. Айнхорн, «как многие в России помнят, много сил потратил на то, чтобы пресечь любые мало-мальски значащие контакты российских фирм с Ираном, если это только как-то могло повлиять на развитие его ядерной программы, пусть даже сугубо теоретически»¹⁶.

Подводя итоги под *исторической частью* статьи, следует отметить, что в западных странах переоценивали риски утечек ядерных материалов и ядерных технологий из России. На Западе и в России по-разному оценивали характер утечек технологий. Если в западных странах больше всего опасались, что эти технологии попадут к государствам, таким как Иран и Северная Корея, то в России таких опасений не было, о чем свидетельствует подписание с Ираном *протокола Михайлова*. Россия еще больше, чем западные страны, опасалась угрозы ядерного терроризма, который в БК 2006 г. был назван *самой серьезной угрозой*. При этом, в отличие от западных стран, в России меньше опасались угрозы того, что террористы используют для совершения теракта ядерное взрывное устройство (ЯВУ). В БК 2006 г. эта угроза названа очень опасной, но маловероятной. Более реальной, по мнению авторов БК,

является угрозой создания и применения террористами *грязной бомбы* из радиоактивных материалов. Такая оценка не случайна, она базируется на том, что чеченские террористы в 1995 г. в Москве предприняли попытку совершить теракт с использованием радиоактивного цезия-137¹⁷. Также на протяжении 1990-х гг. северокавказские террористы неоднократно угрожали применить радиологическое оружие в городах России¹⁸. Поэтому российское руководство было склонно относиться к угрозе ядерного терроризма с еще большим вниманием, чем западные страны.

МЕРЫ РОССИЙСКОГО РУКОВОДСТВА ПО СНИЖЕНИЮ РИСКОВ УТЕЧЕК ЯДЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ИЗ РОССИИ

В конце 1990-х — начале 2000-х гг. России предстояло осуществить ряд мер технического характера по улучшению систем физической защиты, учета и контроля ядерных материалов (ФЗУК ЯМ) и соответствующих предприятий и оборудования, т. е. укрепить первую линию защиты. Необходимо было технически усовершенствовать и вторую линию защиты — систему экспортного, таможенного и приграничного контроля перемещения ядерных материалов, оборудования и ядерных технологий двойного назначения. Помимо мер технического характера (создание современных многоуровневых систем физической защиты ядерных объектов, оснащение таможен дозиметрами для выявления ядерных и других радиоактивных материалов и т. п.) России предстояло усовершенствовать законодательную базу по вопросам обращения с ядерными материалами и технологиями, особенно экспортного контроля (ЭК) над этими технологиями. В этот период было завершено формирование современной системы ЭК.

Как видно из схемы 1, система экспортного контроля в России регулируется многими ведомствами. Из этих ведомств самое непосредственное отношение к ЭК имеет Федеральная служба технического и экспортного контроля (ФСТЭК), которая на данный момент подчиняется Министерству обороны РФ. Кроме ФСТЭК в России вопросами ЭК занимаются и другие ведомства, отраженные на схеме. Их деятельность координирует Комиссия по экспортному контролю (КЭК).

Благодаря деятельности ФСТЭК и успешной координации КЭК российская система ЭК в целом функционирует довольно слаженно, несмотря на бюрократические сложности.

Российская система ЭК регулируется рядом нормативно-правовых документов. Наиболее общие положения отражены в таких базовых документах, как Концепция внеш-

Схема 1. Система экспортного контроля РФ¹⁹

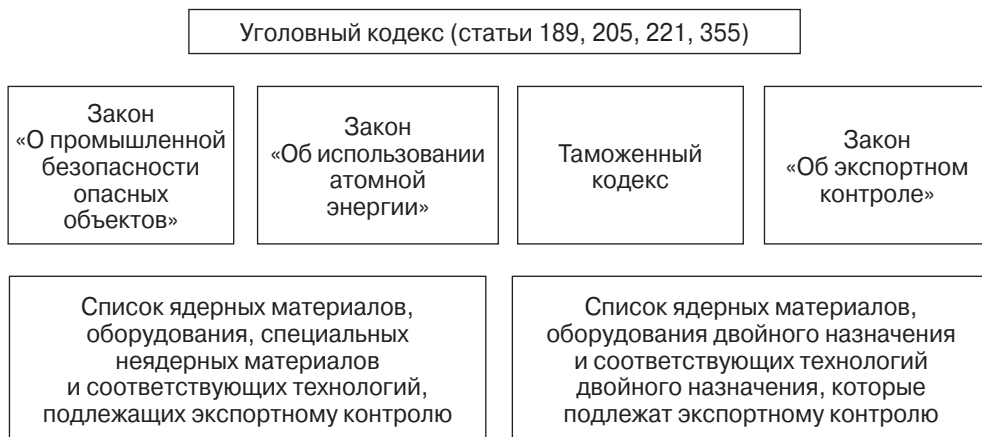

ней политики Российской Федерации, Основы государственной политики в области нераспространения ОМУ и средств его доставки, Основы государственной политики в области обеспечения химической и биологической безопасности Российской Федерации на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу. Более конкретно о мерах по предотвращению черного рынка ядерных технологий речь идет в документах, которые представлены на схеме 2. Эти документы непосредственно регулируют практические действия по предотвращению черного рынка ядерных технологий.

Основные положения правительственной Белой книги по нераспространению 2006 г. и их реализация на практике²⁰

Положения Белой книги 2006 г.	Практическая реализация положений Белой книги к середине 2014 г.
<ol style="list-style-type: none"> 1. Акцентируется внимание на необходимости содействовать странам СНГ в решении проблем нераспространения и утечек ядерных технологий. 2. В целях Инициативы по безопасности в борьбе с распространением ОМУ (ИБОР) использовать потенциал Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия (БЛЭКСИФОР). Одновременно вести курс на создание аналогичной структуры в Каспийском регионе. 3. Унификация законодательств в области ЭК стран СНГ и ЕАГ. 4. Позитивная оценка функционирования системы ЭК в РФ. 5. Фиксирует успешные случаи претягивания попыткам незаконной передачи ядерных материалов и технологий. 6. Присоединение к Дополнительному протоколу (ДП) должно стать одним из факторов, принимаемых во внимание при решении вопросов о возможности осуществления ядерного экспорта. 7. Россия выступает за разработку более жестких, но объективных критериев, регулирующих передачу наиболее чувствительных ядерных технологий, таких как обогащение урана и химическая переработка ядерного топлива. 8. Акцентируется внимание на деятельности России по возвращению из третьих стран свежего ядерного топлива (СЯТ) из ВОО исследовательских реакторов российской конструкции. Констатируется, что на момент 2006 г. СЯТ вывезено в Россию из Сербии и Черногории, Румынии, Болгарии, Ливии, Чехии и Латвии. Из Узбекистана наряду с СЯТ вывозится также отработанное ядерное топливо (ОЯТ) указанных реакторов. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Последовательно реализуется через Программу долгосрочного сотрудничества России со странами СНГ в области нераспространения ОМУ, утвержденной указом президента 2003 г., а также через механизмы ФАТФ и связанной с ним организации Евразийская группа (ЕАГ), которые направлены на противодействие в странах СНГ финансированию ОМУ-терроризма и коррупции, потенциально способствующей появлению ядерного черного рынка. 2. Вместо реализации этих предложений акцент в основном делался на сотрудничестве в рамках Глобальной инициативы по борьбе с актами ядерного терроризма (ГИБАЯТ). В частности проводились учения по выявлению ядерных террористов, например, <i>Страж-2012</i> в Москве и Московской области в сентябре 2012 г. В 2013 г. Россия активно вела сотрудничество с другими странами, в частности с США, в области противодействия терроризму, в том числе ядерному²¹. 3. Не реализовано, так как система ЭК в РФ сложнее, запутаннее, чем система ЭК некоторых постсоветских стран, например Казахстана. 4. Отвечает действительности как в 2006-м, так и в 2014 г. Несмотря на обозначенные выше некоторые формальные недостатки, российская система ЭК на практике успешно справляется с противодействием ядерному черному рынку, и с этим соглашаются как российские, так и западные специалисты. 5. Информация с 2006 до 2014 г. не была обновлена, так как после БК по нераспространению аналогичных документов не выпускалось. 6. Россия продолжает придерживаться такого же принципа. Но в случае с Ираном вышло недоразумение. РФ не соглашалась поставлять ядерное топливо в Иран до тех пор, пока последний не присоединится к ДП. После того как Иран в 2003 г. подписал ДП, Россия обязалась поставить топливо. Но в итоге Иран пока что остался вне ДП, не ратифицировав его, а топливо в ИРИ все равно поставлено. 7. РФ продолжает поддерживать такую позицию. Россия не передавала и не передает такие технологии в неядерные государства, не обладающие ими. 8. Деятельность России по вывозу ядерного топлива активно развивалась и продолжается в 2014 г., причем в сотрудничестве в том числе и с США (несмотря на напряженность из-за украинского кризиса)²². После вывоза СЯТ Россия приступила к вывозу ОЯТ, которое уже после издания БК вывезли из Чехии и Ливии. Кроме того, завершён вывоз СЯТ и вывозится ОЯТ из Вьетнама, в котором на момент издания БК таких работ еще не проводилось.

Схема 2. Базовые документы Российской Федерации, которые препятствуют развитию черного рынка ядерных технологий²³

Из представленных на схеме 2 нормативно-правовых актов наибольшее значение для системы ЭК имеет Закон «Об экспортном контроле», принятый 18.07.1999 (последняя редакция 06.02.2011). Также важное значение для функционирования системы ЭК имеет Таможенный кодекс 2003 г., в котором регулируются вопросы прохождения ядерных материалов и технологий через таможи. Законы «Об использовании атомной энергии» от 21.11.1995 (последняя редакция 11.11.2003) и «О промышленной безопасности опасных предприятий» от 21.07.1997 (последняя редакция 10.01.2003) только частично затрагивают вопросы первой и второй линии защиты ядерных технологий. Зато более непосредственное к ним отношение имеют контрольные списки материалов и технологий, подлежащих ЭК. В России таких списков шесть, причем два из них перечисляют ядерные материалы и технологии. Первый — «Список ядерных материалов, оборудования, специальных неядерных материалов и соответствующих технологий, подлежащих экспортному контролю»²⁴ — был утвержден Указом Президента России от 14.02.1996. С течением времени список, естественно, несколько раз изменялся, и в последний раз в него были внесены изменения, принятые Указом Президента от 14.10.2008. Вторым контрольным ядерным списком был утвержден Указом Президента № 36 от 14.01.2003 «Об утверждении списка ядерных материалов, оборудования двойного назначения и соответствующих технологий двойного назначения, которые подлежат экспортному контролю» (последняя редакция 14.10.2008)²⁵.

В соответствии с этими списками определяется, какие ядерные материалы и технологии подлежат ЭК и нуждаются в прохождении ряда процедур для получения разрешения на экспорт. Данные материалы и технологии можно экспортировать только в страны, которые не нарушают международного режима ядерного нераспространения.

Кроме того, как видно из схемы 2, в России предусмотрена уголовная ответственность за участие в черном рынке ядерных материалов и технологий. Указанные на схеме статьи 189, 205, 221 и 355 из Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривают уголовную ответственность за нарушения законодательства об ЭК (ст. 189), а также за совершение терактов с применением ОМУ и соответствующих материалов (ст. 205), за незаконное обращение с ядерными и другими радиоактивными материалами (ст. 220), за хищение этих материалов (ст. 221) и за производство и накопление ОМУ (ст. 355).

Несмотря на забюрократизированность и некоторую усложненность российской системы ЭК, в целом эта система работает достаточно эффективно.

ВНУТРИФИРМЕННЫЙ ЭКСПОРТНЫЙ КОНТРОЛЬ В РОССИИ КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОЯВЛЕНИЮ ЧЕРНОГО РЫНКА ЯДЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Государство традиционно играет важную роль в обеспечении эффективности и надежности национальной системы ЭК. Это явление характерно и для России. Однако чисто физически государственным органам трудно проконтролировать внешнеторговые операции с многочисленными товарами и технологиями, которые могут иметь отношение к ядерному оружию. К тому же чрезмерный контроль государства над экспортом в современных условиях глобализации объективно приводит к замедлению экономического роста. Когда государство пытается контролировать неосязаемые формы передачи технологий, эта политика вступает в столкновение с объективными тенденциями глобализации научно-технических связей. В современных условиях в различных государствах мира активизируется лоббирование представителей бизнеса в пользу смягчения правил ЭК. Ужесточение ЭК вызывает сопротивление делового, научного сообщества и широкой общественности, так как подрывает демократические нормы и свободы, поэтому все большее значение приобретает создание внутрифирменной системы ЭК.

В России такая система начала формироваться в конце 1990-х гг. 12 мая 1998 г. Федеральная служба по валютному и экспортному контролю утвердила «Методическое положение по созданию на предприятии (в организации) внутрифирменной системы экспортного контроля», которое пока не было отменено никакими нормативными актами и сохраняет свою актуальность и сегодня. Это был первый документ в России, который непосредственно затрагивал вопрос внутрифирменной системы ЭК. Вторым таким документом стал Закон «Об экспортном контроле» 1999 г. В статье 16 этого закона введено такое понятие, как внутрифирменная программа экспортного контроля (ВПЭК) на предприятии. Согласно содержащемуся в этой статье определению, ВПЭК представляет собой мероприятия организационного, административного, информационного и иного характера, осуществляемые организациями в целях соблюдения правил ЭК²⁶. На официальном сайте ФСТЭК²⁷ содержится подробное объяснение того, что представляют собой эти мероприятия²⁸.

Смысл создания ВПЭК заключается в том, что это отвечает интересам и государства, и предприятий. Для последних наличие ВПЭК означало получение сразу двух преимуществ.

Во-первых, это право самостоятельно идентифицировать товары на предмет того, подлежат они ЭК или нет. Иными словами, если предприятия сами решат, что их продукция не имеет отношения к контрольным спискам товаров, которые должны подлежать обязательному ЭК, они могут экспортировать эту продукцию как обычные товары по упрощенной схеме, без многочисленных проверок со стороны госорганов. Для предприятий это, конечно, выгодно, поскольку помогает им избежать бюрократических задержек с поставками продукции за рубеж, чреватых убытками.

Во-вторых, это возможность получить генеральную лицензию, которая дает предприятиям право экспортировать за рубеж ту продукцию, которая входит в контрольные списки.

Государству существование ВПЭК на предприятиях выгодно потому, что это позволяет снять с госорганов значительную часть нагрузки по идентификации экспортируемых товаров на предмет того, относятся они к контрольным спискам или нет. Эта часть нагрузки благодаря существованию ВПЭК перекладывается на сами фирмы. Именно они, а не государство несут расходы, связанные с идентификацией. В конечном итоге отдельно взятой фирме можно проще и быстрее идентифицировать свои экспортируемые товары, чем государству провести идентификацию товаров сотен или тысяч таких фирм. Так что благодаря ВПЭК и государство

экономит, и предприятия сокращают до минимума не выгодные им задержки с экспортом продукции.

Поэтому Закон «Об экспортном контроле» рекомендовал создавать ВПЭК всем российским предприятиям. Правда, для большинства предприятий создание ВПЭК является делом добровольным. Но тем не менее в законе четко прописаны те предприятия, для которых создание ВПЭК обязательна. К таким предприятиям и организациям относятся только те, которые осуществляют научную и (или) производственную деятельность по обеспечению федеральных государственных нужд в области поддержания обороноспособности и безопасности Российской Федерации и систематически получающих доходы от внешнеэкономических операций с контролируруемыми товарами и технологиями²⁹.

Итак, ВПЭК отвечает интересам и государства, и предприятий, поэтому в России существует обязательный порядок создания ВПЭК для предприятий, продукция которых подлежит ЭК. Для остальных предприятий, которым не нужна генеральная лицензия для экспорта товаров из контрольных списков, стимул создания ВПЭК заключается в том, что они получают право самостоятельно, без лишних бюрократических проволочек, идентифицировать, что экспортируемые товары не подлежат ЭК.

Но в то же время ВПЭК, принося очевидную пользу для экономики, создает риски для режима нераспространения — пусть и сугубо гипотетические. Ведь государство фактически доверяет значительную часть ЭК коммерческим организациям, которые по своей природе являются естественными противниками ЭК и любых ограничений на экспорт, поскольку эти ограничения уменьшают их прибыль.

В России эта проблема доверия решена благодаря отлаженной процедуре, через которую должны пройти все предприятия, прежде чем получить преимущества, предоставляемые ВПЭК.

Прежде всего следует отметить, что самого по себе создания ВПЭК в России недостаточно, для того чтобы получить два вышеуказанные преимущества (получать генеральные лицензии и предоставлять в таможенные органы собственные акты идентификационной оценки на свою экспортируемую продукцию). Для этого предприятиям, создавшим ВПЭК, необходимо еще, чтобы органы государственной власти признали их внутрифирменную программу способной эффективно работать.

Это признание осуществляется в форме предоставления предприятию государственной аккредитации со стороны уполномоченного на это органа — ФСТЭК³⁰.

Следует особо отметить, что при аккредитации оценивается не соответствие ВПЭК требованиям действующего законодательства, а готовность организации обеспечить выполнение требований законодательства Российской Федерации в области ЭК. Тем более что обязательных требований к ВПЭК действующее законодательство не содержит. Государственная аккредитация предоставляется организациям, имеющим опыт практической работы по реализации ВПЭК не менее 2 лет.

В целом можно говорить о том, что государственная аккредитация является показателем доверия к ВПЭК организации со стороны государственной системы ЭК.

Организации, в отношении которой принято решение о государственной аккредитации, выдается соответствующее свидетельство, которое, как правило, действует в течение трех лет, после чего может быть продлено в порядке, установленном для его получения. Организация, которой выдано свидетельство о государственной аккредитации, ежегодно, не позднее 1 марта, представляет в ФСТЭК России краткий отчет о выполнении ВПЭК³¹.

В России нет нормативно закрепленных требований к форме организации внутрифирменной системы ЭК на предприятиях. Упомянутое выше методическое руко-

водство имеет рекомендательный характер. А в законе «Об экспортном контроле» содержится обязательное для выполнения требование к некоторым предприятиям создавать ВПЭК, но при этом не прописано, какой должна быть ВПЭК. Поэтому предприятия до сих пор руководствуются рекомендательными пунктами из Методического положения от 1998 г.

Нет причин воспринимать такую ситуацию отрицательно. Напротив, у конкретных предприятий сохраняется возможность не строго следовать каким-то подробно описанным требованиям, которые со временем устаревают, а разрабатывать собственные механизмы функционирования ВПЭК, которые учитывают специфику организации. Кроме того, отсутствие законодательно закрепленных требований к ВПЭК имеет еще и тот позитивный момент, что помогает избежать чрезмерной бюрократизации системы ЭК. В России и так уже разработана детализированная система законодательства об ЭК, и усложнять ее новыми нормами по поводу внутрифирменного контроля нет смысла, это только уменьшит эффективность ЭК. А должно быть наоборот: создание внутрифирменного контроля призвано снять с государства часть нагрузки по обеспечению ЭК и перенести ее на сами фирмы, которые должны самостоятельно работать в этом направлении. И позитивный потенциал этой самостоятельной работы должен быть направлен не на то, чтобы приспосабливаться к новым запутанным нормам законодательства, а на то, чтобы выполнять уже существующие нормы. Именно в этом и заключается смысл создания ВПЭК.

Безусловно, самостоятельность фирм в создании своих ВПЭК не снимает с государства обязанность следить за эффективностью действия таких программ, поэтому в России разработана вышеописанная отлаженная процедура получения государственной аккредитации, которая заставляет предприятия постоянно доказывать государству свою надежность в отношении выполнения законодательства об ЭК.

Компания ОАО *Техснабэкспорт* является крупнейшим в мире экспортером продукции и услуг российского ядерного топливного цикла (ЯТЦ)³². ОАО *Техснабэкспорт* является первой российской компанией, учредившей ВПЭК. Основная цель ВПЭК *Техснабэкспорта* включает предотвращение передачи иностранцам научной и технической информации, которая может нанести вред национальным интересам России, путем создания механизма инспекций для оценки законности внешнеторговых операций со следующими товарами:

- ядерные материалы, оборудование, специальные неядерные материалы и соответствующие технологии;
- оборудование, материалы двойного назначения и соответствующие технологии, используемые для ядерных целей³³.

Сертификат об аккредитации № 002, выданный ФСТЭК, подтверждает эффективность программы ВПЭК на ОАО *Техснабэкспорт*. Этот сертификат позволяет *Техснабэкспорту* приобретать генеральные лицензии на поставку товаров, оборудования и технологий из контрольных списков. В сентябре 2011 г. срок действия государственной аккредитации ОАО *Техснабэкспорт* пролонгирован ФСТЭК Российской Федерации до 2016 г. На этом основании в соответствии с распоряжением Правительства России от 28.01.2012 № 88-Р ОАО *Техснабэкспорт* получено две генеральные лицензии на экспорт урановой продукции в Великобританию, Францию, Германию, Китай, Республику Корея и США, что существенно сокращает сроки оформления поставок в рамках имеющихся контрактных обязательств.

В ОАО *Техснабэкспорт* создана Группа ЭК, предметом деятельности которой является рассмотрение всех заключаемых компанией проектов контрактов с точки зрения принадлежности предполагаемой к экспорту/импорту продукции к контролируемой в соответствии с российским законодательством³⁴.

Сибирский химический комбинат (СХК) — еще одно российское предприятие, которое потенциально может стать источником утечек чувствительных ядерных технологий. Это единственный действующий объект в мире, который имеет воз-

возможность обрабатывать уран в любом виде или химической форме. Он также является одним из крупнейших мировых поставщиков урана, используемых в производстве ядерного топлива. Кроме того, СХК является частью российской промышленности по производству ядерного оружия. Согласно документам СХК, компания реализовала ряд мер ЭК, которые направлены среди прочего на снижение риска распространения ядерных технологий. Эти меры в первую очередь включают повышение культуры ядерной безопасности и ответственности среди персонала, который обладает конфиденциальной информацией³⁵.

Другие компании российской ядерной промышленности, которые потенциально могут быть источниками распространения ядерных технологий, включают Уральский электрохимический комбинат (УЭХК), Ангарский электролизный химический комбинат (АЭХК), Российский федеральный ядерный центр — Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (РФЯЦ–ВНИИЭФ) и несколько других. Политика экспортного контроля этих компаний базируется на основных принципах, определенных *Росатомом* в *Комплексной программе противодействия хищениям и коррупции в атомной отрасли (2012–2013)*³⁶. Положения, прописанные в этом документе, предусматривают антикоррупционные меры по предотвращению распространения ядерных технологий, в частности:

- ❑ усовершенствование процедур закупки на предприятиях атомной промышленности;
- ❑ создание интегрированной системы раскрытия и противодействия коррупции и кражам на предприятиях атомной промышленности;
- ❑ обучение персонала атомных предприятий нормам этики бизнеса и противодействия коррупции и кражам; внедрение этих норм³⁷.

По поводу риска утечек ядерных материалов и технологий из Международного центра по обогащению урана (МЦОУ) главный специалист по гарантиям МАГАТЭ в МЦОУ А.Д. Панасюк отметил, что до недавних пор предприятие не производило экспортных поставок ядерного материала. Первая поставка ядерного материала, которую осуществил МЦОУ, была сделана на российское предприятие, которое экспортировало данный ядерный материал. На данный момент МЦОУ только начинает экспортную деятельность, получив заказы от своих акционеров. В связи с этим в штат ОАО МЦОУ в 2013 г. введена новая штатная единица, в круг обязанностей которой среди прочего вменена разработка и внедрение в практику ВПЭК на предприятии. Этим и занимается новый сотрудник МЦОУ. Поэтому пока еще рано оценивать эффективность этой программы. Такую оценку представители МЦОУ смогут сделать в обозримом будущем³⁸.

Что касается случаев утечек ядерных материалов или оборудования со складских площадок ОАО МЦОУ, по оценкам его руководства, таких утечек не было и быть не могло, так как физически складские площадки компании расположены внутри периметра АЭХК, имеющего многолетний опыт работы с ядерными материалами, высокоразвитую инфраструктуру и современную систему физической защиты и сохранности ядерных материалов. Кроме того, все ядерные материалы, хранящиеся на складских площадках ОАО МЦОУ, стоят под гарантиями МАГАТЭ. МАГАТЭ осуществляет регулярные инспекции по проверке ядерных материалов ОАО МЦОУ. Любая утечка даже небольшого количества ядерного материала была бы немедленно зарегистрирована МАГАТЭ. Весь мир уже знал бы об этом³⁹.

Что касается утечки чувствительной с точки зрения ядерного нераспространения технологии, то такая утечка, по мнению А.Д. Панасюка, также невозможна. Во-первых, запрет на передачу секретных технологий не только третьим лицам, но и зарубежным акционерам МЦОУ предусмотрен соответствующими статьями Межправительственного соглашения о создании ОАО МЦОУ, Уставом компании и другими документами. Во-вторых, Российская Федерация, как акционер и учредитель компании имеет 50% + 1 акцию (является держателем контрольного пакета акций), что в свою очередь делает невозможной утечку какой-либо секретной информации⁴⁰.

По поводу риска утечек ядерных и других радиоактивных материалов, а также соответствующих технологий из предприятия Госкорпорации *Росатом* ОАО *ВО Изотоп* рассказал И.М. Макаревич, и. о. директора Департамента ядерно-радиационной безопасности *Изотопа*⁴¹. Его комментарии убедительно доказывают, что на *Изотопе* нет риска утечек ядерных материалов или чувствительных ядерных технологий. Однако на предприятии все еще сохраняется риск утечек неядерных радиоактивных материалов, которые обладают высокой токсичностью и поэтому потенциально могут быть использованы террористами для совершения теракта. Источниками таких неядерных радиоактивных материалов могут служить радиоизотопные термоэлектрические генераторы (РИТЭГ), которые содержат радиоактивные материалы, а также хранятся и утилизируются на предприятии *Изотоп*. На протяжении некоторого времени российских государственных средств на обеспечение надежной охраны и оперативной утилизации РИТЭГов не хватало, поэтому эти меры частично выполнялись за счет иностранной финансовой помощи в рамках таких программ содействия, как *Программа Нанна–Лугара и Глобальное партнерство восьмерки против распространения оружия и материалов массового уничтожения*. Это содействовало устранению рисков получения доступа террористов к РИТЭГам.

ОТНОШЕНИЕ РОССИИ К МИРОВОМУ ЧЕРНОМУ РЫНКУ ЯДЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫМ УСИЛИЯМ ПО БОРЬБЕ С НИМ

Говоря о современном отношении России по отношению к черному рынку ядерных технологий, следует исходить из того, что сама по себе эта проблема уже не имеет такого актуального для России значения, как например в 1990-х гг. Ввиду сравнительно небольшого риска утечек ядерных технологий и фактически нулевого риска незаконного оборота ядерных материалов на российской территории, Россию сейчас больше беспокоят более *приземленные* угрозы: прежде всего наркотрафик, а также незаконная торговля обычными вооружениями и финансовые преступления, особенно отмывание денег и коррупция.

Видение Россией того, как может решаться вопрос по отношению к странам, которые принципиально не желают присоединиться и соблюдать международные режимы ЭК, отличается от западного. Россия выступает против силовых санкций, которые, по ее мнению, может эффективно заменить применение к ненадежным с точки зрения ЭК странам такого международного механизма, как Дополнительный протокол к соглашению о гарантиях с МАГАТЭ. Присоединение к Дополнительному протоколу, по мнению России, должно стать одним из факторов, принимаемых во внимание при решении вопросов о возможности ядерного экспорта⁴².

Для противодействия НОЯМ и черному рынку ядерных технологий Россия активно развивает сотрудничество с МАГАТЭ, в частности Россия ежегодно осуществляет финансовые платежи в регулярный бюджет агентства, а также в добровольные фонды МАГАТЭ по техническому сотрудничеству и физической ядерной безопасности; финансирует национальную программу научно-технической поддержки гарантий агентства. России принадлежат инициативы, осуществляемые под эгидой и при участии МАГАТЭ, связанные, в частности, с развитием инновационных ядерных технологий, а также по развитию глобальной инфраструктуры атомной энергетики, позволяющей обеспечить равный доступ всех заинтересованных сторон к атомной энергии при надежном соблюдении требований режима ядерного нераспространения⁴³. Российские инициативы по развитию инновационных ядерных технологий предусматривают и противодействие тому, чтобы эти технологии использовались в военных целях и становились объектом спроса на черном ядерном рынке: так, Россия оказывает поддержку Международному проекту МАГАТЭ по инновационным ядерным реакторам и топливным циклам (проект ИНПРО). К настоящему времени в его рамках разработана методика оценки ядерных технологий по ряду параметров, причем важнейшим из них является их безопасность с точки зрения распространения. С помощью этой методики проводится иссле-

дование существующих и перспективных ядерных технологий⁴⁴. Важность продолжения и наращивания сотрудничества в данной области была подтверждена во время визита генерального директора МАГАТЭ Юкии Амано в Россию в мае 2013 г. Так, во время встречи Амано с руководителем администрации Президента России С. Б. Ивановым обсуждались вопросы взаимодействия России с агентством, в частности реализация ряда проектов в рамках программы технического сотрудничества МАГАТЭ и неэнергетическое применение ядерных технологий⁴⁵. Также во время встреч Амано с российскими официальными лицами и представителями экспертного сообщества акцентировалось внимание на необходимости сотрудничества по противодействию утечкам ядерных технологий, в первую очередь в рамках проекта ИНПРО⁴⁶.

Важное значение для предотвращения попадания ядерных материалов в руки террористов имеет деятельность России при участии МАГАТЭ по возвращению из третьих стран СЯТ из ВОУ исследовательских реакторов российской конструкции. Такое топливо уже вывезено в Россию из Сербии и Черногории, Румынии, Болгарии, Ливии, Чехии и Латвии. Из Узбекистана наряду с СЯТ вывозится также ОЯТ указанных реакторов⁴⁷. Кроме того, в последние годы Россия вывозила ОЯТ из Ливии и Чехии. Вывоз Россией ОЯТ продолжался и в 2014 г., причем с участием США, с которыми сотрудничество по этому направлению не прекращено, несмотря на украинский кризис⁴⁸. Таким образом, с момента принятия БК в 2006 г., когда была подчеркнута важность инициативы вывоза ядерного топлива с территории третьих стран, реализация этой инициативы значительно продвинулась вперед.

На последнем саммите по ядерной безопасности Россия поставила свою подпись под заключительным коммюнике. В этом документе, среди прочего, говорится и о необходимости противодействовать утечке чувствительных ядерных технологий. В коммюнике отмечается, что «ответственность государств... всегда обеспечивать эффективную физическую безопасность всех ядерных и других радиоактивных материалов, включая ядерные материалы, используемые в ядерном оружии и ядерных установках под их контролем... включает принятие всех необходимых мер по предотвращению доступа негосударственных акторов к подобным материалам, а также к *относящимся к этой сфере конфиденциальной информации или технологиям* (Курсив мой. — **А. Ч.**), которые могут быть использованы в злонамеренных целях»⁴⁹.

В то же время СЯБ–2014 продемонстрировал, что в определенных моментах российские подходы к обеспечению физической ядерной безопасности (ФЯБ) и противодействию НОЯМ отличаются от западных. Так, на саммите в Гааге Россия, Китай и еще 16 стран, подписавшись под заключительным коммюнике, решили в то же время не поддерживать отдельную инициативу США, Нидерландов и Южной Кореи, которые предлагали отразить рекомендации МАГАТЭ по физической безопасности в национальном законодательстве стран — участниц саммита⁵⁰.

Впрочем, интерес России к механизму СЯБ никогда не был высок. Сегодня, когда начата работа над подготовкой к, возможно, *прощальному* СЯБ в Вашингтоне в 2016 г., этот интерес еще больше снизился, и Россия официально заявила о том, что не будет в нем участвовать.

В контексте международных усилий по противодействию черному рынку ядерных технологий важно отметить шаги России по решению этой проблемы в СНГ и странах Единого экономического пространства. В 2003 г. Президентом Российской Федерации утверждена и в настоящее время реализуется Программа долгосрочного сотрудничества России со странами СНГ в области нераспространения ОМУ. Она предусматривает комплекс мер по оказанию консультационной и методической помощи странам СНГ в области совершенствования национальных законодательств по нераспространению ОМУ и экспортному контролю. Программа делает акцент на развитии сотрудничества в целях выявления и пресечения случаев незаконного оборота товаров и технологий двойного назначения.

Большая работа проводится Россией совместно с рядом стран СНГ по унификации национальных законодательств в области экспортного регулирования. Прежде всего такая деятельность осуществляется в рамках ЕврАзЭС и Единого экономического пространства. Для этого Россией разработан типовой нормативный документ по ЭК. Важно не унифицировать законодательство в области ЭК (приспосабливая его к российским, казахским или любым другим нормам), а координировать совместные действия по реализации этого законодательства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вероятность НОЯМ в (из) России я сегодня оцениваю как низкую. Однако определенный риск утечек ядерных технологий и оборудования, которые потенциально могут быть использованы для применения ядерного оружия, все еще сохраняется. Такой риск на данный момент остается чисто гипотетическим. Этот вывод подтверждается тем, что в России за последние 20 лет не случилось массовых ядерных утечек, в основном имели место инциденты, связанные с нелегальной торговлей обычными вооружениями и ракетным оборудованием. Хотя случаи ядерных утечек тоже были, и не все они известны, но, насколько можно судить, все или почти все эти многочисленные инциденты были раскрыты, и в итоге никакой катастрофы не случилось. Определенную озабоченность вызывала угроза того, что российские ученые-оружейники после развала СССР могли уехать в подозрительные с точки зрения нераспространения страны. Однако и эта угроза не стала реальностью. Значимую роль в предотвращении риска утечки мозгов из России сыграл МНТЦ.

Россия активно борется с коррупцией — негативным явлением, которое может привести к появлению нелегальных сетей поставок как обычных вооружений, так и ядерных технологий. Меры по борьбе с коррупцией Россия осуществляет не только у себя дома, но и на международной арене, используя свое значительное влияние в ФАТФ и связанных с ней региональных организациях.

Россия проводит и конкретные практические меры по противодействию черному ядерному рынку через такие инициативы, как МЦОУ и вывоз ядерного топлива из третьих стран.

Таким образом, несмотря на существование определенных рисков и проблем, случаи незаконного оборота чувствительных технологий в России сведены к минимуму, они носят эпизодический и неорганизованный характер. Сегодня Россия успешно действует для полной нейтрализации тех рисков появления черных ядерных рынков, которые еще сохранились. 🐼

Примечания

¹ Данная статья подготовлена на основе исследования, которое автор проводил вместе с Владимиром Орловым и которое легло в основу совместного доклада, представленного на заседании совместной группы Гарвардского университета и Монтерейского института международных исследований. Этот доклад стал основой для главы, которую автор написал совместно с Владимиром Орловым и которая передана Гарвардскому университету для опубликования в монографии в 2015 г. Автор благодарит Владимира Орлова за ценные замечания по подготовке и редактированию данной статьи и имеет от него согласие на ее публикацию в качестве самостоятельной работы.

² Например, в августе 1994 г. в мюнхенском аэропорту на самолете, прибывшем из Москвы, германские спецслужбы нашли оружейный плутоний, который якобы имел российское происхождение. Однако передать его в Россию для соответствующей экспертизы Германия отказалась. Есть основания полагать, что этот инцидент был инспирирован немецкими спецслужбами, чтобы доказать неэффективность российской системы первой и второй линии защиты для осуществления давления на Россию. Подобную окраску имел и другой инцидент в декабре 1994 г. в Праге, где был обнаружен высокообогащенный уран тоже якобы российского происхождения, что, однако, не было доказано. См.: Орлов Влади-

мир. Ядерные «утки»: Qui Prodest? *Ядерный контроль*. 1995. № 1. (Январь). С. 8; Михайлов Виктор. Учет и контроль ядерных материалов: взгляды главы Минатом. *Ядерный контроль*. 1995. № 2. (Февраль). С. 9.

³ Кулик Михаил. Андреева губа: раскрыто еще одно ядерное хищение (версия следствия). *Ядерный контроль*. 1995. № 11. (Ноябрь). С. 2.

⁴ Кулик Михаил. Некоторые проблемы хранения ядерных материалов на Северном флоте. *Ядерный контроль*. 1995. № 2. (Февраль). Р. 12.

⁵ Lawrence Scott Sheets and Broad William J. Smuggler's Plot Highlights Fear Over Uranium. *The New York Times*. January 25, 2007, <http://www.nytimes.com/2007/01/25/world/europe/25nuke.html?hp&ex=1169787600&en=49a6cc01cb6ff9d8&ei=5094&partner=homepage&r=0> (последнее посещение — 16 февраля 2015 г.)

⁶ На Украине россиянин приговорен к 5 годам условно за контрабанду прибора с ядерными материалами. *Newsru.com*. 22 мая 2013 г., <http://www.newsru.com/crime/22may2013/rusatomcntrbndukr.html> (последнее посещение — 16 февраля 2015 г.)

⁷ Яблоков Алексей. Некоторые вопросы по поводу атомной сделки с Ираном. *Ядерный контроль*. 1995. № 5 (Май). С. 20, <http://pircenter.org/media/content/files/9/13464096210.pdf> (последнее посещение — 16 февраля 2015 г.).

⁸ Например, профессор Яблоков в статье, написанной в журнале *Ядерный Контроль*, выражал озабоченность по поводу того, что подготовка иранских специалистов в России может привести к получению ними знаний о ядерном оружии. См.: Яблоков Алексей. Некоторые вопросы по поводу атомной сделки с Ираном. *Ядерный контроль*. 1995. № 5 (Май). С. 20, <http://pircenter.org/media/content/files/9/13464096210.pdf> (последнее посещение — 16 февраля 2015 г.)

⁹ Как резонно отмечал в своей статье — ответе на работу Яблокова бывший заместитель генерального директора МАГАТЭ Дэвид Фишер, в Иране в 1990-х гг. и так имелось большое количество высококлассных специалистов по ядерной физике, которые появились в период развития шахской ядерной программы. Правда, большинство из них покинули Иран после Исламской революции 1979 г. Однако в 1990-е гг. иранские власти делали все возможное, чтобы убедить их вернуться на родину. В любом случае, как справедливо указал Дэвид Фишер, невозможно запретить обучение ядерной физике. Это так же бессмысленно, как запретить обучаться высшей математике. А то обучение, которое иранские специалисты проходили и проходят в Москве, по мнению Фишера и многих других специалистов, было направлено на то, чтобы позволить им повысить знания в области ядерной безопасности, но отнюдь не в области сооружения ядерных бомб. См.: Фишер Дэвид. Почему я поддерживаю российско-иранский контракт. Ответ профессору Яблокову. *Ядерный Контроль*. 1995. № 6 (июнь). С. 21, <http://pircenter.org/media/content/files/9/13464103580.pdf> (последнее посещение — 16 февраля 2015 г.)

¹⁰ Швайцер Гленн. Презентация на неформальном семинаре ПИР-Центра. Москва, 21 марта 2013. См.: ПИР-Центр посетил первый директор МНТЦ Гленн Швайцер. *ПИР-Пресс*, 26 марта 2013, <http://pircenter.org/news/6423-istcs-first-director-dr-glenn-schweitzer-visits-the-pir-center> (последнее посещение — 16 февраля 2015 г.).

¹¹ Воробьев Сергей, первый заместитель исполнительного директора, Международный научно-технический центр (МНТЦ). Интервью с автором. Москва, 30 марта 2012.

¹² Российская Федерация и ситуация в области нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки: угрозы, оценки, задачи и пути их реализации, [www.mid.ru/bdomp/bul_newsitem.nsf/.../\\$FILE/Белая%20книга.doc](http://www.mid.ru/bdomp/bul_newsitem.nsf/.../$FILE/Белая%20книга.doc) (последнее посещение — 16 февраля 2015 г.).

¹³ Российскими органами безопасности выявлена и пресечена деятельность более 30 иностранных граждан и фирм по незаконному приобретению с целью последующего вывоза с территории Российской Федерации товаров и технологий, которые могут быть использованы при создании ОМУ и средств его доставки.

В частности:

— закрыт въезд на территорию Российской Федерации гражданину США Нейдеру Моданло, президенту компании «Файнел Энелисис Инк.», пытавшемуся в обход российского законодательства в сфере экспортного контроля получить техническую документацию по ракетной и космической тематикам для дальнейшей передачи в Иран;

- закрыт въезд на территорию Российской Федерации гражданину Пакистана Мухаммеду Асламу, который использовал должность сотрудника представительства фирмы «Табани Корпорейшн» в Москве для прикрытия деятельности по получению доступа и приобретению российского вооружения, стратегических материалов и продукции двойного назначения в интересах пакистанской ракетной и ядерной программ;
- пресечена попытка иранской Промышленной группы «Санам» разместить на НПО «Труд» заказ по изготовлению узлов к ракетному двигателю под видом газоперекачивающего оборудования. Деятельность группы «Санам» в Российской Федерации приостановлена. См.: Российская Федерация и ситуация в области нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки: угрозы, оценки, задачи и пути их реализации, [www.mid.ru/bdomp/bul_newsitem.nsf/.../\\$FILE/Белая%20книга.doc](http://www.mid.ru/bdomp/bul_newsitem.nsf/.../$FILE/Белая%20книга.doc) (последнее посещение — 16 февраля 2015 г.).

¹⁴ Sokov Nikolai. CNS Analysis of the Russian Government's White Paper on WMD Nonproliferation, CNS, July 25, 2006, <http://cns.miis.edu/stories/060726.htm> (последнее посещение — 16 февраля 2015 г.).

¹⁵ Corera Gordon. Shopping for Bombs. Nuclear Proliferation, Global Insecurity, and Rise and Fall of the A. Q. Khan Network. Oxford University Press, 2006. 288 p. — P. 79.

¹⁶ Орлов Владимир. Сети Хана: широко закрытые глаза. *Индекс Безопасности*. 2008. № 1 (84). С. 142.

¹⁷ Орлов Владимир, Чебан Александр. ОМУ-терроризм на Северном Кавказе: вновь на повестке дня? Доклад ПИР-Центра. *Сайт ПИР-Центра*. 26 апреля 2013, <http://pircenter.org/news/6423-istcs-first-director-dr-glenn-schweitzer-visits-the-pir-center> (последнее посещение — 16 февраля 2015 г.).

¹⁸ Орлов Владимир. ОМУ-терроризм: 15 вопросов и ответов. *Сайт ПИР-Центра*. 22 апреля 2013. С. 68, <http://pircenter.org/news/6423-istcs-first-director-dr-glenn-schweitzer-visits-the-pir-center> (последнее посещение — 16 февраля 2015 г.).

¹⁹ Малькевич Владислав. Экспортный контроль: от противостояния к сотрудничеству. М.: Общество хранения литературного наследия, 2012. 315 с.

²⁰ По состоянию на 30 июня 2014 г.

²¹ Этот факт был подтвержден Госдепом США, причем в апреле 2014 г., когда отношения России и США были далеко не безоблачными. Именно в это время Госдеп выпустил обзор по состоянию дел в области борьбы с терроризмом в различных странах мира за 2013 г. В разделе по России отмечается, что «было заметно некоторое улучшение» американо-российского сотрудничества в борьбе с терроризмом. В частности увеличилось количество и улучшилось качество обменов информацией между ФСБ и ФБР. Кроме того, Рабочая группа по борьбе с терроризмом, действовавшая в рамках двухсторонней президентской комиссии, добилась прогресса по вопросам, относящимся к безопасности на транспорте, а также по некоторым правоохранительным вопросам. См.: Country Report on Terrorism 2013. Executive Summary. *United States Department of States*. April 2014, <http://www.state.gov/documents/organization/225050.pdf> (последнее посещение — 18 февраля 2015 г.); Российско-американская инициатива по предотвращению ядерного терроризма. *Информационный бюллетень за март-май 2014 г.* С. 5, <http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/IPNT%20Newsletter%20March-May%202014%20No%2024%20RUS.pdf> (последнее посещение — 18 февраля 2015 г.).

²² Российско-американская инициатива по предотвращению ядерного терроризма. *Информационный бюллетень за март-май 2014 г.* С. 3, <http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/IPNT%20Newsletter%20March-May%202014%20No%2024%20RUS.pdf> (последнее посещение — 18 февраля 2015 г.).

²³ Малькевич В. Указ. соч.

²⁴ Об утверждении Списка ядерных материалов, оборудования, специальных неядерных материалов и соответствующих технологий, подпадающих под экспортный контроль. Указ Президента РФ от 14.02.1996 № 202. Текст правового акта по состоянию на май 2013 г., <http://law7.ru/zakonodatelstvo/act3s/u175.htm> (последнее посещение — 16 февраля 2015 г.).

²⁵ Там же.

²⁶ Федеральный закон от 18.07.1999 № 183-ФЗ «Об экспортном контроле» (в редакции Федеральных законов от 30.12.2001 № 196-ФЗ, от 29.06.2004 № 58-ФЗ, от 18.07.2005

№ 90-ФЗ, от 29.11.2007 № 283-ФЗ, от 01.12.2007 № 318-ФЗ, от 07.05.2009 № 89-ФЗ, от 01.07.2011 № 169-ФЗ, от 18.07.2011 № 242-ФЗ, от 6.12.2011 № 409-ФЗ), <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=122943> (последнее посещение — 16 февраля 2015 г.).

²⁷ Внутрифирменная программа экспортного контроля. Создание внутрифирменной программы экспортного контроля на предприятии. Официальный сайт Федеральной службы по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК). 9 января 2013, <http://fstec.ru/vnutrifirmennye-programmy-ek/92-deyatelnost/tekushchaya/eksportnyj-kontrol/vnutrifirmennye-programmy/293-vnutrifirmennaya-programma> (последнее посещение — 16 февраля 2015 г.).

²⁸ Эти мероприятия включают:

Во-первых, организационные мероприятия: установленное на уровне организации регламентирование действий сотрудников при проведении переговоров, заключении и реализации внешнеэкономических сделок, обеспечивающее соблюдение законодательства в области экспортного контроля (приказ, стандарт предприятия, инструкция и т. п.).

Во-вторых, административные: установление в соответствии с трудовым, административным, гражданским, уголовным законодательством Российской Федерации наказаний за нарушение порядка деятельности организации при осуществлении внешнеэкономических операций.

В-третьих, информационные: определение правил, обеспечивающих информационный обмен с государственными органами по вопросам экспортного контроля, а также установление обязанностей сотрудников по поддержанию актуальности имеющейся в организации информации о действующих правилах и требованиях экспортного контроля, обучение и повышение квалификации персонала, ответственного за вопросы экспортного контроля. См. Внутрифирменная программа экспортного контроля. Создание внутрифирменной программы экспортного контроля на предприятии. Официальный сайт Федеральной службы по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК). 9 января 2013, <http://fstec.ru/vnutrifirmennye-programmy-ek/92-deyatelnost/tekushchaya/eksportnyj-kontrol/vnutrifirmennye-programmy/293-vnutrifirmennaya-programma> (последнее посещение — 16 февраля 2015 г.).

²⁹ Федеральный закон от 18.07.1999 № 183-ФЗ...

³⁰ Положение, определяющее порядок государственной аккредитации организаций, создавших внутрифирменные программы экспортного контроля, утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 29.02.2000 № 176 (последние изменения 21.07.2008).

³¹ Этот отчет должен содержать следующие сведения:

- а) объем и структура экспорта;
- б) организационные и кадровые изменения в сфере управления ВЭД;
- в) информация о должностном лице, отвечающем за вопросы экспортного контроля;
- г) проведенные мероприятия по обучению и повышению квалификации сотрудников по вопросам экспортного контроля. См. Внутрифирменная программа экспортного контроля. Создание внутрифирменной программы экспортного контроля на предприятии. Официальный сайт Федеральной службы по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК). 9 января 2013, <http://fstec.ru/vnutrifirmennye-programmy-ek/92-deyatelnost/tekushchaya/eksportnyj-kontrol/vnutrifirmennye-programmy/293-vnutrifirmennaya-programma> (последнее посещение — 16 февраля 2015 г.).

³² Официальный сайт ОАО «Техснабэкспорт», <http://www.tenex.ru/wps/wcm/connect/tenex/site/company/> (последнее посещение — 16 февраля 2015 г.).

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Официальный сайт Сибирского химического комбината. «Политика руководства Сибирского химического комбината в области экспортного контроля», <http://atomsib.ru/ru> (последнее посещение — 16 февраля 2015 г.).

³⁶ Комплексная программа противодействия хищениям и коррупции в атомной отрасли (2012–2013). Официальный сайт Росатома, <http://www.rosatom.ru/resources/2d8764004e64706d92639a8cb8b4ed30/anticorruption.pdf> (последнее посещение — 16 февраля 2015 г.).

³⁷ Там же.

³⁸ Панасюк Александр, главный специалист по гарантиям МАГАТЭ, Международный центр по обогащению урана. Письмо по электронной почте автору. 14 мая 2013.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Игорь Макаревич, Исполняющий обязанности директора Департамента ядерно-радиационной безопасности ОАО «Изотоп». Письмо по электронной почте автору. 16 мая 2013.

⁴² Российская Федерация и ситуация в области нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки...

⁴³ Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ). Официальный сайт Министерства иностранных дел (МИД) России. March 11, 2011, <http://www.mid.ru/bdomp/ns-dmo.nsf/f1010b0687f6c452432569f400359178/432569f10031eb93c325780900534cfd!OpenDocument> (последнее посещение — 16 февраля 2015 г.).

⁴⁴ Российская Федерация и ситуация в области нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки...

⁴⁵ Сергей Иванов обсудил с гендиректором МАГАТЭ реализацию программы технического сотрудничества. Постоянное представительство Российской Федерации при международных организациях в Вене. Официальный сайт. 17 мая 2013, <http://rusmission.org/5/1/2554> (последнее посещение — 16 февраля 2015 г.).

⁴⁶ Глава МАГАТЭ посетил МГИМО (У). Постоянное представительство Российской Федерации при международных организациях в Вене. Официальный сайт. 21 мая 2013, <http://rusmission.org/5/1/2559> (последнее посещение — 16 февраля 2015 г.).

⁴⁷ Российская Федерация и ситуация в области нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки...

⁴⁸ Российско-американская инициатива по предотвращению ядерного терроризма. *Информационный бюллетень за март-май 2014 г.* С. 3, <http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/IPNT%20Newsletter%20March-May%202014%20No%2024%20RUS.pdf> (последнее посещение — 18 февраля 2015 г.).

⁴⁹ Коммюнике Гаагского саммита по ядерной безопасности, <http://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&ved=0CCYQFjAB&url=http%3A%2F%2Fwww.government.nl%2Ffiles%2Fdocuments-and-publications%2Fdirectives%2F2014%2F03%2F25%2Fthe-hague-nuclear-security-summit-communicue-russian%2Fru%2Fthe-hague-nuclear-security-summit-communicue-final-russian.pdf&ei=mreYU8KSMceSyAT6o4GwBA&usg=AFQjCNGrf76U1zsoduLhjNS3a-njEx92Vg&bvm=bv.68693194,d.aWw&cad=rjt> (последнее посещение — 18 февраля 2015 г.).

⁵⁰ U.S. and Russia Agree on Nuclear Terrorism, <http://www.themoscowtimes.com/news/article/us-and-russia-agree-on-nuclear-terrorism/496898.html> (последнее посещение — 18 февраля 2015 г.).

ОБ ИРЛАНДСКИХ МОНАХАХ, ИЛИ РОЛЬ НЕЗАВИСИМЫХ ЭКСПЕРТНЫХ ЦЕНТРОВ И СМИ В РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ

4 октября 2014 г. в Москве в рамках расширенного заседания Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра и Международного клуба Триалог состоялся круглый стол «Роль независимых экспертных центров и СМИ в российской внешнеполитической дискуссии». Одна из тем обсуждения — влияние независимых экспертных центров и СМИ на внешнюю политику. Есть ли независимые экспертные центры, оказывают ли они влияние на внешнюю политику? Также на круглом столе были рассмотрены варианты развития независимой экспертизы внешней политики в России.

Кроме этого, участники дискуссии пытались ответить, какими способами и механизмами экспертное сообщество может формировать взгляды на внешнюю политику. Нужно ли это просвещение и кому оно действительно необходимо. Не работают ли экспертные центры сами на себя.

В круглом столе приняли участие представители независимых экспертных центров и СМИ, в частности председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, главный редактор журнала Россия в глобальной политике Федор Лукьянов, доцент Московского гуманитарного университета Юрий Надточей, директор ПИР-Центра Владимир Орлов, президент Института Ближнего Востока Евгений Сатановский, специальный корреспондент газеты Коммерсантъ Елена Черненко, обозреватель радиостанции Коммерсантъ FM Константин фон Эггерт.

НЕЗАВИСИМЫЕ ЭКСПЕРТНЫЕ ЦЕНТРЫ?

ЕЛЕНА ЧЕРНЕНКО: Тема, заявленная на круглый стол, мне кажется такой естественной, что на первый взгляд фактически и обсуждать нечего — действительно, независимые экспертные центры и СМИ должны играть огромную роль в формировании внешнеполитической дискуссии, внешней политики страны. Однако, к сожалению, сегодня в России роль независимых экспертных центров, а также СМИ как раз в этих сферах минимальна, а фактически не ощутима. Более того, ситуация ухудшается. Мне как журналисту ближе ситуация в СМИ. Работая в сфере международной журналистики, я чувствую, что качественных независимых площадок становится все меньше, скорее, идет некий процесс единообразия — все меньше альтернативных точек зрения, меньше качественной подачи информации, больше пропаганды. Ситуация ухудшается и некоторыми законодательными инициативами. Недавно был принят еще один закон, который ограничивает возможности независимых и качественных СМИ. Это закон ограничивает возможность граждан других государств владеть СМИ, он напрямую повлияет на такие, как мне кажется, качественные независимые издания, как *Ведомости* и *Forbes*, которые

много пишут о внешней политике, особенно в последнее время, в связи с украинским кризисом.

Между тем именно такие альтернативные площадки, подающие информацию в ином ключе, чем государственные СМИ, не просто позволяют читателю формировать свое мнение, но и делают медиасреду более конкурентной, заставляя всех нас работать лучше, они необходимы и для формирования внешней политики страны, поскольку это возможность для общества выражать свое мнение, пытаться влиять (в идеале) на политику, в том числе внешнюю, давать тот самый *feedback*, а также не позволять тем, кто формирует эту политику, оставаться в своем *иллюзорном мире*, сформированном властью, и терять связь с реальностью. Поэтому независимые СМИ, которые, в том числе, освещают внешнюю политику, очень нужны. Это, безусловно, относится и к независимым экспертам, и к экспертным центрам, и, к сожалению, здесь в последнее время, особенно в последний год-полгода, тоже появляются негативные ограничительные тенденции.

Я бы хотела выставить на обсуждение два тезиса. Первый — немного идеалистический, о том, что независимые экспертные центры и СМИ делают политику страны, в том числе внешнюю, более эффективной. И второй тезис заключается в том, что Россия движется абсолютно не в том направлении, игнорируя эти возможности, эти источники информации, более того, ущемляя их права, ограничивая их и без того невеликие возможности влиять на эту самую внешнюю политику и дискуссию.

ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ: Как они влияют? Конечно, проще всего было бы сказать «да никак» и закончить выступление. Но поскольку есть какие-то иллюзии, что это возможно — причем я говорю сейчас не о России, а о ситуации в целом, потому что неплохо представляю ее в Соединенных Штатах, в Израиле, в Европе, — поскольку такие иллюзии есть, значит продолжим разговор.

Тяжелая деградация взаимоотношений экспертного сообщества и политического истеблишмента — это факт. И в этом плане я ничуть не больше ставлю на президента Обаму, чем на президента Путина, с той только разницей, что в Министерстве иностранных дел Российской Федерации все-таки трудно подобрать столь *талантливого* — в кавычках, конечно — дипломата, который олицетворял бы нашу внешнюю политику, так как это делает Джейн Псаки, в этом плане, безусловно, американская политика *яркая*.

Для меня вопрос вот в чем: совершенно неважно, получаете вы деньги от международных грантов и попадаете в иностранные *агенты*, как у нас, или получаете деньги от саудовского или катарского правительства и являетесь ими де-факто, как значительная часть самых уважаемых американских или европейских центров, притом что вас никто не обижает... но ближневосточная политика, а я могу говорить только о ней, наших американских коллег де-факто сегодня олицетворяет поговорку о хвосте, который вертит собакой. То же касается Франции и Великобритании. Это даже два хвоста, которые периодически вытуются, сражаются друг с другом, поскольку, как известно, Доха не любит Эр-Рияд и Эр-Рияд не любит Доху. Давайте посмотрим на целый ряд событий, пожалуй, за полтора-два десятилетия, пытаюсь понять, зачем это США. Ведь незачем. Зачем это Катару или Саудовской Аравии, объяснить можно, та же ситуация с Ливией и Сирией.

К огромному сожалению, это вовсе не означает, что наша политика ведет себя намного разумнее по отношению к экспертному сообществу, особенно с учетом всей паранойи, что началась, поскольку мы сейчас в разгаре *холодной войны*. Для тех, кто не знает: у нас *холодная война номер два*, и дай бог, чтобы она осталась холодной. Останется, удержится, чтобы не перетечь в горячую? Я совершенно в этом не уверен, поскольку инстинкты у всех свои. Не могу игнорировать и тот факт, что бундесвер (который раньше был вермахт) приходит на Украину третий раз за 100 лет. И лично мое *нежное* отношение к Германии здесь заканчивается.

При этом сделать здесь ничего нельзя. Мы можем сколько угодно говорить, мы относимся к так называемым *болтающим классам*, как их называют англичане. То,

что мы что-то говорим, вовсе не означает, что политическое руководство будет принимать решение, основанное даже на самых разумных рекомендациях. Оно будет предпринимать решение исходя из того, что у него есть инстинкт власти, есть лоббистские группы с различными интересами, в том числе финансовыми, исходя из того, кто к кому опоздал на встречу или кто кого любит или не любит. К огромному сожалению, ничего не изменилось со времен достаточно давних.

И в этом плане я слабо верю в то, что мы — мой институт — можем каким-то образом повлиять на что бы то ни было, предпринимаемое с точки зрения властей. Во-первых, это деньги, которые теперь могут быть только собственные или моих партнеров и коллег, а это означает, что меня можно убить, но нельзя заставить сказать или написать то, чего я не хочу. Второе — мы можем выложить информацию. Что с ней сделают? Это не наше дело. Она доступна, она может быть у кого угодно: у премьер-министра этой страны, у руководства того или иного российского ведомства, у президента той страны, et cetera, et cetera, et cetera. Разумеется, у каждого есть свои симпатии или антипатии: я не очень верю в то, что все мои коллеги — люди исключительно объективные и нейтральные, просто потому что объективных и нейтральных людей вообще не существует, поэтому в какую-то страну я информацию давать не буду, а в какую-то буду давать больше.

Есть какой-то процент вероятности, что этой информацией может воспользоваться кто-нибудь из официальных лиц. Да, наши работы воруют, переписывают и пишут диссертации и книги. Я этим глубоко удовлетворен, потому что это единственный способ довести информацию до начальства.

А дальше вопрос только в профессионализме: ваша информация, ваши эксперты профессиональны или нет? Они стараются быть объективными или уходят в идеологию? Вот тогда есть какой-то шанс. Ведь никакие подписи в общественных советах, никакое включение ни в какие органы, никакое присутствие в каких-то экспертных сообществах при высоком начальнике не гарантирует, что завтра вы не пойдете на паперть. К сожалению, то же самое я наблюдаю и по отношению к нашим британским, французским, американским коллегам, потому что блистательные специалисты либо не очень близки к *руководящему уху*, либо понимают, что у них есть пенсия, если они работают на государство, и поэтому они занимаются чем угодно, но не теми вещами, которые могут нарушить гармонию их существования.

ФЕДОР ЛУКЬЯНОВ: Когда произносят клише *независимые исследовательские центры*, в первую очередь возникает вопрос: *не зависимы от кого?* — потому что по контексту имеется в виду *не зависимые от государства*. Но это же не означает, что они при этом не зависимы от кого-либо еще. В этом смысле это определение лукавое. Действительно, в Америке очень много частных денег, которые участвуют в этом процессе, а в Европе я неоднократно сталкивался с той сферой экспертизы исследовательских центров, которые занимались европейской интеграцией, на пальцах одной руки можно пересчитать те, которые прямо или косвенно не содержатся Европейской комиссией. И хотя они все называют себя независимыми, конечно, они развивают ту повестку, которую продвигает Европейская комиссия. Есть независимые, как правило, они имеют частные пожертвования, но там всегда проблемы с деньгами, потому что меценатов, готовых давать деньги просто так, все меньше и меньше.

На мой взгляд, важность экспертного сообщества — любого, независимого — того, что существует вокруг нас, заключается не в том, что оно формирует политику или влияет на политику. К сожалению, тут я вынужден согласиться с тем, что их влияние, скорее, на словах, потому что любые уважающие себя государственные органы, и наши тоже, создали общественные или научные советы, потому что это сейчас модно, все время ссылаться на мнение экспертного сообщества и гражданского общества. Как правило это чистая формальность, т. е. заседание проводится для галочки, чтобы отчитаться. Но, наверное, бывают другие случаи, просто я о них не знаю.

Важность экспертного сообщества заключается в том, что оно, не идеализируя и не снижая слишком глубоко, создает определенную среду, в которой циркулируют разные идеи, от серьезных до экстравагантных и провокационных. Но, учитывая, что мы живем в мире, где все правила, нормы и какие-то привычные схемы рассыпаются, выясняется, что традиционное ведомственное мышление, по определению, инновационно, потому что любое ведомство — это структура, живущая по какой-то своей традиции. А иногда нужно, чтобы в публичной сфере прозвучала нестандартная точка зрения.

Опыт США важен. Не знаю, можно ли его воспроизвести в России — даже в Европе не все так. Там отлаженная система определенного круговорота: человек, делающий карьеру на достаточно высоком уровне, перемещается по очереди, работает на госслужбе — в госдепартаменте или в администрации, потом, при смене администрации, он уходит в уважаемый think tank — благо, в Америке их много — вице-президентом или ведущим научным сотрудником. Потом он может пойти в бизнес советником. А потом при очередной смене возвращается на госслужбу на более высокую, как правило, должность. Безусловно, это очень хороший инструмент, развивающий кругозор у будущих или действующих чиновников, которые благодаря этой системе видят с разных сторон одну и ту же проблему. Конечно, проблема — совершенно объективное явление, но проблема чиновников в том, что они смотрят исключительно с одной позиции.

Для того чтобы это работало, нужны исследовательские центры, необязательно высококачественные, но очень уважаемые, потому что пойти куда попало человек после госслужбы не может.

Вторая мысль, которую мне хотелось бы донести сегодня до всех, напрямую относится к роли независимых, зависимых, любых исследовательских структур. Это острая необходимость *просветительской* функции, поскольку понимание процессов везде падает в силу их сложности, в силу их неожиданности, но в России мы стоим на грани настоящей катастрофы.

Когда начиналась *арабская весна*, я в какой-то момент заскучал по всей той кошмарной тошнотворной догматике, которой нас кормили в советских вузах, под названием научный коммунизм, диалектический материализм, потому что по сравнению с тем уровнем анализа, который звучал от примерно 80% экспертов из телевизора, эта марксистская методология была невероятно продвинутой — с ее помощью объяснить *арабскую весну* было намного проще, понятнее и точнее, чем той бесконечной конспирологической теорией, которой у нас заменили марксистско-ленинское мировоззрение, превратив любую дискуссию о внешней политике, с одной стороны, в очень увлекательное занятие, а с другой — в совершенно бессмысленное, потому что, оценивая все, что творится в мировом закулисье, не совсем понятно, а как должно быть на самом деле. Это скатывание в какую-то архаику и мракобесие, которые мы наблюдаем в разных сферах нашей жизни, в частности в публичной дискуссии по международным делам, опасно для государства.

Дело не в том, что мне или кому-то еще это не нравится, это опасно, потому что оно не влияет на внешнюю политику, но формирует среду, готовую впитывать и одобрять любую внешнюю политику, чем бы та не руководствовалась на самом деле. И мне кажется, что наша задача, всех, кто как-то относится к сфере международной безопасности, заключается в том, чтобы не пытаться влиять на власть, а пытаться формировать общественное, хотя бы примерно профессиональное отношение. Вопрос не в позиции — у нас дискуссия свелась к примитивной черно-белой: ты за тех или за этих. Можно быть и за тех, и за этих, но при этом, будучи профессионалом, трезво оценивать и то, и другое. У нас сейчас, по-моему, эмоционально-идеологическое отношение доминирует, а это ничего хорошего не несет.

И как ни странно, хотя повлиять на власть эксперты едва ли могут, опять же это не только нас касается, но в этой самой глобальной коммуникационной среде,

какие-то общественные течения все-таки влияют на власть, которая вроде бы от них совершенно не зависит, поэтому на этом сейчас надо сосредоточиться тем людям, которые считают себя достаточно квалифицированными, чтобы что-то кому-то объяснять.

Третий момент: зачем нужны исследовательские центры — именно независимые или имеющие репутацию таковых? В тех условиях, в которых мы сейчас оказались (а, судя по всему, они будут только усугубляться) необходимы устойчивые платформы для международного диалога, которые могут выдержать этот шторм,. Международный диалог скукоживается: отчасти нет желания, отчасти нет возможности, многие диалоги превращаются в обмен воплями и обвинениями. Тем важнее эти точки, центры... ПИР-Центр в данном случае мог бы быть флагманом, потому что он этим занимается много лет.

Спокойного и делового обсуждения нет. К сожалению, мы сейчас пришли к ситуации, когда задача договориться вообще не ставится. Есть задача минимизировать ущерб происходящего, и с этой задачей можно попробовать как-то справиться.

И последнее, что очень важно, но, к сожалению, весьма не утешительно и для России, и вообще в мире, и в интеллектуальной прослойке, которая представлена в мире. Мир меняется в сторону *гораздо меньшей свободы*. Как ни странно это прозвучит, вроде бы в разгул информационной открытости невозможность отгородиться, но невозможность не абсолютная. И все государства любого толка: недемократические, полудемократические, демократические, — сталкиваются с крайне агрессивной внешней средой во всех ее проявлениях. Не в том смысле, что кто-то конкретно вмешивается в их внутренние дела, но вообще эта среда, хаотичная и очень активная, трансграничная, давит на всех, будь то огромное государство, как США, или мелкие страны, которые вот-вот утонут от глобального потепления в океане. Все они сталкиваются с этими огромными вызовами и пытаются обороняться, защищать себя. И это неизбежно ведет к тому, что эта оборона может быть или коллективной, или индивидуальной. Поскольку с коллективной обороной, т. е. совместным обсуждением внешних вызовов, не получается, я думаю, что каждое государство будет за себя. А это, безусловно, не очень благоприятная среда.

ЭКСПЕРТИЗА: КОМУ И КАК, ИЛИ ЧТО И ДЛЯ КОГО?

ЕЛЕНА ЧЕРНЕНКО: Федор Лукьянов говорил о целом ряде функций, которые есть у независимых и зависимых экспертных центров, в том числе о функции просвещения. С просвещением ПИР-Центр блестяще справляется, в том числе в рамках Летних школ. Есть, насколько я понимаю, консалтинговая роль и взаимодействие с госорганами, с тем же МИДом и Министерством обороны. А вот получалось ли на что-то повлиять, изменить что-то или добиться каких-то результатов, удовлетворительных хотя бы для себя?

ВЛАДИМИР ОРЛОВ: Для себя я нарисовал три сценария для экспертных центров, или, если хотите, *фабрик мысли*. Может быть, это слишком комплементарно для экспертных центров в России. Сценарий первый: *востребованность А*; сценарий второй: *востребованность В* и сценарий третий — *прочее*. Я бы сказал, что сейчас мы находимся в ситуации, когда все три сценария возможны, поэтому, если кто-то ожидал от меня услышать нечто мрачно-пессимистичное, я к этому не готов, другое дело, что между этими тремя сценариями шансы распределяются примерно поровну.

Сценарий первый, или востребованность А. Государство, понимая, что ему нужна экспертиза, берет ее из двух, условно говоря, котлов: один котел — это *governmental non-governmental organizations*, т. е. структуры, созданные государством, даже если они имеют формально независимый характер, второй котел — это действительно негосударственные центры и экспертные организации.

Одна опора уже создана — это элементы общественной, или народной, дипломатии, которые подпитываются через Фонд *Русский мир* или Фонд Горчакова. Но проблема в том, что вторая опора — прикладные исследования, конкретные экспертизы — достаточно слаба и, безусловно, несистемна. В этом отношении многие коллеги знают, что есть предложение, с которым выступили Евгений Петрович Бужинский и я — о создании Фонда поддержки внешнеполитических исследований и разработок. Мы получили позитивную реакцию, в том числе из государственных структур... однако работа по созданию такого Фонда пока так и не проведена.

Сценарий второй, или востребованность В, — другой вариант востребованности экспертных структур. Это совпадает с тем, о чем говорили Евгений Сатановский и Федор Лукьянов. Сейчас времена холодные, времена *второй холодной войны*, и в этом отношении места для реальных негосударственных организаций нет. Они и не должны быть востребованы в эти времена. И здесь действительно копируется сюжет *первой холодной войны*, где была выстроена система работы, в том числе с вероятным противником, на совместном экспертном уровне. Роль того же ИСКАНа образца 1970-х гг. может выполнять РСМД, роль ИМЭМО — ИМЭМО, это уже создано. Некое *политбюро* будет решать, кого командировать за границу, с какой заявочной позицией, кого с *запасной* позицией, и, может быть, эффективность дискуссии от этого не так уж сильно пострадает. Такой сценарий тоже подразумевает востребованность, такие *фабрики мысли* есть, в значительной степени они демонстрируют свою эффективность — но не везде. С точки зрения конкуренции между государством и независимой экспертизой сюжета нет — он просто отпадает, и государство решает все задачи.

И сценарий третий — *прочее*. Иначе: а нужны ли вообще эксперты? Это более радикальный сюжет. Может быть, он отходит к изначальному тезису Евгения Сатановского о том, насколько вообще возможно здесь взаимодействие и нужно ли оно. Эксперты все путают, все замутняют, играют в свои игры... не отсечь ли этот пласт как лишний, да и дело с концом? И бюджету легче будет дышать.

ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ: Маленькая реплика на тему оптимизма в отношении замены частных негосударственных фондов на ИМЭМО и прочие, возвращения в старую добрую эпоху. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку. На сегодняшний момент, надо отдавать себе в этом отчет, мы живем в эпоху продолжающегося распада, где выделяется некая новая проекция. Все, что существует в России, подвергается простому и эффективному процессу распыла и раздела. Например, сегодняшняя реформа образования, от школьного до университетского, включающая ликвидацию академии наук как таковой, а также аспирантуры, имеет своей задачей единственное и эффективное менеджерское выбивание из нее прибыли, что не совместимо с поддержанием достаточно высокого уровня и какого бы то ни было института экспертизы. Да, разумеется, определенные, даже очень большие деньги на определенные отрасли выделяются и выделяться будут. Но какой процент этих денег пойдет на профессионалов, экспертов, носителей политических или политологических и прочих вещей, на инженеров, от которых не требуется ни создания, ни поддержания определенного уровня военного потенциала, на инженеров человеческих душ — по-английски *garbage*. С точки зрения любого профессионала, который смотрит на этих странных людей, достаточно обратить внимание на кадровый состав так называемого ФАНО, чтобы не говорить о том, что будет создана какая-то государственная система, которая заменит что-то, что уже было собрано. То, что еще можно было сохранить, еще при Фурсенко или при Ливанове было окончательно похоронено. Оптимизм в этом вопросе, к сожалению, неуместен.

Но здесь осталась некая функция, которая была у ирландских монахов после Римской империи, — господа эксперты могут хотя бы сохранить что-нибудь и кому-нибудь это передать. Умение проводить экспертизу, некоторые знания, чем, собственно, опять же в моем институте занимаются: под три сотни книжек издали с 1995 г., школу сохранили, некоторые направления даже отстроили, — и то хоро-

шо. В год выпускают тысячу аналитических заметок, и это замечательно. Лет через десять, если деньги кончатся, этого не будет. Но этот кусочек знаний останется. Не исключено, что следующее поколение сможет его использовать, если это будет нужно, но не более.

КОНСТАНТИН ФОН ЭГГЕРТ: Я по-своему согласен с каждым выступавшим. Ситуация очень плохая, уж если заговорили об ИМЭМО, обо всех этих *мамонтах* и *динозаврах* советской эпохи. Достаточно почитать имеющиеся в открытом доступе протоколы заседания политбюро по принятию решения о вводе или не вводе войск в Афганистан. Да, мы знаем, что оно было принято, но если оценивать уровень дискуссии, понимаешь, что какая-то мысль билась в этих научных центрах, каким-то образом фильтровалась вверх, даже в этот ареопаг Советского Союза, чего сейчас, по-моему, не происходит. У меня нет твердой уверенности в том, что Министерство иностранных дел влияет на внешнюю политику, поэтому о каких экспертных центрах мы говорим? Я, кстати, не вижу проблемы в наличии экспертных центров, не зависимых от государства, но зависимых от кого-то еще, как это происходит с массмедиа. Необязательно, чтобы всеми газетами или веб-сайтами владело государство. Очень хорошо, если ими будут владеть Усманов, Алекперов или кто-то еще, и их будет много, и это создает необходимую полифонию. Деньги откуда-то должны браться. Мне кажется, здесь одна из главных проблем заключается в том, что российские бизнес-структуры не заинтересованы в существовании таких центров.

Ясно, что у нас никакой самый супербогатый олигарх не будет давать деньги на какой-то исследовательский центр, который может написать некую бумагу, которая не понравится администрации. Тут я вижу тупик. Я хотел бы обратиться к Федору Лукьянову. Мы регулярно выступаем в ток-шоу, где конспирология давно уже подменила анализ, но эта конспирология, которая транслируется государственными телеканалами, по сути стала национальной идеологией. Мы знаем, если в Антарктиде умер пингвин, это случилось потому, что американцы хотели пробурить скважину и узнать, есть ли там нефть.

Федор, вы говорите о просвещении. А где платформы для этого просвещения? С одной стороны, есть Первый канал, который охватывает все, а с другой — вы выпускаете книжку тиражом в 2000–3000 экземпляров, и что из этого будет? В чем должна состоять суть этого просвещения? Где оно должно происходить? Это искренний вопрос, а не попытка подвергнуть все сомнению. Эта идея правильная, детоксикация мозгов должна происходить, но это очень сложный процесс. Это почти подвиг.

ФЕДОР ЛУКЬЯНОВ: Конечно, Первый либо другой канал общенационального покрытия имеет не сопоставимые ни с кем возможности. Кстати, по поводу ток-шоу, где конспирология присутствует. Я, например, в какой-то момент перестал туда ходить, потому что это не имеет никакого смысла. Своим присутствием ты только легитимируешь весь этот дискурс, вот и все. На мой взгляд, здесь можно работать, как совершенно справедливо сказал Евгений Сатановский, работать по принципу *капли, которая точит камень*, на перспективу. В Совете по внешней и оборонной политике мы полтора года назад запустили ежемесячный лекторий в культурном центре ЗИЛ, запустили его на авось, я был уверен, что это все продержится пару месяцев и *сдохнет*, потому что никто ходить не будет: в пятницу вечером на два часа приходите и слушать какую-то *нудятину* про международные дела. И был приятно удивлен тем, что люди-то ходят. Ходят люди разные, в основном молодые. Средняя посещаемость — 100 человек, бывает больше, когда более живая тема. И интерес очень большой. Это говорит о том, что даже те люди, которые смотрят телевизор, читают газеты или просматривают интернет, мысль в их головах шевелится. Поэтому, мне кажется, что такая просветительская работа не должна прерываться, а потом мы же в России, и мы живем в ней довольно давно, и до нас поколения жили. Пройдет этот цикл, наступит следующий. Наступит, не приведи господь, новая перестройка, и мы все опять окажемся на исходной. Главное, что эта ниточка сохранилась.

ЮРИЙ НАДТОЧЕЙ: А действительно ли мы можем говорить о том, что формирование этой социальной среды, на которую экспертное сообщество могло бы воздействовать, готово к тому, чтобы сформироваться в нужном для экспертной среды направлении, с учетом того, что сейчас массовое сознание так экзальтировано, выработало себе такой прочный и мощный иммунитет для альтернативной точки зрения, что в данном случае это будет некая попытка плыть против течения, традиционного течения? А если говорить о том, что все-таки просвещение с помощью качественной экспертизы могло бы быть адресовано не широким массам, не аудитории Первого канала, а более узкой прослойке интеллигенции, давайте посмотрим с гуманистической точки зрения: а не сделаем ли мы этих людей несчастными? Потому что получится, что эта узкая группа интеллигенции станет заложниками толпы *хунвейбинов*, которые могут надеть на них знаменитые колпаки. И некоторые вещи могут быть просто опасны.

ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ: Многие знания — многие печали. И это не нами сказано. Делая человека образованным, умным, разбирающимся в том, что происходит вокруг, вы, по определению, делаете его несчастным. Он же будет разочарован во всем. А так он будет строем ходить, по Бертольдту Брехту, и будет счастлив, будет *бить в барабан*.

Поэтому выбирайте: да или нет, уходите в частную жизнь бабочек коллекционировать — или рассказываете, что в мире происходит с той степенью объективности, с какой можете. А дальше будь что будет. Только так цивилизации и сохраняются, иначе это никогда не было, ни в какие эпохи, ни у каких народов, ни в каких странах. 🐛

Год назад эксперты и друзья ПИР-Центра: профессор департамента интегрированных коммуникаций НИУ-ВШЭ и член редколлегии журнала Индекс Безопасности Дмитрий **Евстафьев**, старший научный сотрудник ПИР-Центра Вадим **Козюлин**, главный редактор журнала Международная жизнь Армен **Оганесян**, заместитель декана факультета мировой экономики и мировой политики НИУ-ВШЭ Андрей **Суздальцев**, директор Московского центра Карнеги Дмитрий **Тренин** оценили, по нашей просьбе, состояние международной безопасности, в тех аспектах, которые представляли наибольшие, с их точки зрения, угрозы для России, и предложили свои прогнозы на 2014 г., прежде всего в части возможных ответов России на эти угрозы и вызовы.

Спустя год мы пошли на рискованный шаг и публикуем эти прогнозы — и сбывшиеся, и не очень. Думаем, никто не будет спорить с тем, что 2014 г. оказался непредсказуем даже для самых ясновидящих экспертов.

Но мы пошли дальше и предложили этим же экспертам уже с высоты сегодняшнего дня¹ оценить свои же прогнозы с учетом прошедших событий и дать в их развитие краткие прогнозы уже на 2015 г.

Дмитрий Евстафьев

КАК БУДУТ РАЗВИВАТЬСЯ РОССИЙСКИЕ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ?

Взгляд–2014

Хотел бы отметить некоторые ключевые тенденции в развитии российских вооруженных сил (ВС). Выделю две: *тенденция номер один*, которую я считаю ключевой — это резкое повышение приоритетности вопросов, связанных с мобильностью и быстрым развертыванием; *тенденция номер два* — это рассмотрение вопросов, связанных с развитием ВС как фактора стимулирования экономического роста страны. На сегодняшний день обе эти тенденции не приобрели характер безусловного национального консенсуса.

Из тех тенденций, которые называют *уходящая натура*, обращаю внимание на существенное снижение приоритетности вопросов, связанных с социальным обеспечением военнослужащих. На сегодняшний день, в отличие от ситуации пятишестилетней давности, она присутствует *ритуально*. Я считаю это позитивной тенденцией, так как российские ВС возвращают себе статус того, чем они должны быть, и прекращают быть просто инструментом обеспечения благосостояния военнослужащих и членов их семьи.

Хотелось бы также обратить внимание на несколько геополитических факторов, которые оказывают влияние на развитие российских ВС.

Прежде всего дестабилизация на Ближнем и Среднем Востоке, которая все больше и больше рассматривается как *важный* фактор в российском военном планировании.

Далее, военное присутствие в *Арктическом регионе*.

Снизилась напряженность дискуссий вокруг вопросов, связанных с *Афганистаном*, что я считаю неправильным. Мы в России недооцениваем, в том числе с военной точки зрения, последствия дестабилизации ситуации в Афганистане после ухода оттуда американцев.

Хотел бы обратить внимание и на *серые зоны* в российском военном планировании. Прежде всего это отношения России с *Китаем*. Появляется все больше признаков того, что за официальными заявлениями о стратегическом партнерстве начинают копиться двустороннее недовольство и напряжение, в частности связанные с фактической приватизацией нашими китайскими друзьями Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Но вот насколько этот вопрос станет фактором военного планирования уже в 2014–2015 гг., сказать не берусь.

Настоятельно необходимо изменить *российскую ядерную стратегию*. В частности считаю, что следует выработать подходы к применению ядерного оружия (ЯО) в дозированном и одиночном варианте. Давайте исходить из того, что ЯО является реальным внешнеполитическим и военно-политическим инструментом только там и тогда, когда оно имеет реалистичную стратегию боевого применения. Если этого нет, давайте сэкономим деньги на хранении столь опасного *груза*.

В ближайшие три-пять лет, как это ни странно, для российских ВС самыми важными вопросами будут вопросы о разработке нового доктринального обеспечения их развития. Российской армии невозможно развиваться *ad hoc* на основании того, что называется *ручное управление*. Я бы высказал *еретическое* соображение: в настоящее время одной из вещей, которая нужна российским ВС, является подобие доктрины Каспара Уайнбергера. В 1982 г. министр обороны США сформулировал пять критериев применения ВС вооруженными силами США в локальных конфликтах. Над ним сначала посмеялись: смешной, сказали, человек этот Уайнбергер... но до сих пор США воюют именно так.

Комментарий–2015

Серьезных расхождений с прогнозом не случилось. Больше того, хочу вновь обратить особое внимание на прогноз–2014 о грядущем использовании управляемого, стимулированного роста в военно-промышленном комплексе в качестве драйвера общего экономического роста.

Также считаю по-прежнему актуальным свой прогноз о попадании отношений с КНР в военно-политической сфере в *серую зону*.

Правильным оказался прогноз о роли ЯО. И еще более актуальной становится тема адаптации стратегии его боевого применения к новым реалиям.

Ключевой момент, который выпадает из общей системы координат — *Крым*. Основываясь на опыте предыдущих лет, трудно было представить, что российское руководство пойдет на столь острый и решительный шаг. Проблема, однако, в том, что действия по Крыму, правильность которых на сегодняшний день практически бесспорна (если, конечно, абстрагироваться от мнения политических маргиналов), *отложили в долгий ящик* многие нужные с политической и военно-политической точки зрения вопросы. Например, создание российской *доктрины Уайнбергера*. Понятно, что в нынешних условиях ее появление и невозможно, и нецелесообразно. И, конечно, кто-то вряд ли мог предположить, что создававшаяся четверть века государственная система Украины начнет рассыпаться так быстро (хотя основания для такого прогноза были). Даже я не предполагал.

2014 г. не столько дестабилизировал систему международных отношений, сколько поставил вопрос о неадекватности ее структур. Практически ни одна струк-

тура не смогла выполнить свою функцию, а часть из них, в принципе, выглядела неуместно (если не сказать убого, как, например, *восьмерка-семерка*). Из этого возникает важнейшая для 2015 г. развилка: либо начнется *новая институционализация* системы международных отношений, а фактически выработка новых *правил игры* (долгосрочная постмонополярность), либо продолжатся попытки стабилизировать систему в рамках традиционных институтов.

С операционной точки зрения ключевым вызовом станет, вероятно, вопрос о стабилизации на Ближнем Востоке. Это наиболее серьезный стратегический вызов, поскольку он затрагивает суть современной глобальной системы политики и экономики.

А вот в *публичном поле*, вероятно, будет господствовать Украина (от которой ничего не зависит, но которая является идеальной ширмой для глобальных игр).

Вадим Козюлин

КАК РОССИЯ БУДЕТ ПРОЕЦИРОВАТЬ ЭКСПОРТ ВООРУЖЕНИЙ НА КАРТУ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ?

Взгляд–2014

В 2010 г. экспорт российских вооружений вырос на 18%, в 2011-м — на 26%, в 2012-м — на 15%. При этом следует учесть, что это денежное выражение экспорта, не физическое. А денежное выражение — вещь с секретом: каждый год российские экспортеры увеличивают стоимость в валюте на 5%.

Но даже с этой поправкой мы видим динамичный рост российского экспорта вооружений. Другой показатель, более предметный, показывает портфель военных заказов. Это примерный объем будущих заказов, которые еще не подписаны, но уже имеются в договоренностях либо в каких-то иных формах. Мы видим, что в этой области также наблюдается определенный рост, может быть, не настолько динамичный, но постоянный.

В 2011 г. портфель составлял 40 млрд долл., в 2012 г. — 41 млрд долл., при этом у *Рособоронэкспорта* портфель был 36 млрд долл., а в 2013 г. портфель составляет более 47 млрд долл., у *Рособоронэкспорта* — 38 млрд долл. Структура экспорта вооружений в последние годы примерно стабильна: 50% — обычно российская авиатехника, оставшиеся 50% в примерно равных пропорциях делят военно-морская техника (30%), системы ПВО (14%) и вооружения сухопутных сил (6%). Это показатели за прошлый год, и в этой сфере во второй половине происходят небольшие изменения.

В середине 2013 г. В.В. Путин отмечал, что российский экспорт к аналогичному периоду предыдущего года вырос на 15%, т.е. тенденция, которая наблюдается в течение последних трех лет, в 2014 г., вероятно, всего, будет продолжена. Государственные экспортеры, как обычно, ставят перед собой обязательства чуть выше результатов предыдущего года. Так, например, *Рособоронэкспорт*, который в 2013 г. добился результатов 12,5 млрд долл., в этом году поставил себе планку более 13 млрд долл. Из опыта известно, что российские оборонщики стабильно перевыполняют планы.

Отдельно хотел бы отметить, что часть гособоронзаказа в последние годы тоже попадает под тот объем, который мы причисляем к экспорту вооружений. Иначе говоря, часть экспорта вооружений финансируется из российского бюджета: в 2012 г. это примерно 300 млн долл. Многие, наверное, помнят, что Россия пообещала военную помощь Киргизии в размере 1,1 млрд долл. и 200 млн долл. Таджикистану.

Таким образом, можно констатировать, что Россия возвращается к советскому опыту оказания безвозмездной военной помощи. И, заглядывая в 2014 г., я бы хотел отметить несколько тенденций, которые уже прослеживаются в нашем военном экспорте. В 2014 г. Россия займется восстановлением своих позиций на рынке модернизации и ремонта военной техники. Это не означает, что Россия на этом рынке не присутствует: ежегодный доход от ремонта и модернизации техники для России составляет

примерно 2,5 млрд долл. Однако на сегодня в России насчитывается 21 предприятие, имеющее право выходить на этот рынок самостоятельно. В 2014 г. по инициативе корпорации *Ростех*, предположительно, еще 20 предприятий получат такую возможность, т.е. это будет право не продавать собственную продукцию, но оказывать услуги по ее послепродажному обслуживанию, ремонту и модернизации.

Также принято решение активнее развивать совместное производство продукции военного назначения и проводить исследовательские разработки, т.е. разрабатывать вооружения, которых еще нет. Образцовыми примерами для России служат совместное производство и совместная разработка крылатой ракеты *Брамос* (Россия и Индия), создание истребителя пятого поколения (также с Индией), но будут примеры, о которых мы услышим в ближайшее время, с Китаем — в сфере военного судостроения и авиации. В партнерстве с ЮАР планируются совместная разработка ракет, локализация производства артиллерийских боеприпасов, вертолетной и корабельной техники. Еще одной новинкой в производстве и экспорте российских вооружений будет тенденция развития частно-государственного партнерства, т.е. привлечения частных инвестиций для разработки вооружений и экспорта за рубеж.

Я уже упомянул оказание военной помощи — это тоже новая особенность экспорта вооружений, к которой Россия будет прибегать в 2014 г. Обращу ваше внимание на то, что у российских оборонщиков появился новый лоббист, очень влиятельная и популярная фигура, — С. Шойгу, который пропагандирует российское вооружение за рубежом, чему мы были свидетелями во время его поездок по Латинской Америке, в Бразилию и Перу. Таким образом, несмотря на сдержанные оценки экспертов и официальных лиц, мне кажется, что в 2014 г. российских экспортеров оружия ждут очередные успехи.

Комментарий–2015

Так и произошло, как я предполагал год назад: в 2013 г. Россия экспортировала вооружений на 15,7 млрд долл., что было на 3% выше, чем в 2012 г. (хотя с поправкой на инфляцию можно считать, что рост прекратился).

2014 г. также имел потенциал для дальнейшего роста, ибо совокупный портфель экспортных заказов достиг нового рекордного значения — 49 млрд долл.

Окончательные итоги экспорта вооружений в 2014 г. еще не опубликованы, но в конце января 2015 г. президент В.В. Путин заявил, что экспорт российской военной продукции за рубеж в 2014 г. превысил 15 млрд долл. Налицо некоторое падение экспорта вооружений, и причины его очевидны: разрыв военно-технических связей с Украиной и государствами ЕС, санкции США и ЕС в отношении ряда крупнейших российских оборонных предприятий.

Как я и прогнозировал, в 2014 г. государственный оборонный заказ (ГОЗ) продолжал расти: по сравнению с 2013 г. (1,3 трлн руб.) он вырос на 30% и в физическом выражении составил 1,7 трлн руб. По оценкам вице-преьера Д. Рогозина, в 2015 г. объемы будут больше примерно на 20%.

Стоит отметить качественные изменения в выполнении ГОЗ: если в 2013 г. он был выполнен на 82–84%, то по итогам 2014 г. этот показатель достиг 95%. В 2014 г. впервые в современной истории было освоено 99,9% запланированных средств.

В 2015 г. в оборонной промышленности будут заметны следующие тенденции: усиление ответственности исполнителей за использование средств, повышенное внимание контролю эффективного расходования ассигнований, активное замещение продукции из стран НАТО и Украины (на сегодня доля импортных комплектов вооружений и военной техники в среднем составляет 8–10%).

В сфере ВТС, вероятно, Россия постарается использовать конфронтацию с Западом для поиска новых импортеров, которые уважают твердую политическую позицию, а также для возвращения на старые рискованные, а то и *сомнительные* рынки вооружений, например, такие, как Иран, Ливия и даже КНДР.

Дмитрий Тренин

ВРЕМЯ СОПЕРНИЧЕСТВА

Взгляд–2014

До 21 февраля 2014 г. Россия не вмешивалась в украинскую политику, Янукович не был марионеткой Путина. То, что произошло в ночь с 21 на 22 февраля 2014 г., поменяло не только российскую политику, но и, на мой взгляд, отношения между Россией и Западом и в значительной степени повлияло на международные отношения. Если суммировать и говорить только об основном, Россия прекратила геополитическое отступление, перешла от пассивности к активным действиям не только конкретно в украинском вопросе, но и в своей международной политике.

В 1991 г. Россия в одночасье согласилась на такое изменение границ, изменение своего внешнеполитического, геополитического, стратегического — любого статуса, которое практически не имеет аналогов в истории XX в. За границами Российской Федерации, новой России, осталось 25 млн этнических русских. И фактически этот вопрос, очень важный, оставался за скобками практической политики России — в мейнстримовой части экспертного сообщества о нем предпочитали не говорить. Если бы за 20 лет, которые прошли после окончания холодной войны, у России сложились бы тесные партнерские, фундаментально прочные отношения с Западом, прежде всего с США, это было бы большим благом для международной безопасности. Регулярно, с перерывом примерно в 10 лет, российские президенты предлагали Соединенным Штатам и Западу в целом включение России в западное сообщество, но получали отказ.

Я могу, конечно, ошибаться, но мое ощущение, что в ночь с 21 на 22 февраля 2014 г. закончился период между двумя холодными войнами. То, что мы называли периодом после холодной войны, будущие историки будут называть периодом между холодными войнами. И если можно провести аналогию между мировыми войнами, то нерешенность фундаментальных вопросов, которая осталась после войны, в данном случае после Первой мировой войны: осталось много вопросов, было много несправедливостей урегулирования, оформленных в Версале, — в конце концов привела ко Второй мировой войне. И главная ошибка заключалась в том, что послевоенное урегулирование не включало Германию.

Я не хочу представлять происходящее в виде страшной катастрофы, но нам с 22 февраля приходится работать в новом международном режиме, и в этом новом режиме мы будем работать еще какое-то время. Этот режим не обязательно будет копировать, вернее, он не будет копировать холодную войну ни в коем случае, но при этом режиме, к большому моему сожалению, профессиональному и личному, соперничество, особенно в отношении с Соединенными Штатами, будет превалировать над сотрудничеством. В международных отношениях всегда есть сотрудничество и соперничество, нет партнерств, состоящих только из сотрудничества. Соперничество — необходимая часть международных отношений, как необходимая часть жизни, но важен баланс. И этот баланс в ночь с 21 на 22 февраля сместился в сторону соперничества.

Конечно, за 25 лет мир сильно изменился, и повторения холодной войны не будет. Результат, к которому мы придем, пока не виден, но ясно одно — длительная эпоха российской сравнительной пассивности в отношении своих задач и интересов закончилась, Россия вступает на международную арену как активный игрок, который не боится конфликтов с ведущей страной мира. Этот период будет тяжелым и сложным для всех, и прежде всего для России. Вызовов и рисков будет достаточно не только в международной среде, но и внутри страны. В отличие от холодной войны 1940–1980-х гг. мы живем и будем продолжать жить в открытом обществе, в открытом мире с пористыми границами, и то, что будет происходить сейчас, будет гораздо интереснее, гораздо объемнее, чем то, что происходило в период закрытых обществ, непроницаемых границ.

Комментарий–2015

2014 г. стал рубежным не только для российской внешней политики, но и для международных отношений в Европе и Евразии. Закончился 25-летний период мирных и преимущественно кооперативных отношений между Россией и Западом. Украинский кризис впервые за многие десятилетия создал опасность широкомасштабной войны в Европе. Начался период острого соперничества, даже конфронтации, если говорить об отношениях РФ–США. Между Россией и странами Европейского союза наступил период отчуждения. Перспективы Большой Европы скрылись за горизонт. Россия вновь утверждается в мире как самостоятельная и самодостаточная величина. Несмотря на украинский кризис, удалось оформить Евразийский экономический союз. Процесс сближения РФ с Китаем приобрел новое качество: энергетический альянс, повышение уровня передаваемых Пекину военных технологий. Место Большой Европы от Лиссабона до Владивостока может занять Большая Азия от Шанхая до Петербурга.

2015 г., надеюсь, сможет перевести российско-западный конфликт из опасной острой фазы в хроническую. Рассчитываю, что ситуация в Донбассе будет заморожена и не вспыхнет вновь застарелый конфликт в Приднестровье. Америка-но-российские отношения останутся плохими, но угрозы прямого столкновения удастся избежать. Отношения РФ с европейскими странами будут складываться по-разному, но в целом ЕС сохранит санкции в отношении РФ, а НАТО будет укреплять свой восточный фланг. Раскола между европейцами и американцами не произойдет. Лидер ЕС — Германия — будет относиться к России остро критически и в целом настроенно, хотя одновременно будет вести диалог с Москвой. Становление Евразийского экономического союза будет тяжелым и сложным из-за экономического спада в РФ и санкций Запада, но процесс будет идти. Отношения с Китаем станут ближе, хотя России придется в большей степени учитывать интересы своего главного партнера. РФ будет стремиться к приоритетному развитию отношений с ключевыми странами не-Запада: БРИКС и ШОС (где Москва в 2015 г. председательствует), а также с Турцией, Ираном, Египтом, Южной Кореей. Открытый вопрос — удастся ли в нынешних условиях развивать российско-японские отношения.

Армен Оганесян

КАК СТОЛКНУТСЯ ИДЕЯ БОЛЬШОЙ ЕВРОПЫ И РЕАЛИИ КРИЗИСА ВОКРУГ УКРАИНЫ?

Взгляд–2014

В очень разных местах: Лиссабоне, Праге, Лондоне, Берлине, — идея *Большой Европы* одними встречалась как мечта, а другими — как мечта, которая содержит в себе здоровый заряд прагматического смысла. Проект *Большая Европа*, впервые озвученный Ш. де Голлем, содержит в себе эту идею хорошей мечты, продуктивной мечты. Но потом она была поддержана М. Горбачевым, и совсем неудивительно, что накануне визита в США эту же идею озвучил Дэвид Кэмерон. А когда англичане поддерживают какую-то идеологию, которая родилась в Париже, это выглядит весьма и весьма примечательно. Вы, быть может, заметили, что Путин, говоря о своем евразийском проекте, подчеркнул, что это своего рода рука, протянутая для будущего экономического союза с Европой, которая поможет Европе, евразийскому пространству придвинуться в экономическом плане к тихоокеанскому региону.

Вы спросите, какое это имеет отношение к событиям на Украине. К сожалению или к счастью, самое прямое. Почему такой дуализм в оценке? Потому что ближайшее развитие событий покажет, как нам смотреть на будущее этой идеи *Большой Европы*, которая, на мой взгляд, не списана событиями в Украине. Только пороны этой идеи, окончательные и стопроцентные, могли бы обозначить начало какого-то нового этапа холодной войны, возврата к холодной войне. Когда сегодня мы слышим воинственную риторику из Вашингтона, мы видим большой зазор между позициями США и Европы в отношении России, возможных санкций и прочих мер. Ни Литва, ни Испания, ни Греция, ни даже Великобритания и, тем более,

Германия не собираются идти на поводу у Вашингтона. Это немного напоминает ситуацию с Ираком, но здесь все будет сложнее. Конечно, никакой изоляции России — ни политической, ни дипломатической, ни экономической — быть не может. Это пропагандистский слоган. Это так далеко от *real politik*, что даже не нуждается в серьезном комментарии. Если кто-то хочет на эту тему говорить, то скорее на страницах газет, в радиопередачах и т.д. Все дело в том, что Россия уже так вписана в систему международных связей, экономических, финансовых, что изолировать ее невозможно.

Вопрос в другом: может ли мир, а в данном случае речь идет о всем мире, могут ли США и западные страны изолировать себя от России. Вот как на самом деле звучит вопрос. Мне кажется, по объективным причинам это совершенно невозможно.

Как это ни парадоксально, хотя это кажется фантастическим и абсолютно не реальным, но именно Украина и ее будущая судьба могли бы стать тем нервом, который бы объединил усилия Европы и России по спасению этой страны, по поддержке этого народа. Сейчас в фокусе должна быть судьба этих людей, не юридические тонкости, не обмен пропагандистским залпами, а будущее Украины, будущее украинского народа.

Комментарий–2015

К сожалению, оправдался мой прогноз о том, что украинские события способны взорвать мечту под названием *Большая Европа*.

Поведение США, которые все больше и больше становятся стороной конфликта, было спрогнозировано верно, а вот политика стран ЕС по отношению к украинскому кризису оказалась намного менее самостоятельной и независимой, чем ожидалось. *Атлантическая дисциплина* взяла верх и обрушила многие надежды по поводу способности Европы вместе с Россией спасти Украину и украинский народ от гражданской войны и краха экономики.

В 2015 г. США будут втягиваться в события на Украине, выступая на стороне Киева. Особую поддержку они окажут партиям и экстремистским группировкам, которые выступают за силовое подавление юго-востока Украины. Возможны новые санкции в отношении России и жесткие требования к союзникам: придерживаться антироссийского курса как в политическом, так и в экономическом аспектах. США активизируют свою антироссийскую политику в Молдове, Грузии и других странах СНГ, осуществляя *доктрину отбрасывания* России и ее интересов по всем азимутам сотрудничества в ближнем зарубежье.

Андрей Суздальцев

КАК БУДЕТ РАЗВИВАТЬСЯ СИТУАЦИЯ НА УКРАИНЕ?

Взгляд–2014

Кризис, который мы наблюдаем на Украине², носит очень сложный и противоречивый характер, и его нельзя сводить просто к расколу элит. В основе кризиса лежат сложные социально-экономические и политические проблемы, которые не решались годами прежним руководством Украины. Мы должны признать, что основная масса украинского населения майдан поддержала. Независимо от вероисповедания, проживания, каких-то конфессиональных или культурных пристрастий. Это связано с тем, что в создавшейся ситуации на Украине, в ее экономике, затронута вся масса украинского населения. Стремление народных масс вырваться из нищеты, из ловушки миграционной экономики, из господства криминальных кланов, которые обеспечивали газ на Украине, и создало монолитную поддержку оппозиции майдана на западе страны и молчание востока.

Второй причиной, приведшей к катастрофе правительства В. Януковича, стали большие сдвиги в сфере бизнеса в Украине. И действительно, на первом этапе

В. Янукович обеспечил полную поддержку всех олигархических кланов своей властью. Но потом буквально в течение пары лет ситуация стала меняться — появились новые бизнес-элиты, которые были связаны уже с семьей В. Януковича, включая его сыновей. Криминальный бизнес оставил В. Януковича без поддержки олигархов, так он и оказался в одиночестве. На этом этапе все конфессиональные, культурно-цивилизационные и этнические различия на Украине отошли на второй план. И политическая оппозиция, очень амбициозная, надо отметить, поняла, что сейчас появляется *окно возможностей*, через которое можно прорваться к власти. Но не бывает односторонних политических процессов — прекрасно прослеживаются интересы крупных политических сил в этом конфликте.

Мы должны понимать, что майдан с одной стороны стал инструментом жесткого давления Евросоюза и США на В. Януковича, а с другой стороны он стал инструментом привлечения крупных геополитических сил для решения внутренних украинских проблем. После официального ноябрьского вердикта стало ясно, что евроинтеграционная тема была прикрытием для решения вопросов власти. Возникла политическая чехарда: внешние и внутренние игроки подменяли друг друга, что-то скрывали друг от друга и отвлекали на себя внимание в нужный момент, готовя главную свою добычу — правительство В. Януковича.

Майдан — это индикатор не только уровня развития украинской демократии, но и показатель слабой украинской государственности. Майдан показал, что традиционные демократические инструменты решения политических проблем: демонстрации, пикеты, работа в парламенте, забастовки, бойкоты, — оказались непригодны в условиях Украины. Разрушит ли майдан украинское государство? Нет. Это метод выживания украинской государственности, поиск элитой новой волшебной формулы, позволяющей скрепить это очень разрозненное государство в центре Европы. Майдан инициирует изменение существующего строя на Украине, 25 мая [2014 г. — *Ред.*] появится новый президент. Нет никаких гарантий, что после избрания президента не появится новый майдан, который опять объявит нового президента нелегитимным, и борьба начнется по новой.

Для этого есть некоторые предпосылки. Обратите внимание, сейчас майдан — это не просто националисты, это социалистические националисты. Они говорят с позиции жесткой социалистической риторики. Естественно, проходил процесс постепенной радикализации состава майдана — это можно было наблюдать, и амбиции трех лидеров оппозиции не позволили не только взять под контроль эти радикальные элементы, но и выделить единого оппозиционного лидера современной Украины.

В итоге майдан пришел к стадии крайнего националистического радикализма, это его последняя стадия развития, он законсервировался и сейчас выражает интересы только представителей западных областей Украины. Необходимо отметить, что в идеологической основе майдана лежит жесткая русофобия. Политические силы, руководящие майданом, всеми силами попытаются сделать из Киева место столкновения Востока и Запада. Это было ожидаемо, и сейчас мы ждем другой этап, он уже начался. Сейчас новая власть ищет какие-то компромиссы, какие-то союзы в политическом поле Украины, и здесь надо понимать, кто главный виновник той трагедии, которая произошла на майдане, где эти силы неизведанные? И конечно, должна быть назначена третья сила — это будет Россия.

Сейчас мы входим во второй этап украинского политического кризиса. Он связан с тем, что современная Украина де-факто оказалась федерацией. С победой майдана все политические силы востока и юго-востока Украины потеряли свое представительство в Киеве, и восстановить его практически невозможно. В чем проблема? Дело в том, что современные представители победившей власти являются носителями пассионарной националистической идеологии, которая не оставляет места местным элитам. В этом и заключается внутренний конфликт, который сейчас разрастается на наших глазах и, естественно, приобретает русский оттенок. Местные элиты на Украине традиционно очень сильны, они опираются на местные финансово-промышленные группы. И не только Крым, но и другие воспользуются

ситуацией, для того чтобы увеличить свое влияние в регионах. Не стоит забывать, что В. Янукович волевым путем загонял в эти регионы донецких бизнесменов, а сейчас их оттуда убирает, и люди приходят на новые места. К сожалению, этому способствует сам Киев. Обращаясь к Западу, к Европе с просьбой о помощи, он демонстрирует регионам, что центр слаб, что выбираться надо из трагедии самим, самостоятельно. И это тоже стимулирует этот процесс.

Комментарий–2015

Год назад я говорил, что «майдан с одной стороны стал инструментом жесткого давления Евросоюза и США на В. Януковича (заставить В. Януковича вернуться к процедуре ассоциирования Украины с ЕС), а с другой стороны он оказался инструментом привлечения геополитических сил для решения внутренних украинских проблем». Со временем, приняв власть из рук майдана (конец февраля 2014 г.) новые украинские власти использовали сложный и во многом противоречивый конгломерат евроориентации и антироссийской идеологической платформы на основе этнического национализма в качестве фильтра на собственной украинской политической арене и стимула для разжигания гражданской войны. В то же время Киев приложил максимум усилий для стравливания России и Запада по проблеме востока Украины, втягивая супердержавы в полномасштабный конфликт по украинской проблематике.

В свою очередь, Вашингтон и Брюссель, решая проблему поддержания однополярного мира, уготовили Киеву роль *передового отряда по борьбе с российским империализмом*, стремящимся возродить СССР. Однако украинский истеблишмент до настоящего времени преисполнен уверенности, что Украина является важнейшим субъектом международных отношений и решает свои проблемы с Россией с помощью всего *свободного мира*, что не мешает представителям руководства Украины, включая президента и премьер-министра постоянно объезжать страны ЕС и США с унижительными просьбами о финансовой и военной помощи.

Год назад автор этих строк отвергал тезис, что «майдан является разрушителем украинской государственности», утверждая, что «майдан — это метод выживания, поиск элитой новой *волшебной формулы*, позволяющей скрепить это очень разнородное государство в центре Европы». Учитывая общий изживенческий настрой украинского истеблишмента, евроориентация считалась той *волшебной формулой*, которая позволила бы, с одной стороны, сохранить Украину в ее границах (сторонники майдана искренне считали, что стремление вступить в ЕС должно объединить всех граждан Украины независимо от национальности, языка и вероисповедания). С другой стороны, появлялся шанс создания этнически чистого национального государства украинского народа по принципу Украина — для украинцев. Иными словами, если кто-то в регионах страны выступает против евроинтеграции (евромайдана), он по умолчанию занимает позицию против единой Украины, и наоборот. Евроориентация легитимизировала февральский переворот (*революция достоинства* П. Порошенко) и выступила в качестве основания создания этнически чистого украинского государства с новой государственной идеологией, в основе которой лежит этнический национализм. Происходит перерождение постсоветской Украины в новое государство с иными границами и исключительно рыхлой структурой.

Год назад я говорил, что майдан выражал интересы почти исключительно западных областей Украины, где правые политические партии практически монополизировали региональный политический рынок. За прошедший год на Украине прошли выборы в Верховную Раду, где правые националистические силы получили подавляющее большинство.

Антироссийский вектор во внешней и внутренней политике Украины, четко диагностировавшийся год назад, за прошедшие месяцы приобрел *сакральный* характер. Россия, помимо того, что официально, решением Верховной Рады, объявлена агрессором, в настоящее время выступает в медиапространстве Украины, а также

на уровне государственной идеологии и даже школьных учебников в роли универсального главного виновного за все трагедии в истории, в настоящем и будущем Украины.

Год назад я говорил, что «с победой майдана все политические силы востока и юго-востока Украины потеряли свое представительство в Киеве и восстановить его практически невозможно... в этом заключается внутренний конфликт, который сейчас разрастается на наших глазах и, естественно, приобретает русский оттенок». В феврале 2014 г. все-таки было трудно представить, что внутренний конфликт в русскоязычных регионах востока Украины выльется в полномасштабную гражданскую войну.

Прогноз развития политической и военно-стратегической ситуации на Украине на 2015 г. остается негативным. Своеобразный цикл *бои-переговоры* без какого-либо позитивного результата *поворачивается* уже в третий раз. Использован целый ряд форматов переговоров (жневский, нормандский, минский), сменились посредники (канцлер ФРГ + президент Франции, со стороны ЕАЭС — президент Белоруссии + президент Казахстана), несколько раз объявлялись перемирия, но давление внешних сил (США, ЕС) и пассионарность официального Киева, уверенного в поддержке Запада, аннулировали все попытки остановить или заморозить конфликт. Сомнительно, что это удастся и в 2015 г., хотя интенсивность боев на Донбассе будет снижаться по объективным причинам: силы противоборствующих сторон не беспредельны, профессионализм противостоящих армий растет, социально-экономическая ситуация на Украине не выправляется, поступающие извне помощь и кредиты явно недостаточны для стабилизации экономической и политической ситуации на Украине. 🇺🇦

Примечания

¹ По состоянию на 1 марта 2015 г.

² По состоянию на 1 марта 2014 г.

Мохамед Шакер, Аднан Шихаб Эльдин

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ ЯДЕРНЫЙ ЦИКЛ:
ВОЗМОЖНА ЛИ РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ?

From: *Mohamed Shaker*

To: *Adnan Shihab Eldin*

Subject: *Regionalization of Iran's nuclear fuel cycle*

Несмотря на то что идея регионализации иранского ядерного топливного цикла (ЯТЦ) обсуждается уже длительное время, я оптимистичен в ее отношении. Конечно, это будет долгосрочный проект, его нужно выносить на повестку дня и дорабатывать, а на это нужно время, приходится все согласовывать с большим количеством сторон.

ТЕХНИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ ИРАНСКОГО ЯДЕРНОГО ЦИКЛА

В первую очередь с арабскими странами, Ираном, крупными игроками, с которыми надо считаться, такими, как Россия и США. Когда я работал над иранским урегулированием, я подумал: «А как мы собираемся решать иранский вопрос?». Было бы здорово разработать формат, который позволил бы Ирану сохранить свои достижения в области обогащения урана и производства ядерного топлива, и чтобы при этом у него были партнеры, которые могли бы контролировать его деятельность, принимать участие в управлении как акционеры, члены совета директоров. Осталось убедить в этом иранцев. Некоторое время назад я обсуждал этот вопрос с одним из представителей иранского руководства, который приезжал в Египет. Он ответил: «Приезжай в Иран — поговорим». Так что я оптимистичен в этом плане.

From: *Adnan Shihab Eldin*

To: *Mohamed Shaker*

Subject: *RE: Regionalization of Iran's nuclear fuel cycle*

Я соглашусь с Вами в том, что на чисто техническом уровне подобный проект возможен. Любое итоговое соглашение по иранской ядерной программе будет

А
К
И
М
Е
Л
П

Рисунок 1. Ближневосточные интеграционные проекты в области атомной энергетики

Источник: ПИР-Центр.

предусматривать сохранение Ираном потенциала обогащения урана до 5%. Иранская ядерная программа вряд ли будет очень масштабной, но даже в этом случае возникнет вопрос, как сделать ее экономически оправданной, а это означает поиск соответствующих рынков сбыта для обогащенного урана или ядерного топлива. Возникает вопрос, может ли это стать своего рода механизмом для снабжения региона низкообогащенным топливом? Здесь не все так просто: в регионе нет большого количества АЭС, кроме *Бушера* в самом Иране, в ближайшее время могут появиться еще одна-две, те, что строятся сейчас в Объединенных Арабских Эмиратах. Кроме того, некоторые страны, такие, как Египет и Саудовская Аравия, также планируют строительство АЭС, и этот список можно продолжить.

Что касается возможности контролировать иранскую ядерную программу, назначая своих представителей в совет директоров, как в случае с URENCO или Ангарском, я бы назвал этот аргумент слабым. С коммерческой стороны это сработает, но не в части контроля над возможным военным измерением. Единственный способ получить какие-то гарантии, — это объявить область Ирана, где располагаются обогатительные мощности экстерриториальной областью, как предлагала Германия.

В любом случае, я считаю эту возможность долгосрочной — этого не достичь в ближайшее время. Региональный ЯТЦ будет иметь смысл после решения острых политических вопросов. Теоретически и чисто технически обогатительные мощности Ирана могут использоваться всем регионом. Но подобный проект вряд ли удастся реализовать сейчас или в ходе переговоров по иранской ядерной программе. Есть ряд коммерческих и политических сложностей, серьезно препятствующих этому.

From: Mohamed Shaker

To: Adnan Shihab Eldin

Subject: RE [2]: Regionalization of Iran's nuclear fuel cycle?

На мой взгляд, политическая замысловатость как раз поможет проекту. Для нас это шанс сблизиться с Ираном и взглянуть на перспективы наших отношений более оптимистично. Тегеран тоже понимает, что мы не очень довольны их действиями в ядерной сфере. Технические детали еще не проработаны, нет ясности в отношении того, какая часть иранского ЯТЦ должна быть регионализована, должны ли сюда быть включены все чувствительные технологии, что нужно обсуждать в первую очередь и т. д. Но можно точно сказать, что это укрепит отношения Ирана с арабским миром.

Конечно, важно понять, как подобный вариант может выглядеть. Есть немецкое предложение 2007 г.: часть территории Ирана получает экстерриториальность под наблюдением ООН, и там будет идти обогащение. Однако в этом случае Иран по большей части останется в изоляции. Мы же должны максимально наращивать контакты, создавать новые направления сотрудничества между Ираном и арабским миром, объединяя две цивилизации — арабскую и персидскую. На каком-то моменте в истории пути наших народов разошлись, поэтому сблизить шиитов и суннитов — два основных направления в исламе — важно не только по техническим причинам и с точки зрения контроля над вооружениями, но и во имя налаживания отношений между Ираном и его соседями.

Томас Пикеринг, посол (США):

На мой взгляд, регионализация ядерного топливного цикла Ирана достаточно важна, чтобы ее широко обсуждать, по следующим причинам. Во-первых, в случае с Тегераном она обеспечивает дополнительный уровень транспарентности наличием других инвесторов, государств или иных лиц, достаточно вовлеченных в иранскую программу, чтобы получить места в совете директоров компании, занимающейся обогащением. Это не потребует передачи ядерных технологий, но позволит получить доступ к планам по производству, включая полученные продукты и то, куда они пойдут, кому будут проданы либо где будут храниться. И это само по себе фактически обеспечит двойные гарантии.

Во-вторых, нужно рассматривать ситуацию более широко. Если, например, США и Россия согласились бы осуществлять обогащение урана на многосторонней основе, — а Россия в некотором отношении уже возглавила этот процесс, — могло бы возникнуть трехстороннее партнерство с Ираном в данной сфере. Многосторонний формат обогащения мог бы стать новым стандартом, включающим первоначально от двух до пяти ядерных держав, а также одну из неядерных держав, так или иначе достигших статуса *порогового* государства. Это, в свою очередь, дало бы новые основания поднять вопрос о том, каким образом обогащение и повторная переработка ядерных материалов рассматриваются в рамках ДНЯО. В перспективе, это могло бы дать толчок к обновлению ДНЯО для учета особых требований к *чувствительной* деятельности, что было бы важно.

И затем, в-третьих, это могло бы показать, что многосторонний ядерный топливный цикл может играть существенную роль в будущей деятельности по нераспространению ядерного оружия. Возможно даже, регионализация могла бы стать основным направлением усилий по нераспространению — первым шагом к тому, что я бы назвал виртуальным Договором о запрещении производства расщепляющихся материалов. Потому что подобная договоренность могла бы включать некоторый вариант проверок МАГАТЭ для подтверждения соблюдения многостороннего договора. И, следовательно, у вас был бы новый стандарт, чтобы гарантировать исполнение ДЗПРМ в России и США.

А
К
И
М
Е
Л
П

Я думаю, все страны, которые планируют развивать атомную энергетику на Ближнем Востоке, так или иначе могли бы быть заинтересованы в таком развитии событий: ОАЭ, Саудовская Аравия на каком-то моменте могли бы инвестировать в проект, этот путь близок нам, а также Египту, Иордании, возможно, это было бы интересно Алжиру.

From: *Adnan Shihab Eldin*

To: *Mohamed Shaker*

Subject: *RE [3]: Regionalization of Iran's nuclear fuel cycle?*

Позвольте с Вами не согласиться. Даже если мы не будем брать в расчет конфликт между Ираном и странами Персидского залива и предположим, что в будущем отношения наладятся, есть другое препятствие. Почему, например, Эмираты начнут покупать обогащенный уран у непроверенного производителя. А как же качество? Как же гарантии? Так что даже при условии разрешения всех других вопросов эти проблемы остаются. Я не говорю, что их нельзя решить, но на практике пройдет много времени до того, как удастся привлечь инвесторов и убедить их вложить в проект свои деньги. Не думаю, что в ближайшее время удастся договориться. Мне кажется, это вопрос для будущих обсуждений.

Что касается установления доверия между государствами региона, на мой взгляд, сейчас регионализацию иранского ЯТЦ вряд ли можно рассматривать для этой цели. До этого нужно решить еще много вопросов. Вот когда вы уберете из регионального уравнения конфликт вокруг иранской ядерной программы, тогда мы сможем спокойно начать обсуждать технические детали. Без этого обсуждать конкретные параметры программы сложно.

Возможно, Египет будет первым, готовым принять участие в проекте. Египет и кто-то из богатых стран Залива, например, Катар. Что касается Иордании, у страны нет денег. У Амана, конечно, есть запасы урана, и они могли бы стать поставщиком сырья для Ирана, запасы которого не достаточны для любой крупной программы. Но здесь тоже есть проблемы. Проекты по разработке иорданских урановых месторождений находятся все еще на стадии планирования. Есть много вопросов о качестве руды и рентабельности ее добычи. Несколько контрактов, которые они подписали, ни к чему не привели. По крайней мере европейские и австралийские коллеги говорили мне, что качество и количество иорданских запасов урана делают их непривлекательными при сегодняшних ценах. Так что, может быть, в будущем, лет через пять, когда картина изменится, к этому можно будет вернуться.

From: *Mohamed Shaker*

To: *Adnan Shihab Eldin*

Subject: *RE [4]: Regionalization of Iran's nuclear fuel cycle?*

Я считаю, что проект может иметь смысл и с экономической точки зрения тоже. Это зависит от того, сколько стран региона к нему присоединится. Он также будет

зависеть от того, смогут ли обогатительные мощности Ирана справиться со спросом со стороны региональных партнеров.

Соглашусь с тем, что для воплощения проекта в жизнь необходимо найти выход из ситуации вокруг иранской ядерной программы, а этот вопрос едва ли решится в ближайшие годы. Итак, сначала надо закончить с иранским урегулированием, и поскорее. Конечно, не хотелось бы, чтобы проект стал источником новых региональных рисков. Но главная идея в том, чтобы вовлечь Иран в региональное сотрудничество, сделать это приемлемым для общественного мнения в других странах Ближнего Востока, и вместе работать над этим.

Скорее всего, на первом этапе речь пойдет о небольших количествах обогащенного урана. Спрос на Ближнем Востоке значительно превышает возможности Тегерана. В Эмиратах строятся четыре реактора. Россия построит четыре энергоблока в Турции. Вы упомянули проект строительства в Иордании. Саудовская Аравия озвучила очень амбициозные планы атомного строительства, они планируют использовать атомную энергетику для опреснения морской воды. Главное, склонить Иран к сотрудничеству с нами и решать проблемы при помощи сотрудничества и интеграции, но если вы продолжите политику жестких санкций, это только усложнит ситуацию. Мы хотим начать разговор с чистого листа и предлагаем Ирану работать вместе. Они обязательно спросят: «Зачем это нам? Что мы получим?». Я отвечаю: «Для вас это отличный шанс быть принятыми и признанными международным сообществом».

Кроме того, речь не обязательно должна идти про топливо для электростанций, Иран может поставлять топливо для исследовательских реакторов, в этом случае не потребуется такое большое количество урана и можно обойтись значительно более скромными обогатительными мощностями. Здесь не так важен объем, можно назвать эти поставки символическими. Они станут символом завершения иранского кризиса, символом безопасности и стабильности в регионе. У Ирана будут партнеры и акционеры его предприятия, совместно принимающие решения и контролирующие друг друга.

РАЗВИТИЕ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЯДЕРНЫЕ ТОПЛИВНЫЕ ЦИКЛЫ

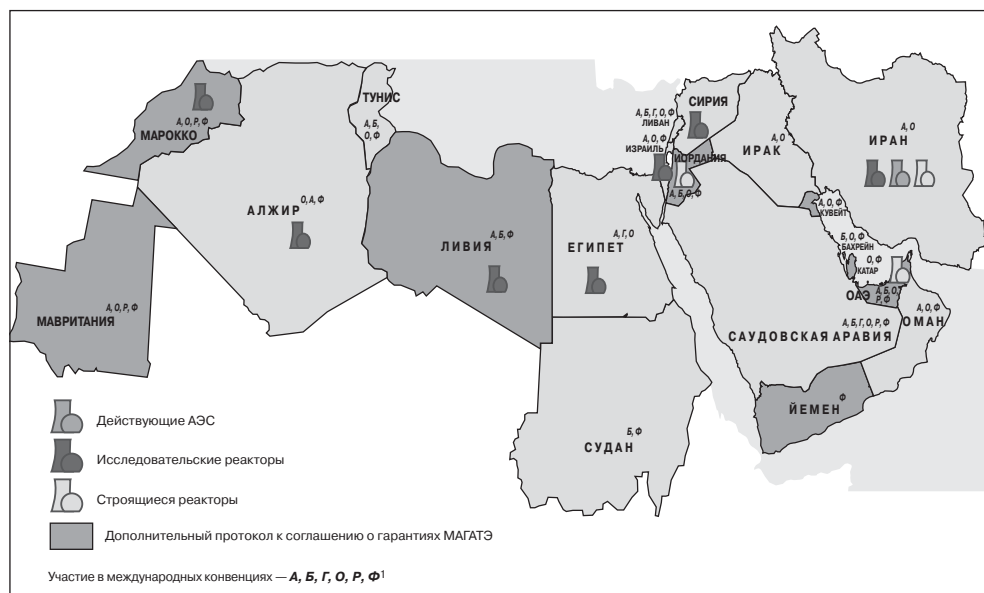
From: *Adnan Shihab Eldin*

To: *Mohamed Shaker*

Subject: *Nuclear energy development*

Сначала пару слов о развитии атомной энергетики в регионе. Возможно, Иордания так и не запустит свою ядерную программу или она примет совсем другую форму. Может быть, они заключат соглашение с Саудовской Аравией, чтобы пользоваться саудовской АЭС, покупать оттуда электричество. Это может быть проще как с финансовой точки зрения, так и учитывая общественное мнение в Иордании, — позиции по вопросам строительства атомной электростанции очень сильно различаются. Единственный реалистичный вариант ее построения — с помощью России. Если Москва согласится предоставить те же условия, что и для Турции: профинансировать проект, а затем вернуть деньги за счет продажи электриче-

Рисунок 2. Мирная атомная энергетика на Ближнем Востоке

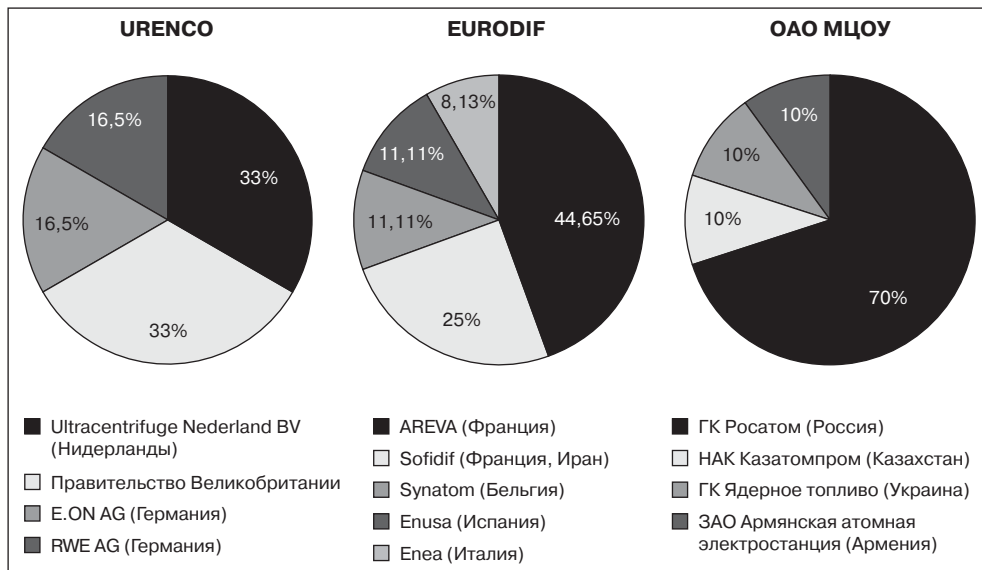
Источник: ПИР-Центр.

ства, — это может быть решением. Тогда останется вопрос размещения АЭС и общественного мнения, но это решаемо.

Теперь о Саудовской Аравии, ОАЭ и Египте. Похоже, что эти страны будут активно развивать ядерные программы. Про ОАЭ можно говорить с уверенностью, в Саудовской Аравии и Египте национальные программы, думаю, начнут формироваться в ближайшие годы. Здесь есть интересный момент: поскольку у Кореи нет собственных обогатительных технологий, сейчас обогатительный уран для будущих эмиратских реакторов планируется закупать в США и России. Так что, если Иран смог бы предложить выгодную цену и продемонстрировать качество продукта, Эмираты смогли бы заинтересоваться покупкой урана у Тегерана.

Не думаю, что они стали бы торопиться, чтобы присоединиться к какой-то формальной структуре, но Абу-Даби мог бы посчитать покупку урана хорошим вложением средств, хорошей гарантией. Они инвестировали в международный топливный банк под эгидой МАГАТЭ, так что они заинтересованы в подобных предложениях, хотя, конечно, в случае с Ираном, слишком много политических проблем. Для Эмиратов участие в топливном банке было страховкой. С одной стороны, они застраховали бы себя на случай перерыва в поставках, а с другой — постарались бы убедить другие государства не создавать у себя обогатительные мощности, которые можно затем переориентировать на военные цели.

Кувейт в свое время использовал те же аргументы, объяснив свое участие в международном топливном банке, двумя причинами: гарантией поставок топлива для себя, в том случае, если в стране будет реализована ядерная программа, и гарантией поставок для соседних государств, чтобы им не приходилось развивать собственную обогатительную программу. Кувейт старался продемонстрировать, что, в случае небольшой ядерной отрасли нет необходимости тратить деньги на обогащение внутри страны, поскольку дешевле купить сырье на международном рынке. А если рыночные механизмы перестают работать по политическим причинам,

в игру вступает запас топлива МАГАТЭ. Так что в будущем и Саудовская Аравия, и ОАЭ могут рассматривать иранские обогатительные мощности в том же контексте, если они будут удовлетворять обозначенным требованиям.

Екатерина Сизикова, координатор проектов ПИР-Центра:

В мире наработан значительный опыт функционирования многосторонних ядерных топливных циклов. На сегодняшний день подобные проекты действуют в Европе (URENCO и Eurodif) и на пространстве СНГ (МЦОУ).

Корпорация URENCO была основана в 1971 г. как британское общество с ограниченной ответственностью вслед за заключением Альмельского договора между Германией, Нидерландами и Великобританией. Нидерланды и Великобритания владеют двумя третями корпорации, последняя треть принадлежит двум немецким энергетическим компаниям — E.ON и RWE. В настоящее время URENCO владеет четырьмя заводами по обогащению урана: URENCO Великобритания, URENCO Германия, URENCO Нидерланды и URENCO США.

Eurodif, или Европейский консорциум по газодиффузному обогащению урана, был основан в 1973 г. как совместное предприятие, членами которого являются Франция, Бельгия, Иран, Италия и Испания. Обогатительные мощности консорциума располагаются во Франции, а обогащенный уран доставляется странам-акционерам. Дочерней структурой *Eurodif* является завод Жорж Бесс (Georges Besse), где непосредственно осуществляется процесс газодиффузного обогащения урана.

МЦОУ, или Международный центр по обогащению урана, расположенный в Ангарске, был создан в 2007 г. на базе Ангарского электролизного химического комбината как открытое акционерное общество. При ОАО МЦОУ создан Банк ядерного топлива — запас низкообогащенного урана (более 120 тонн низкообогащенного урана в форме гексафторида) для гарантированного обеспечения поставок в другие страны по запросу МАГАТЭ. В случае с Ираном речь может идти об акционерном обществе, в котором Тегеран сохранит контрольный пакет акций. Ядерный топливный цикл будет локализован на иранской территории, услуги по обогащению будут предоставляться по принципу «черного ящика», при котором передача технологии исключается. Другие государства, владеющие долями акций, будут представлены в совете директоров и смогут оперативно контролировать деятельность центра по обогащению урана.

From: *Mohamed Shaker*

To: *Adnan Shihab Eldin*

Subject: *RE: Nuclear energy development*

Присоединяюсь к Вашим словам о высокой значимости банка топлива в Ангарске. Это хороший проект, впечатляющий пример международного сотрудничества. И если мы добьемся успехов в создании регионального топливного цикла, это не будет препятствовать нашей тесной работе с ангарским проектом, с банком МАГАТЭ.

Если у Ирана внезапно закончится обогащенный уран и он не сможет нас обеспечивать, мы сможем обратиться к МАГАТЭ. Это как занимать деньги в обычном банке: не всегда можно рассчитывать только на личный доход, время от времени приходится идти в банк. Это такая подушка безопасности, которая подстрахует нас, если топливный цикл или что-то еще пойдет не так, например, по политическим причинам. Ближний Восток — очень непостоянное место: сегодня мы друзья, а завтра может быть совсем другой разговор.

ПЕРСПЕКТИВЫ БОГАЩЕННОГО УРАНА

Возвращаясь к проекту регионализации иранской ядерной программы, МАГАТЭ определенно должно принять участие в процессе, кроме того, понадобится региональная организация по типу Бразильско-аргентинского агентства по учету и контролю ядерных материалов. Постепенно проект начнет приносить прибыль своим акционерам, пусть и небольшую, а это всегда позитивно влияет на общее настроение.

Высказывались замечания о том, что Иран использует устаревшие центрифуги, причем их количества недостаточно для поставок обогащенного урана даже на одну АЭС. Отсюда вывод: для того чтобы сделать проект рентабельным, придется увеличить число центрифуг и их мощность, по крайней мере, в несколько раз. На мой взгляд, если иранцы будут использовать центрифуги под совместным контролем с региональными государствами, никаких проблем не будет. Нам придется доработать соглашение, потому что сейчас установлен потолок на объемы урана, который Тегеран может обогащать, но мне кажется, будет несложно договориться, чтобы Ирану разрешили производить больше топлива для поставок своим соседям.

From: *Adnan Shihab Eldin*

To: *Mohamed Shaker*

Subject: *The future of Iranian uranium enrichment*

Что касается Вашего последнего комментария, о возможности использования Ираном новых типов центрифуг и увеличения их количества, на мой взгляд, здесь все не так просто. Если, конечно, речь не идет о том, чтобы эти новые центрифуги были размещены за пределами Ирана, — тогда действительно проблем не будет. В противном случае большинству региональных игроков будет непросто на это

Андрей Баклицкий, директор программы Ядерное нераспространение и Россия ПИР-Центра:

Несмотря на то что создание регионального центра по обогащению урана на территории Ирана не сулит быстрой прибыли, есть ряд факторов, благодаря которым участие в нем может быть экономически выгодно потенциальным акционерам.

Во-первых, иранский ядерно-топливный цикл был создан и на данный момент функционирует за счет иранского бюджета. Если регионализации не произойдет, Тегеран продолжит полностью финансировать проект самостоятельно. Таким образом, любые инвестиции в региональный центр будут означать для Ирана прибыль. Исходя из этого легко представить, что Тегеран, который останется обладателем контрольного пакета акций, будет готов и дальше инвестировать в проект значительные суммы, даже если вклад остальных партнеров будет не слишком большим.

Во-вторых, несмотря на конкуренцию со стороны крупных производителей, на мировом рынке действуют *нишевые* игроки, включая китайские и японские компании, ориентированные на конкретные национальные проекты. В этих случаях коммерческая успешность может быть не столь важна по сравнению со стратегическими интересами государства.

Наконец, период низких цен не будет длиться вечно. В ноябре 2014 г. Международное энергетическое агентство прогнозировало 60-процентный рост мощностей атомной энергетики к 2040 г., а это означает, что в определенный момент спрос на обогащенный уран и его стоимость начнут расти. В то же время низкие цены могут оказаться губительными для традиционных участников рынка, ориентированных на получение прибыли, а это в свою очередь может привести к снижению конкуренции. Исходя из этого приобретение акций центра может стать хорошей инвестицией.

согласиться. Соседям Тегерана сложно принять возможность наращивания его ядерной программы, что уж говорить о ситуации, когда им предлагается поощрять это наращивание. Они скажут: «Вы предлагаете нам финансировать что-то, что впоследствии может быть направлено против нас». Я уже неоднократно говорил: сейчас на Ближнем Востоке речь идет не о гонке вооружений, а о *гонке возможностей* или *гонке потенциалов*. И именно против иранского ядерного потенциала сейчас идет борьба. Соседи Тегерана настаивают на паритете, и в данном случае он может быть достигнут только на тех условиях, если оборудование для обогащения будет произведено в Иране, а установлено за его пределами. Даже если вы предложите взамен наращивания иранского потенциала перенести его из защищенных военных баз на открытую местность, а это, в целом, неплохое предложение, оно вряд ли будет позитивно воспринято.

Я бы хотел озвучить другую идею, которая принадлежит американскому дипломату, послу Томасу Пикерингу. Он высказал интересную мысль о том, что США могли бы покупать обогащенный уран у Ирана, поскольку своих обогатительных мощностей в Соединенных Штатах не хватает. В этом контексте Вашингтон стал бы своего рода клиентом Тегерана. По мнению Пикеринга, это решило бы сразу две проблемы: Иран был бы удовлетворен демонстрацией своего превосходства, а Соединенные Штаты на правах покупателя могли бы устанавливать дополнительные правила для закупаемого материала, в том числе в сфере транспарентности. Мне кажется, это неплохая идея. Возможно, было бы еще лучше, если бы и США, и Россия могли покупать обогащенный уран у Ирана. Я знаю, что Россия сама обеспечивает себя ядерным топливом, но Москва и Вашингтон могли бы, например, поставлять обогащенный в Иране уран в международный банк ядерного топлива. Опять же это не обязательно должны быть большие поставки.

From: *Mohamed Shaker*

To: *Adnan Shihab Eldin*

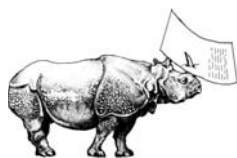
Subject: *RE: The future of Iranian uranium enrichment*

Вы озвучили очень интересные идеи. Но я хотел бы вернуться к тому, с чего мы начали — к налаживанию региональных отношений. Параллельно с обсуждением создания регионального ЯТЦ идет процесс переговоров по созданию зоны, свободной от оружия массового уничтожения (ЗСОМУ), на Ближнем Востоке. Мне кажется, процесс подготовки к созданию зоны мог бы стать хорошей площадкой для обсуждения вопросов регионализации иранского ЯТЦ всеми сторонами. Я бы даже сказал, что конференция в Хельсинки может привести нас к возможному прорыву в регионализации топливного цикла. Возможно и обратное — работа над региональным ЯТЦ будет способствовать проведению конференции.

В общем, я за презентацию проекта регионализации иранской ядерной программы на полях конференции по созданию ЗСОМУ. Мы с моими коллегами работаем над этим, и пока не похоже, что мы потерпели неудачу, потому что мы толком еще даже не начали. 🐘

Примечание

1. «Участие в международных конвенциях»: «А» обозначает участие в Конвенции о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации, «Б» — Конвенции о ядерной безопасности, «Г» — Венской конвенции о гражданской ответственности за ядерный ущерб, «О» — Конвенции об оперативном оповещении о ядерной аварии, «Р» — Объединенной конвенции о безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами, «Ф» — Конвенции о физической защите ядерного материала.

Александра Куликова

О ФРАГМЕНТАЦИИ ИНТЕРНЕТА: СТАРЫЕ ВОПРОСЫ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Последние законодательные инициативы в Российской Федерации, касающиеся запрета на хранение персональных данных россиян за пределами РФ, необходимости хранить метаданные о коммуникациях пользователей в течение как минимум 6 месяцев, а также дискуссия о возможности дублирования корневых структур сети для устойчивости Рунета, часто обсуждаются в русле опасений о нарастающей фрагментации интернета. Такая деятельность многим экспертам видится как некое покушение на *единый и открытый* интернет.

С одной стороны, попытки подогнать киберпространство под цели и задачи различных участников функционирования в нем — процесс, который начался не вчера, и Россия в нем далеко не пионер. Важно помнить, что и интернет едва ли когда-то был неделимым и универсальным, что только подчеркивает постепенно усложняющиеся отношения между его пользователями. Россия же сравнительно недавно заняла ощутимо активную позицию в национальном и глобальном управлении интернетом и сразу на всех уровнях, как в лице государственных органов, так и на уровне бизнеса и институтов гражданского общества и др. Учитывая несбалансированность взаимодействия этих групп внутри страны и разногласия с международными участниками глобального управления интернетом, пожалуй, лучшей иллюстрацией к создавшейся ситуации могла бы послужить басня И. А. Крылова *Лебедь, рак и щука*. И все же нельзя не заметить рост запретительных мер в онлайн-пространстве по инициативе властей, что и приводит в конечном итоге к формированию особых правил жизнедеятельности Рунета в глобальном интернете.

С другой стороны, недавние события, связанные с проявлением экстремизма в Европе, а также с глобальными киберугрозами, диктуют новые реалии и толкают различные государства, ранее не поддерживавшие активное регуляторное вмешательство в онлайн-сферу, к решениям, мотивированным именно государственными интересами и ограничивающим гражданские свободы в интернете.

Ввиду этих развитий стоит еще раз переосмыслить понятие *фрагментация интернета*, которое до сих пор использовалось именно в контексте управления онлайн-контентом и именно в отношении стран с более жестким законодательством в этой области.

О ЧЕМ МЫ ГОВОРИМ?

В рассуждениях о фрагментации интернета есть тенденция к идеализации того, чем он якобы был раньше. Так, Тим Бернерс-Ли (Tim Berners-Lee), один из отцов-основателей мировой паутины, говорит о том, что хотел бы видеть сеть «открытой,

работающей по всему миру так хорошо, как это только возможно, и не подчиняющейся национальным принципам», упоминая, в частности, стремление Бразилии к национализации персональных данных как пример ситуаций, которых следует избегать. Однако процесс фрагментации начался не вчера, и едва ли интернет был универсален для всех даже в начале своего развития. В том его сила, что с эволюцией функционала киберпространства, интернет проник буквально во все области человеческой жизни, служа тем самым очень разным целям и задачам. Фрагментация — это процесс, сопутствующий адаптации интернета к этим целям различных заинтересованных сторон, а их вовлеченность в процесс управления и развития интернета также значительно изменилась — от полного безразличия до заявок на лидерство в этой роли. Так, например, значительно возрос интерес правительств разных стран к использованию национального сегмента интернета для внутривнутриполитических целей. Концентрация персональных данных пользователей по всему миру в руках небольшого числа глобальных компаний, базирующихся в основном в США и работающих в различных юрисдикциях, создает феномен государства в государстве, а значит, не минуем конфликт интересов, что, в частности, продемонстрировал скандал вокруг разоблачений Эдварда Сноудена.

Сама сеть неоднородна, соответственно и фрагментация также не едина и выражается различными процессами в разных *слоях* интернета. В академическом и техническом сообществах принято несколько схем уровневого строения интернета. Наиболее развернутый эталонный вариант — это базовая система взаимодействия открытых систем, сетевая модель OSI, состоящая из семи уровней. Тим Бернерс-Ли в 2000 г. в своей книге *Weaving the Web* предложил несколько упрощенный вариант системы сетевой архитектуры из всего четырех уровней: уровень передачи, компьютерный уровень, уровень программного обеспечения и контента. Обе системы характеризуют функциональные свойства сети, а для удобства их регуляторного осмысления часто используется схема архитектуры сети, предложенная профессором Гарвардской школы права Иохай Бенклером (Yochai Benkler) в статье *From Consumers to Users*, состоящая из трех уровней: физического, логического и контентного. Аналогичную систему предлагает его коллега Лоуренс Лессиг (Lawrence Lessig) в своей книге *Future of Ideas* (находится в свободном доступе под Creative Commons), переформулировав уровни как физический, уровень кода и контента. Лессиг, основатель *Creative Commons*, приверженец открытых систем, знаменит своей формулой регулирования интернета, гласящей, что код есть закон (*Code is law*), т. е. регулирование в интернете коренится в кодовом инфраструктурном уровне (с учетом того, что физический остается неизменным), даже если конечная цель регуляторного вмешательства — контентный уровень. Иначе говоря, если, например, правообладатель видео- или аудиоконтента обращается к *Google* с требованием снять какой-либо ролик с *YouTube*, ссылаясь на положения DMCA¹, оно может быть удовлетворено через обращение к программным инструментам. Таким образом, регулирование на более высоких уровнях обеспечивается снизу вверх — через управление базовыми уровнями, причем принцип сверху вниз работать не будет: изменение контента не влияет на логический уровень или корневые структуры интернета.

Профессор Джонатан Зиттрейн (Jonathan Zittrain), директор Центра интернета и общества имени Беркмана при Гарвардском университете, визуализирует устройство сети в виде песочных часов, которые могут состоять из различных слоев, как было указано выше, от физического до содержательного. Но главное — это *талия* часов, уровень IP-протоколов, обеспечивающих одновременно относительную автономность и взаимосвязь базовых и верхних уровней. Это механизм передачи данных, он универсален и мало подвергается инновационному развитию и пересмотру как физическая инфраструктура или уровень приложений и контента. Этим обеспечивается принцип генеративности сети (*generativity*) — ее «способности к непредсказуемым (*'unfiltered'*) переменам, благодаря неограниченному участию в ее развитии широкого спектра участников»². Генеративность

лежит в корне бурного развития уровня приложений, но она же является причиной формирования закрытых систем типа Apple, например, с целью обеспечения безопасности пользователей и защиты информации, что сложно сделать в открытых системах. Иными словами, в силе генеративности лежит ее же слабость, как мы увидим ниже.

Таким образом, разговор о фрагментации/сегментации/балканизации следует начинать с уточнения уровня, о котором идет речь. Если мы говорим о физическом уровне, к примеру, до недавнего времени процессы дробления DNS-системы на национальные языковые сегменты скорее говорили о развитии и диверсификации сети, включения все большего количества пользователей и доступности для языковых меньшинств. Впрочем, это в целом позитивное развитие также используется для решения внутриполитических задач сообществ, получающих национальные языковые домены, связанных с укреплением государственности. Языковая локализация национальных сегментов в свою очередь также часто видится инструментом большего контроля над цифровыми коммуникациями в данных сообществах.

На логическом уровне, например, в США продолжаются баталии вокруг так называемой сетевой нейтральности (*net (work) neutrality*)³, несмотря на то что в начале 2014 г. в Штатах было вынесено судебное решение, по сути, положившее ей конец, позволив провайдерам связи брать дополнительную плату с интернет-сервисов за высокоскоростной трафик. Противники дифференцированного подхода к трафику обеспокоены делением инфраструктурных мощностей интернета по принципу *paywall*: для тех, кто может платить больше, и для всех остальных, — а также тем, что более мелкие игроки не смогут конкурировать в доступе к высоким скоростям с такими гигантами, как *YouTube*. Аналогичные ограничения доступа к контенту могут появиться и для некоторых групп пользователей, потому что для них определенный контент, скорее всего, в таком случае станет дороже. Это могло бы стать реальностью уже в 2014 г., если бы не беспрецедентный общественный протест, в результате которого президент Барак Обама лично выступил в ноябре 2014 г. в поддержку принципа сетевой нейтральности ('*Obamacare for the Internet*', как выразился техасский сенатор Тед Круз), что неожиданно стало важным козырем в его в остальном ослабевшей политической повестки дня.

Другое решение в мае 2014 г., уже Европейского суда, признало за гражданами ЕС давно обсуждаемое *право на забвение* (*right to be forgotten*), обязующее *Google* удалять из результатов поисковой машины информацию, не соответствующую или переставшую соответствовать действительности по запросу граждан через специальную форму. Следует все же уточнить, что данная информация при этом не стирается из самой сети и может быть найдена на соответствующих страницах. Но данный прецедент, с одной стороны, подчеркивает, насколько наш доступ к определенной информации определяется поисковиками⁴ (причем в основном первой-второй страницами), а с другой стороны, фрагментирует уровень контента тем, как обрабатывается информация о гражданах ЕС в отличие от остальных пользователей сети.

До сих пор активные действия российских властей по регулированию онлайн-пространства последовательно критиковались интернет-либертарианцами как приводящие к *балканизации* интернета и разрушающие его единство. Хотя большинство мер, предпринятых в России, так или иначе уже были опробованы другими странами (из последних, например, дифференциация трафика, предложенная ФАС с учетом мирового опыта). Некоторая уникальность российского кейса состоит, пожалуй, в том, что наступательное движение началось всего пару лет назад и стремительно охватило практически все системные уровни интернета. Точкой отсчета в его легитимации является принцип верховенства роли государства в области глобального управления интернетом в целом и российской юрисдикции в отношении национального сегмента сети в частности.

Россия не первой стала добиваться суверенности национального сегмента — в мире не первый день существует *Великий китайский файрвол (the Great Firewall of China)*, где *Google* перестал бороться с фильтрацией своего сервиса еще в 2009 г., но занимается этим планомерно при малоэффективных рычагах продвижения интересов ИКТ-индустрии, в отсутствие механизмов саморегулирования и при слабости общественных организаций. Не углубляясь в исторические предпосылки такой архитектуры решения вопросов общественной важности, стоит заметить, что многие процессы в области интернета, запущенные в России за последние 2–3 года, во многих европейских странах действуют в порядке саморегулирования соответствующих бизнес-сегментов при участии институтов гражданского общества.

Внешнеполитическая конъюнктура, в последнее время определяемая украинским конфликтом, на первый план выносит вопросы национальной безопасности, что плотно увязывается властями с информационной, собственно цифровой безопасностью и безопасностью критической инфраструктуры. Таким образом, решение внутриполитических задач после осознания стремительно возрастающей роли ИКТ-сектора в жизни и развитии общества требует максимального над ним контроля — цель, требующая легитимации и в плоскости глобального управления интернетом. Поэтому учения по выявлению уязвимостей Рунета летом 2014 г., выводы о необходимости защитных мер, а возможно, и о создании структур, дублирующих корневые, на территории России, планы по передаче функций Координационного центра национального сегмента интернета госструктурам создают фундамент для главенствующей роли государства в управлении интернетом на своей территории. Этакая *крымизация Рунета* на физическом уровне. Министр коммуникаций Н.А. Никифоров в очередной раз озвучил соответствующую позицию России относительно глобального управления интернетом на Полномочной конференции Международного союза электросвязи.

Этой же позицией подкрепляется закон о необходимости локализации хранения персональных данных россиян, а также *закон о блогерах*, предусматривающий хранение метаданных в течение как минимум 6 месяцев. Декларируемые задачи обеспечения национальной безопасности в самом широком смысле, в том числе в киберпространстве, инспирировали ряд законодательных актов, требующих фильтрации и блокировки определенного контента в доступе россиян (пропаганда экстремизма, терроризма, детская порнография и т. п.), разрабатываемые требования к идентификации в интернете. Им предшествовал первый из серии ограничений антипиратский закон, действие которого было расширено на авторские права в литературе, музыке, программном обеспечении и других сферах, кроме фотографии, в ноябре 2014 г. и который вступит в силу с 1 мая 2015 г. Взятые все вместе, эти ограничения на уровне контента (исполняемые, разумеется, через логический уровень кода) теоретически создают пользовательский опыт в интернете, отличный от получаемого в других географических точках, что и позволяет говорить о дальнейшей фрагментации интернета. Впрочем, выстраиваемая система не герметична благодаря появляющимся техническим решениям обхода запретов — пока, по крайней мере, базовый, физический уровень архитектуры сети находится под распределенным контролем.

ГРАЖДАНСКИЕ СВОБОДЫ vs БЕЗОПАСНОСТЬ: НОВЫЕ ПРАВИЛА ИГРЫ?

В свете всего вышесказанного важно отметить, что последние мировые события внесли свои коррективы в возможные сценарии развития глобального Интернета и национальных сегментов, что позволит говорить о фрагментации онлайн-контента, а возможно, и физической инфраструктуры, уже на новом качественном уровне.

Как известно, ранее вопросом *суверенности данных* после разоблачений Эдварда Сноудена об электронной слежке уже озаботились и Германия, и Бразилия, и прочие страны. Под лозунгом борьбы с глобальной электронной слежкой соз-

даются те же самые автономные системы, об уязвимости которых говорит Джонатан Зиттрейн, уже на национальном уровне и в ущерб глобальности бизнесов интернет-гигантов, которые стали к настоящему моменту *суверенами сети*, по терминологии Ребекки МакКиннон. Их же ответ на кризис доверия в сети — еще более замкнутые системы: так, Apple и Google по умолчанию вводят шифрование данных на девайсах. Развитие криптографии — это естественная реакция на почти неограниченный доступ к данным пользователей во многих государствах, что также способствует фрагментации.

Дискурс приватности доминировал как в европейских, так и в американских общественных дискуссиях последние 2 года после первой утечки сведений о деятельности Агентства национальной безопасности, призывая к большей соразмерности усилий по обеспечению безопасности, предпринимаемой властями различных стран, стандартам защиты гражданских прав. Но некоторые события вновь вынесли на первый план вопросы безопасности граждан, дав соответствующим ведомствам новый рычаг для лоббирования расширения своих полномочий.

Так, как стало очевидно после террористической атаки на редакцию *Charlie Hebdo* в Париже, некоторые европейские государства, в первую очередь Франция и Великобритания, готовы пересмотреть свою политику регулирования онлайн-пространства в национальных сегментах интернета для повышения эффективности антитеррористических мер. По иронии, предлагаемые меры повышенной слежки за цифровыми коммуникациями и принятие мер по идентификации в интернете очень созвучны российскому законодательству в этой области последних лет, т. е. тем самым требованиям по хранению метаданных коммуникаций операторами связи, расширению полномочий спецслужб по перехвату электронных коммуникаций в рамках СОПМ и т. п., за которые российские законодатели традиционно подвергались критике западных правозащитников. Не углубляясь в детали событий, спровоцировавших такие заявления, возможно, пока довольно популистские, можно с большой долей вероятности предположить, что тенденция к суверенизации интернета, приведению его в соответствие с национальным законодательством в разных уголках света будет только нарастать. Скорее всего, утверждение жестких досудебных мер все-таки менее вероятно в странах Европы, но важен тот факт, что тенденция так или иначе уже намечается и уже не только в странах, считающихся авторитарными, но и в западных демократиях, что само по себе может еще больше раздробить всемирную сеть и не только на уровне контента.

В то же время мир явно стоит на пороге новой гонки вооружений — на этот раз кибервооружений. После, предположительно, северокорейской кибератаки на *Sony Pictures* США планируют уделять еще более пристальное внимание вопросам национальной кибербезопасности (т. е. и до того приоритетное направление получило публичное подтверждение своей важности), о чем было сказано в ежегодном обращении президента к конгрессу 20 января 2015 г. Барак Обама предложил ужесточить общенациональное законодательство по защите персональных данных граждан, а также укрепить защиту онлайн-ресурсов банков и кредитных организаций. Подобные атаки, как и развитие новых национальных стратегий кибербезопасности, затрагивают логический уровень интернета, что отражает фундаментальный характер как самих угроз, так и последствий борьбы с ними. К тому же, если учесть продолжающиеся публикации Эдварда Сноудена о кибершпионаже Агентства национальной безопасности за другими странами, а также, как стало известно из последних обнародованных документов, о разработке и внедрении вредоносных программ, нацеленных на вывод из строя объектов критически важной инфраструктуры потенциального противника, усиления, прежде всего европейских стран, видимо, будут балансировать между сотрудничеством с *главным стратегическим партнером* и защитой от него, наращивая собственные кибервооружения. Все эти противоречия могут только усугубить уже сформировавшиеся разногласия относительно новых моделей управления глобальным интернетом после истечения контракта ICANN и NTIA (Департамента телекоммуникаций и информации Министерства торговли США) по выполнению функций IANA, обеспечивающих функ-

Подробнее с материалами по управлению интернетом вы можете ознакомиться в разделе «Международная информационная безопасность и глобальное управление интернетом» на сайте ПИР- Центра по адресу: net.pircenter.org

ционирование глобального интернета. Сегодня фрагментация интернета, пожалуй, наиболее сильно проявляется именно в отсутствии единства мнений о будущем модели с привлечением участия всех заинтересованных сторон (*multistakeholder approach*) в контексте все более агрессивных проводимых национальных политик.

На этом фоне интересен вопрос, поднятый Милтоном Мюллером, профессором Школы информационных исследований Уни-

верситета Сиракуз, на закрытии 9-го Форума по глобальному управлению интернетом (IGF), о необходимости признания *интернет-нации* и ее суверенности. Иными словами, в ситуации до сих пор доминировавшего принципа управления при участии всех заинтересованных сторон неправительственные игроки оказываются на одном уровне с суверенными государствами, что мешает последним заявлять о своем безоговорочном авторитете в принятии решений. Предложив вновь обратиться к небезызвестной Декларации о независимости киберпространства Джона Перри Барлоу 1996 г., Милтон Мюллер буквально заявил о необходимости борьбы за освобождение и суверенитет *интернет-нации*, которая сможет на равных говорить с государствами стран. Не совсем ясно, кого именно Милтон Мюллер включает в эту нацию, как она будет управляться, развиваться и т. п., но главный послышен — у нее будет политический вес, а ключевые решения по управлению интернетом должны быть надгосударственными.

По прошествии всего полугодия после этого выступления очевидно, что для либертарианского подхода к управлению сетью наступают сложные времена, тогда как то, что в западной терминологии называется *multistakeholder approach*, подвергается все большему давлению с возрастанием роли национальных правительств в управлении глобального интернета, причем в том числе ряда европейских государств. Сейчас сценарий Милтона Мюллера звучит утопично, так как в ближайшей перспективе нас, скорее всего, ждет дальнейшая суверенизация и более ярко выраженная фрагментация киберпространства на национальные сегменты. При этом если раньше наибольшее беспокойство вызывала сегментация глобального контента, сегодня этот процесс перемещается на базовые уровни, а это представляет реальную угрозу для связности того, что мы привыкли звать *глобальным интернетом*.

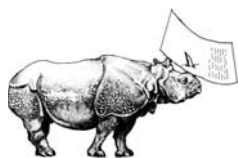
Примечания

¹ *Digital Millennium Copyright Act* — закон США об авторском праве в цифровую эпоху. Подробнее см.: THE DIGITAL MILLENNIUM COPYRIGHT ACT OF 1998. U. S. Copyright Office Summary. December 1998. <http://www.copyright.gov/legislation/dmca.pdf> (последнее посещение — 21 января 2015 г.).

² *The Future of the Internet and How to Stop It*, Jonathan Zittrain, Yale University Press & Penguin UK 2008. <http://yupnet.org/zittrain/archives/13> (последнее посещение — 21 января 2015 г.).

³ Принцип регулирования провайдеров связи, обеспечивающий недискриминационный подход к контенту, приложениям, сайтам, платформам и т. п.

⁴ Как известно, существуют компании, занимающиеся управлением репутации личностей, компаний, брендов через управление результатами поиска о них в главных поисковых системах интернета.

Олег Демидов

О ПЕРЕХОДЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ К ШЕСТОМУ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ УКЛАДУ ЧЕРЕЗ ОБОРОННЫЙ КОМПЛЕКС¹

В конце 2013 г. заместитель председателя правительства Российской Федерации Д. О. Рогозин опубликовал статью «Робот встанет под ружье». В ней председатель Военно-промышленной комиссии при Правительстве РФ обращает пристальное внимание не только на проблемы оборонного комплекса, но и на вопросы стратегирования развития российской экономической модели в целом. Озвученные Д. О. Рогозиным тезисы не выглядят конъюнктурными, предназначенными для лоббирования какой-либо конкретной политической инициативы. Проблема рассматривается сама по себе и всерьез. Некоторое время это не было нормой — текущие проблемы и телодвижения политико-административного механизма, типа военной реформы, по большей части перекрывали и оттесняли дискуссию о долгосрочном стратегировании развития российского оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Еще меньше внимания уделялось комплексной взаимосвязи развития оборонного сектора с общеэкономическими тенденциями и преодолением отсталости в технологической сфере в целом как в национальном вызове России.

Появление статьи Д. О. Рогозина можно интерпретировать как иллюстрацию того факта, что российская управленческая элита, в первую очередь занятая в сфере национальной безопасности и обороны, рекультивирует у себя ощущение ответственности за стратегическую перспективу развития. Неслучайно именно *оборонка* первой отражает эту тенденцию как отрасль, где стратегическое планирование на десятилетия вперед является необходимостью и неизбежным форматом планирования. В экономической и политической подсистемах пока такие тенденции не столь очевидны.

Вместе с тем интерпретировать появление такого материала именно сейчас можно и по-другому: осознав тяжесть начинающегося структурного кризиса в экономике и отсутствие реальных стратегий по выходу из него, политическое руководство дает военно-промышленному сектору озвучить свои предложения. Нюанс в том, что речь идет не просто о поиске новых точек экономического роста, а о выходе из структурного тупика, о котором уже прямым текстом говорят Минэкономразвития² и НИУ–ВШЭ³.

ШЕСТОЙ УКЛАД ИЛИ СТРУКТУРНЫЙ КРИЗИС: РОССИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ

В условиях исчерпания нефтегазового фактора роста, а также деградации инфраструктуры топливно-энергетического комплекса (ТЭК), ухудшения ряда конкурентных позиций на глобальном рынке энергоресурсов от сланцевого и сжиженного природного газа (СПГ) до нефтеносных песков, надвигающегося демографического провала — эха 1990-х гг. — и неизбежного старения населения

И
И
А
Т
Е
М
К
О
М
И

Россия рискует окончательно потерять интеллектуально емкие и капиталоемкие ниши в глобальном разделении труда и стать депрессивной сырьевой державой третьего мира. Отдельные высокотехнологичные *оазисы развития* (мирный атом, интернет-сектор, авиакосмические технологии и т. д.) не будут менять общей картины, играя роль подпорок, которые не дают экономической модели окончательно обрушиться.

Потенциальные варианты выхода из тупика ограничены; из них самый обсуждаемый — масштабные политические реформы с целью экономической либерализации, запуска второй волны приватизации в крупном масштабе, а также запуск процессов децентрализации политико-административной модели управления. Такой вариант может быть не приемлем для руководства страны в силу набора политических рисков, которые он в себе заключает. Итак, нужны альтернативы.

Статья «Робот встанет под ружье» может рассматриваться в качестве заявки на формирование такой альтернативы. Ее суть ясно сформулирована в статье — встраивание в перспективное глобальное разделение труда за счет опережающего развития технологий шестого технологического уклада при направляющей и опорной роли военно-промышленного комплекса (ВПК). В итоге мы получаем *технократический* ответ на упомянутый структурный вызов, который не угрожает стабильности политической системы и подразумевает ведущую роль государства в ревитализации экономической модели.

При этом обе вышеизложенные интерпретации причин, обуславливающих написание и публикацию такой статьи, не обязаны быть взаимоисключающими.

БЕЗ СПИН-ОФФ НИКУДА: ОГРАНИЧЕНИЯ ОБОРОННОГО КОМПЛЕКСА КАК ПРОВОДНИКА ПРОРЫВНЫХ ИННОВАЦИЙ

Достоинства предлагаемых Д. О. Рогозиным решений, с одной стороны, несомненны. Сама концепция рывка к шестому технологическому укладу представляет одну из немногих претендующих на жизнеспособность и разумные ориентиры идей российского политического истеблишмента в части формулирования общенациональных долгосрочных ориентиров и стратегий развития. Предлагаемые в статье решения выглядят ярко и объемно не только из-за своих объективных достоинств, но и в силу того, что ложатся на зияющую пустоту в той сфере, проработке которой они посвящены. В этом смысле они заслуживают максимального импульса поддержки и обсуждения со стороны экспертного сообщества.

Параметры и ключевые особенности шестого технологического уклада отражены автором корректно — нет особого смысла вдаваться в детали. Полезнее высветить слабые места и спорные моменты предлагаемой концепции. Ключевой проблемой видится отсутствие достаточных предпосылок для эффекта *спин-офф*, который имел бы достаточные масштабы, чтобы выправить макроэкономические тенденции или конкурентную позицию России на мировой арене. Пока речь идет о ВПК, задачи более или менее решаемы, даже если речь идет о фундаментальных прорывах — успешная работа над гиперзвуковым оружием и перспективный авиационный комплекс фронтовой авиации (ПАК ФА) сегодня тому примером. Отмечая множественные серьезные проблемы: деградацию системы крупносерийного производства в ОПК, *кадровую яму* и многое из того, что вполне справедливо признает сам Д. О. Рогозин, — необходимо подчеркнуть, что при достаточном инвестировании и должном контроле со стороны государства ВПК имеет все шансы приступить к успешному освоению передовых технологий шестого уклада.

Однако ключевая проблема кроется в том, что в отсутствие эффекта *спин-офф* в макроэкономическом масштабе технологические прорывы в оборонной сфере не становятся структурным драйвером развития. А точнее говоря, становятся, но обрекают модель на перекосы и неэффективность. Пример — ВПК СССР, который, будучи одним из самых передовых на планете, играл весьма противоречи-

вую роль в развитии советской экономической модели. В конечном счете он эту модель и подорвал, так как при колоссальных вливаниях не обеспечил возврата инвестиций через гражданский сектор.

Судя по всему, Д. О. Рогозина в его видении проблемы все же несколько сдерживают рамки той отрасли, за которую он отвечает и в которой действует. Так, проблема *технологического барьера*, о которой говорится в статье, в данный момент не особенно остро ощущается в гражданском секторе. Пример — сектор информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), где технологии и рыночные ниши развиваются огромными темпами безо всяких технологических вливаний со стороны военных. Кстати говоря, когда Д. О. Рогозин указывает ВПК в качестве средоточия технологий пятого уклада в России и наиболее динамичного сектора нашей экономики, он игнорирует ИКТ-сектор, который бьет оборонку по темпам роста и уже сопоставим по абсолютным объемам.

Более того, сегодня вопрос не ограничивается проблемой обеспечения должного масштаба *спин-офф-эффекта*: по мнению многих, меняется магистральная последовательность технологического трансфера: из *военно-гражданского* он становится *гражданско-военным*. Хрестоматийный пример с ARPANET, от которого до интернета было еще как до Луны, остался в 1960-х гг., с тех пор как минимум исчез фактор холодной войны, заставлявший направлять передовые разработки на нужды ВПК. Сегодня военные тянут оптоволокно, подключаются к облачным сервисам и говорят по мобильным и коммуникаторам — все это создано частным гражданским бизнесом и корпоративными НИИ. Практически так же ситуация обстоит с биоинженерией, биоинформатикой, мембранными и нанотехнологиями, а также графеновыми разработками и работами в области термоядерного синтеза. Доля оборонных лабораторий в подобных исследованиях не столь уж велика и продолжает сокращаться естественным образом.

Наконец еще один принципиально важный момент — Д. О. Рогозин весьма четко обозначает смену технологического уклада и спектра технологий, которые будут определять глобальные конкурентные позиции стран, но совершенно не учитывают влияние смены технологического уклада на структуру самой экономики. Из статьи может сложиться впечатление, что экономика шестого уклада — это экономика продвинутой индустрии, некий футуристичный четвертый уклад. Между тем вот уже 40 лет с момента становления пятого уклада глобальная экономическая структура дрейфует от индустриальной модели к экономике услуг, которая и определяет благосостояние общества во все большей степени. Сегодня, в конце ноября 2014 г., капитализация *Twitter* практически равна рыночной стоимости *Норникеля*; *Facebook* оценивается рынком дороже, чем *Роснефть* и *Газпром* вместе взятые. Более того, одна лишь корпорация *Apple* стоит существенно дороже, чем весь российский фондовый рынок (702 млрд долл. против 520 млрд долл. на 25 ноября 2014 г.).

Это новый магистральный тренд экономики знаний и экономики услуг, и становление следующего технологического уклада ни в коей мере не означает отката от него. В чем здесь может состоять вклад ОПК, не совсем ясно.

РЕЦЕПТ УСПЕХА ПО-ПЕКИНСКИ

В развитие этих мыслей хочется обратить внимание читателя на материал, который никак не связан со статьей Д. О. Рогозина: заметку новостного портала *Lenta.Ru* «Адаптируйся или умри»⁴, представляющую обзор десятого конкурса автодизайна «Биоимикрия и мобильность-2025: ответы природы на человеческие потребности», прошедшего в рамках автосалона в Лос-Анджелесе. Неожиданно для многих триумфаторами конкурса стали китайцы, считающиеся не способными к креативному мышлению и тому, что называется концептуальными инновациями. Необходимо пояснить: в конкурсных работах представлено нечто большее, чем просто передовой дизайн автомобилей. К примеру, представленный китайской компа-

нией JAC Motors концепт HEFEI по сути представляет техногенную экосистему, в которой автомобили, управляемые по смартфонам через Сеть, сами способны вырабатывать энергию, а их завод-производитель, автостоянка и сервис техобслуживания объединены в единую *материнскую станцию*, которая помимо всего прочего выполняет и функцию электростанции.

Несмотря на футуристичность форм и смелость идей, в этих проектах речь идет о технологиях пятого уклада, обогащенных вкраплениями шестого и, таким образом, находящихся на технологическом стыке. Представляется, что именно такая композиция: *пятый уклад+* и *пятый уклад++*, а не шестой уклад, — будет определять глобальные технологические интерфейсы и экономические тренды (а также конфигурацию глобального разделения труда) в перспективе ближайших 10–15, максимум 20 лет. Если программировать общенациональный технологический рывок на генерирование крупного экономического и конкурентного эффекта в более далекой перспективе, страна до нее попросту не доживет. Грубо говоря, 2040 г. сейчас в практическом смысле не слишком интересен, если выйти за рамки ВПК с его специфическими задачами и ряда инфраструктурных областей, не говоря уже про 2050 г.

Эффективность и выживание экономической модели *в целом* определяются успехом разработок, нацеленных на *выстреливание* в рыночном масштабе уже в 2020–2025 гг.

Кроме того, пример китайского успеха показывает, что инновации и технологические прорывы возникают даже там, где они не укладываются в исходную экономическую культуру, при условии:

- готовности и способности перенимать и адаптировать чужие практики и модели на комплексном уровне, не отрывочно;
- достаточного рыночного спроса и сугубо рыночных стимулов к модернизации и опережающему развитию;
- инвестирования в интеллектуальный капитал в транснациональном масштабе, формирования актива и портфелей лучших компетенций независимо от гражданства и национальности их обладателей;
- стратегической государственной поддержки частного капитала на уровне торговой и монетарной политики при минимуме ручного управления крупным капиталом и жесткой административной коррекции бизнес-стратегий.

Опережающее развитие *по Рогозину* может удовлетворять первому условию, однако второй и третий пункты не являются для этой модели заданными характеристиками. Если проблемы вовлечения рыночных механизмов уже были упомянуты, то по третьему пункту надо отметить, что ставка на ВПК как на локомотив развития может стать ограничителем для доступа к передовым зарубежным технологиям и интеллектуальному капиталу. В качестве недавнего примера в самом оборонно-промышленном секторе можно назвать болезненную реакцию на попытки стимулирования отечественного производителя за счет довольно масштабных закупок зарубежной военной техники. Итог общеизвестен. В части привлечения глобального мозгового капитала проблема стоит еще острее — ВПК явно не подходит для решения этой задачи в силу присущих ему ограничений, связанных с соблюдением интересов национальной безопасности.

Наконец обозначенные в четвертом пункте проблемы не являются встроенными рисками, изначально заложенными в государственно-центрической модели технологического рывка. Китай наших дней тому свидетельство. Однако равным образом *рогозинская модель* от этих рисков и не боится. В итоге в условиях консервации основных параметров сегодняшней политической системы высока вероятность воспроизводства этих рисков при попытке форсированного перевода страны к шестому технологическому укладу.

По совокупности условий представляется, что оборонный комплекс как двигатель форсированного опережающего развития может решить эту задачу лишь применительно к самому себе и смежным областям. Сам себя ОПК способен, в рамках логики *парадокса Мюнхгаузена*, *выдернуть за косичку* из обозначившейся ловушки технологической отсталости, а вот всю страну вряд ли.

ИКТ ВМЕСТО ОПК: НАЩУПЫВАЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПУТИ ПРОРЫВА

Что делать, если прорыв через оборонные технологии неочевиден? Рискну назвать одним из ответов для России максимальную концентрацию на развитии ИКТ.

Здесь уместно напомнить, что России как участнику глобального разделения труда присущ ряд конкурентных недостатков, включая достаточно низкую производительность труда в реальном секторе, высокую энергозатратность промышленного производства и логистические издержки производства и торговли в реальном секторе. Сочетание географических, демографических и структурных факторов обуславливает долгосрочный характер этих проблем и невозможность их полного преодоления в течение 10 и даже 20 лет. Отсюда следует вывод о том, что прорыв возможен прежде всего в тех секторах, которые в наименьшей степени зависимы от перечисленных факторов. Из всего известного технологического спектра это прежде всего информационные технологии в широком смысле слова.

Составляющая номер один — интернет-экономика, где структурные перекосы экономики, устаревшая инфраструктура и проблемы транспортной логистики в значительной степени нивелируются, а на первый план выходит чистый фактор интеллектуального капитала. При этом уже сегодня интернет-сектор является мощнейшим и едва ли не последним несырьевым *мотором роста* для российской экономики, объем которого в расширительном смысле с учетом так называемых *интернет-зависимых рынков* по итогам 2013 г. составил более 6,7 трлн рублей, что соответствует приблизительно 10% национального валового внутреннего продукта (ВВП), по данным доклада РАЭК и НИУ ВШЭ «Экономика Рунета 2013–2014 гг.». Эти цифры сопоставимы с размером всего строительного сектора или того же ОПК, которые, в отличие от ИКТ, не растут на 20–25% в год.

Классический пример потенциала интернет-экономики — глобальный рынок приложений для мобильных устройств, который в 2013 г. вырос до 26 млрд долл., вдвое обойдя, например, российский военный экспорт, а к 2018 г. он рискует обойти по объему всю мировую торговлю оружием (80 млрд долл.). При этом производственные издержки весьма не велики по сравнению с реальным сектором — разработка знаменитого приложения *Angry Birds*, принесшего своим создателям уже более 70 млн долл., обошлась им в 140 тыс. долл.

Это лишь частный пример огромной и стремительно расширяющейся области экономики, где уже назревает ряд *следующих прорывных идей* (*Next Big Things*), которые имеют высокие шансы в перспективе 5–15 лет перевернуть многие сегменты промышленного производства и серьезно укрепить позиции тех игроков, которые быстрее и эффективнее всех овладеют ими в рыночном масштабе. Что это за идеи?

Во-первых, *интернет вещей* (*Internet of Things*) — концепция сети объектов, как промышленных, так и бытовых, оснащенных встроенными возможностями для взаимодействия друг с другом через интернет или иные сети. Ничего от шестого уклада, строго говоря, в этой концепции нет — она уже развивается по мере роста проникновения интернета, развития облачных вычислений, технологий M2M (межмашинного взаимодействия), ускорения глобального перехода на протокол IPv6.

При оптимистичной динамике к 2025 г. *интернет вещей* сможет качественно преобразовать производство, инфраструктурно-логистические процессы и быт в развитых странах. Производственные линии смогут работать в полностью автоматическом режиме, комплектовать и отгружать партии продукции, вести обновление шаблонов и моделей производимой номенклатуры товаров без вмешательства

человека. В меньшей степени процесс затронет работу систем дорожного трафика, беспилотного транспорта, в первую очередь товарного и грузового, инфраструктуры добывающей промышленности, а также сегмент бытовой техники, личного транспорта и персональных гаджетов. Визитной карточкой *интернета вещей* в СМИ стали описания умных бытовых приборов, здесь же можно упомянуть программы беспилотных автомобилей *Google* — все что угодно может в перспективе стать частью межмашинного взаимодействия.

Немного о порядке цифр: по прогнозу одного из лидеров ИТ-рынка, компании *Cisco*, в уже к 2020 г. в *интернет вещей* будут включены 50 млрд устройств, включая 1,5 млрд транспортных средств. За десятилетие — с 2013 по 2022 г. — совокупный экономический эффект *интернета вещей* составит 14,4 трлн долл., что в 5 раз превышает нынешний ВВП России. Универсальность этой концепции позволит применять ее в любых отраслях хозяйства: по данным *McKinsey*, в 2025 г. только в сфере здравоохранения экономический эффект *интернета вещей* составит от 1,1 до 2,5 трлн долл. за счет обширнейшей ниши датчиков для удаленного контроля и диагностики, медицинских микро- и нанороботов и т. д.

Немалый кусок технологического пирога достанется и военным — та же DARPA активно прорабатывает схемы самоорганизующихся групп малых и сверхмалых беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), воплощая идею боевой *разумной пыли*, описанной еще в 1950-х гг. в романах Станислава Лема. Перспективы развития робототехники, прежде всего военной, сегодня все чаще связываются с концепцией *роя*, более гибкого и эффективного, чем одиночный робот в плане самообучения, перераспределения *интеллектуальных* ресурсов, а также более живучего. Межмашинная связь через беспроводную сеть — базовый элемент этой концепции, и он уже доступен.

Конечно, есть и другие *Next Big Things*, связанные с ИКТ — 3D-печать, которая сулит небывалое снижение издержек промпроизводства и его децентрализацию до уровня отдельных домохозяйств. Горизонт 2025 г. — купи 3D-принтер за 50 долл., контейнер полимеров за 500 долл., выбери или закажи онлайн компьютерную 3D-модель — и распечатай себе автомобиль с индивидуальным дизайном за пару дней или новый дом за неделю. И вновь особые перспективы здесь имеет медицинская ниша, а именно 3D-печать тканей, органов и систем органов для пересадки. Кстати, в 2012 г. за эту нишу взялось Минобороны РФ, объявив тендер на проект 3D-печати человеческой почки, к сожалению, безрезультатно.

Есть набирающая размах рыночная ниша технологий дополненной реальности (*Augmented Reality*), пока знакомая россиянам больше по очкам *Google Glass* и онлайн-игре *Ingress*. Ее перспективы включают революцию в мультимедийном секторе, игровой индустрии и СМИ, в образовании, инженерии, спорте — опять же по сути дела где угодно.

Универсальность и индивидуальная доступность перечисленных концепций, причем каждая из них вбирает в себя целый спектр технологий, обеспечивают их потенциально гигантский экономический эффект. В этом залог успеха — прорыв достижим лишь за счет продуктов с максимально емким рынком, внутренним и экспортным. В 2025 г. активными потребителями услуг и товаров на основе *интернета вещей* и других упомянутых концепций должны быть до 40–50 млн россиян и 3 млрд человек в мире. И тогда, если Россия будет осваивать эти технологии наравне с мировыми лидерами или хотя бы генерировать массовый внутренний спрос, эти технологии будут менять нашу макроэкономическую динамику в целом — даже в противофазе циклу цен на сырье. *Size does matter*.

ЧТО НУЖНО РОССИИ ДЛЯ ПРОРЫВА?

Во-первых, воспроизводство и удержание в орбите национальной экономики новых поколений разработчиков *софта*, которых через 10–12 лет нам нужно будет

порядка 1 млн. Сейчас их порядка 350 тыс., но демография и эмиграция серьезно тормозят рост, тогда как США планируют к 2020 г. иметь 4,6 млн разработчиков, а Индия — 5,2 млн. Переход к шестому технологическому укладу в отсутствие мощной национальной прослойки программистов по определению невозможен. Отсюда следует бесспорный приоритет массивных инвестиций: финансовых, кадровых, интеллектуальных, — в техническое образование в России.

Далее, систематическая поддержка ИКТ-инноваций со стороны государства, не ограниченная простой *расчисткой бюрократических барьеров для частного бизнеса и распечатыванием инвестиционных закровов*. Необходимо, чтобы государственная машина сама переориентировалась на проактивную модель работы с новыми возможностями. Управленцам нужно научиться работать с концепциями и технологиями, которые поначалу могут вообще не вписываться в российскую и международную систему нормативно-правового регулирования.

Приведу провокационный гипотетический пример: в 2016 г. Россия выступит с идеей создания международной системы криптовалюты, опосредованный контроль государств над которой обеспечивается за счет высоких ресурсных требований к ее эмиссии. Эмиссия основывается на крайне ресурсоемких моделях вычислений, доступных лишь для топ-30/50/100 мощнейших мировых суперкомпьютеров. Ресурсный порог в сочетании с технологическим решением, обеспечивающим запрет на использование для эмиссии распределенных мощностей, отсекает из числа потенциальных эмитентов рядовых пользователей и малый бизнес, оставляя в игре лишь технологически развитые государства и крупнейшие корпорации. Последним права на эмиссию могут делегироваться менее развитыми государствами по своеобразной системе торговли *квотами на эмиссию*.

Идея противоречивая и вызывающая ряд технических и правовых вопросов, но она, во-первых, отвечает общей тенденции трансформации государственного суверенитета в ряде областей, включая финансовый сектор. Во-вторых, Россия может стать одним из главных бенефициаров такой системы, решив задачу, которая стоит перед рублем, безуспешно претендующим на статус свободно конвертируемой валюты. Что важно, Россия располагает определенным заделом в части национальной суперкомпьютерной базы, а в случае воплощения в жизнь криптовалютной системы эта отрасль получит мощный стимул к развитию. Кроме того, глобальная эмиссия на базе компьютерных вычислений попутно тянет за собой отрасль криптографии (в которой Россия также достаточно сильна), стимулирует рост прикладных задач ресурсоемкого суперкомпьютерного моделирования и подстегивает конкуренцию за освоение передовых моделей вычислений, включая квантовые вычисления.

Вопрос состоит в том, рискнет ли государство в погоне за асимметричными преимуществами отринуть консервативные установки и пойти в авангарде освоения технологий, существующих в «серой зоне» международного и национального права (как и *Bitcoin* сегодня).

Последний компонент, который требуется России для реализации прорыва за счет ИКТ-отрасли, — люди, способные генерировать стратегическое видение такого прорыва и направлять его. Помимо рекрутирования лучших собственных кадров, государству нужно будет ради успеха допустить к *рычагу* передовой интеллектуальный капитал из частного сектора. Здесь можно упомянуть Ю.Б. Мильнера, совладельца фонда *DST Global*, и Д.С. Гришина, основателя компании бытовой робототехники *Grishin Robotics*, бывшего коллеги Мильнера по *Mail.Ru Group*.

Наконец для концентрации на прорыве государству потребуется структура с более широкими полномочиями и сферой ответственности, нежели Фонд перспективных исследований в его сегодняшнем виде. Речь не должна идти об очередном громоздком мегарегуляторе — скорее, нынешний *технологический хищник* должен быть усилен ресурсами, выведен из-под ряда бюрократических барьеров,

повышен в статусе, эффективно состыкован с частным капиталом и ведущими научно-исследовательскими структурами, включая зарубежные. Безопасность безопасностью, но без глобальных мозгов на прорыв не выйти даже в масштабе отдельно взятой страны.

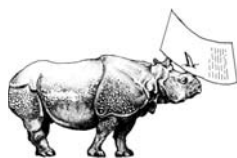
Примечания

¹ Данный материал является комментарием к статье Д. О. Рогозина «Робот встанет под ружье», которая была опубликована на интернет-портале *Российская газета* 22 ноября 2013 г. <http://www.rg.ru/2013/11/22/tehnologii.html#comments> (последнее посещение — 11 февраля 2015 г.).

² См.: Кувшинова О. Россия готовится к десяти тощим годам. *Ведомости*. 2013, 7 ноября, <http://www.vedomosti.ru/finance/news/18435801/rossiya-gotovitsya-k-desyati-toschim-godam> (последнее посещение — 11 февраля 2015 г.).

³ Экономике России ждут 10 «тощих» лет, свидетельствует доклад ВШЭ. *РИА Новости*. 2013, 6 ноября, <http://ria.ru/economy/20131106/975022908.html> (последнее посещение — 11 февраля 2015 г.).

⁴ Мирошкин Александр. Адаптируйся или умри. *Мотор*. 2013, 27 ноября, <http://motor.ru/articles/2013/11/27/biomiscia/> (последнее посещение — 11 февраля 2015 г.).

Евгений Мясников

КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ: ПРОБЛЕМА НАСТОЯЩЕГО

Контроль над вооружениями переживает сложные времена. Мысли о том, что контроль над вооружениями подрывает национальную безопасность России, раздаются в СМИ на протяжении уже более 20 лет, так же как и призывы прекратить выполнение договоров по ракетам средней и меньшей дальности (РСМД), открытого неба, Венского документа, СНВ и даже Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Но никогда раньше не было столь сильного ощущения, что доводы критиков достигают своей цели.

Разумеется, процесс переосмысления роли тех или иных ранее заключенных соглашений является естественным и закономерным. Мир меняется, соответственно, меняются и представления об источниках угроз и необходимых мерах реагирования на них. Многие действующие соглашения, как и ДНЯО, были заключены еще в эпоху холодной войны. Ряд договоров вступил в силу в то время, когда, казалось бы, исчезло идеологическое противоборство, а вместе с ним перестали действовать и факторы, стимулирующие гонку вооружений. Жизнь оказалась сложнее. Продолжали оставаться геополитические факторы, а в последние годы они и вовсе вышли на передний план, определив повестку дня. И в этой связи важно вспомнить о стабилизирующей роли контроля над вооружениями, о том, что после Второй мировой войны и до окончания холодной войны он являлся важным инструментом для сдерживания гонки вооружений и предотвращения конфликтов.

В сегодняшние дни можно также убедиться, что контроль над вооружениями продолжает играть стабилизирующую роль. Более того, в условиях, когда уровень доверия между Россией и ее западными партнерами упал до беспрецедентно низкого уровня, он является чуть ли не единственным инструментом, для того чтобы развеять необоснованные слухи и домыслы и тем самым сдержать дальнейшую деградацию доверия, а в перспективе, возможно, и способствовать заживлению тяжелых ран, нанесенных взаимному конструктивному сотрудничеству России со странами Запада.

В качестве примера приведу международные инспекции, которые осуществлялись в России весной в рамках выполнения Договора по открытому небу, а также в соответствии с Венским документом. Эти инспекции были призваны подтвердить, что Россия не намерена наращивать группировку своих войск вблизи территории Украины и тем более вводить их туда. Известно также, что важную позитивную роль в деэскалации конфликта на Украине играет ОБСЕ, и Россия активно сотрудничает с этой организацией, способствуя нормализации обстановки.

Вероятно, еще не наступило время для новых инициатив в области ограничения и сокращения ядерных вооружений. Во многом повестка дня остается прежней,

И
И
А
Т
Н
Е
М
К
О

Проект ПИР-Центра
«Пути ядерного разоружения»

- Ядерная девятка
- Беспилотные летательные аппараты
- Нестратегическое ядерное оружие
- Контроль над обычными вооружениями в Европе
- Транспарентность ядерных арсеналов и доктрин
- Проблема противоракетной обороны

disarmament.pircenter.org

хотя приходится признать, что *окно возможностей* для ее реализации заметно сузилось.

Необходимо укреплять жизнеспособность ДНЯО, способствуя решению проблем, связанных с ядерными программами Северной Кореи и Ирана, формированию зоны, свободной от оружия массового уничтожения (ЗСОМУ), на Ближнем Востоке, а также развивая конструктивный диалог между ядерными державами в различных форматах.

Следует добиваться скорейшего вступления в силу ДВЗЯИ, а также стремиться к выходу из тупика по проблематике прекращения производства расщепляющихся материалов.

Что же касается двусторонних соглашений, наиболее острая ситуация сложилась вокруг Договора РСМД, и важно предпринять все возможные усилия, чтобы его сохранить. Ряд аргументов

в пользу сохранения этого Договора уже высказывались российскими экспертами¹. Не стану их перечислять. Однако хочу обратить внимание на обстоятельство, которое упоминается сравнительно редко.

Как известно, Россия и США в 2007 г. выступили в пользу того, чтобы к Договору РСМД присоединились и другие страны, но ведь де-факто многосторонним этот договор стал еще в 1991 г., когда Белоруссия, Казахстан и Украина согласились выполнять его положения, взяв на себя в том числе обязательство не создавать и не развертывать ракеты, запрещенные договором. Насколько известно, взятые Украиной обязательства остаются в силе. Конечно, сложно прогнозировать, выживет ли ракетная промышленность Украины в условиях разразившегося кризиса. Однако очевидно, что в отличие от ядерных амбиций, появившихся время от времени у украинских парламентариев, если у Киева и возникнут ракетные амбиции, удовлетворить их будет значительно проще. В техническом отношении соответствующая инфраструктура у Украины существует, а прекращение действия РСМД полностью развяжет руки украинским политикам. Заинтересована ли в этом Россия? Думаю, нет.

Летом 2014 г. США и Россия обменялись взаимными обвинениями в нарушении положений Договора РСМД, а в сентябре 2014 г. в Москве состоялись российско-американские консультации, на которых стороны имели возможность более детально обсудить высказанные друг другу претензии. Несмотря на то что возникшие противоречия не разрешены, сам факт консультаций позволяет предположить, что все-таки существует обоюдное стремление сохранить договор, и, если это предположение верно, консультации можно только приветствовать.

Вероятно, возникшие противоречия вполне разрешимы. Часть из них — в рамках предусмотренной договором Специальной контрольной комиссии (СКК), которая была создана для разрешения споров и согласования мер, необходимых для повышения жизнеспособности и эффективности договора².

Остановлюсь на существовании выдвигаемых претензий. США обвинили Россию в нарушении положений договора³, касающихся крылатых ракет наземного базирования (КРНБ) и пусковых установок этих ракет. Суть обвинений не ясна. Не понятно, идет речь об испытаниях новых КРНБ на дальность более 500 км или об использовании пусковых установок, связанных с незапрещенными КРНБ, для испытаний

крылатых ракет других типов. Американские обвинения фактами не подкреплены, поэтому невозможно судить о причине обвинений США. Хотелось бы надеяться, что диалог окажется более предметным и стороны будут стремиться к тому, чтобы найти взаимопонимание по этой проблеме.

У России к США тоже есть вопросы. Один из них — об использовании баллистических ракет *Геря*⁴, сходных по характеристикам с РСМД. Как известно, ракеты *Геря* использовались американцами в качестве мишеней для испытаний перехватчиков ПРО. Ссылаясь на пункты статей 2 и 7, США рассматривают эти ракеты как разрешенные договором *ускорительные средства*. Российские военные специалисты квалифицируют использование ракет *Геря* в испытаниях ракет ПРО как создание новой ракеты средней дальности. По-видимому, решение этой проблемы по существу состоит в возвращении к диалогу по проблематике ПРО и обеспечении большей транспарентности программы испытаний элементов системы ПРО США.

Вероятно, по этому же пути нужно будет пойти и для того, чтобы разрешить и претензии России, связанные с планируемым размещением пусковых установок (ПУ) Мк-41 в Польше и Румынии в рамках поэтапного адаптивного подхода к развертыванию глобальной ПРО.

Как известно, установки типа Мк-41 являются многофункциональными и используются на кораблях военно-морских сил (ВМС) США для пусков как ракет ПВО и ПРО, так и крылатых ракет морского базирования большой дальности типа *Томагавк*. Известно также, что США развертывали ракеты *Томагавк* в варианте наземного базирования, которые впоследствии были ликвидированы в процессе выполнения Договора РСМД. Более того, пока нет убедительного ответа на вопрос о явных отличительных признаках установки типа Мк-41⁵, планируемой для размещения на суше, от той, что используется на кораблях ВМС США.

Поэтому, с юридической точки зрения, размещение ПУ Мк-41 на суше действительно можно трактовать как нарушение Договора РСМД. Понятны также опасения российских военных и дипломатов. С размещением ПУ Мк-41 в территориальной близости от России будет создана инфраструктура, которую технически можно будет очень быстро приспособить и для размещения ракет, направлен-

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

ГЕННАДИЙ ЕВСТАФЬЕВ:

Ведущие в США работы в области БПЛА, особенно т.н. «БПЛА тяжелого типа», будут иметь в долгосрочном плане большой дестабилизирующий эффект. В самом деле, мы являемся свидетелями появления ударного оружия в новом классе вооружений беспилотных боевых авиационных летательных аппаратов, которые вскоре по своему боевому потенциалу могут сравниться с уже существующими оперативно-тактическими и стратегическими авиационными и ракетными системами. В сочетании это создаст предпосылки для формирования новой парадигмы в средствах вооруженной борьбы, особенно в контексте перехода к высокоточному оружию. Представляется, что тенденции в повышении потенциала т.н. тяжелых БПЛА таковы, что в обозримом будущем этим машинам будет по силам доставлять в заданные районы мира аппараты на «иных физических принципах», что откроет немалые новые возможности для систем глобальной ПРО, особенно в том, что касается перехвата ракет на т.н. разгонном этапе полета.

Распространение беспилотных летательных аппаратов – нарастающая угроза безопасности. *Ядерный Контроль*. № 2 (76), 2005. С.61.

ных по наземным целям, будь на то политическое решение США и их союзников по НАТО.

Кроме перечисленных, Россия также высказала претензии в отношении производства в США вооруженных беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), которые могут подпадать под определение КРНБ, содержащееся в договоре. Тут нужно понимать, что в тот период, когда проходили переговоры по Договору РСМД, никто, конечно, не предполагал, что технологии получат столь стремительное развитие и на рубеже XX и XXI столетий появятся боевые БПЛА. Любопытно, что Пентагон на начальном этапе сопротивлялся лоббистам из военно-воздушных сил США, продвигавшим эти технологии и не разрешал проведение демонстрационных экспериментов по применению оружия с БПЛА на том основании, что такие действия могут рассматриваться как нарушение Договора РСМД. В результате победили военные технологии и появились такие боевые беспилотники, как *Рипер*, который, кстати, способен доставлять боевую нагрузку до 680 кг на дальность более 1800 км, а планируемые боевые БПЛА будут иметь еще более впечатляющие характеристики.

Какой здесь может быть выход? Учитывая, что планы развития боевых БПЛА есть не только у США, но и у России, наверное, имеет смысл подумать о том, чтобы разграничить категории КРНБ и боевых БПЛА в Договоре РСМД.

Каким образом это сделать, решать, конечно, экспертам Министерства обороны и МИДа совместно с их американскими коллегами, но ряд идей на этот счет уже высказывался экспертами⁶, а исчерпывающим решением проблемы было бы достижение соглашения, которое бы регламентировало допустимые рамки для развертывания и применения отдельно категории боевых БПЛА. В таком соглашении могли бы содержаться ограничения на технические характеристики, количество, базирование, вооружение и порядок использования боевых БПЛА. 🐾

Примечания

¹ См. например: Арбатов Алексей. Семь раз отмерить. *Независимое военное обозрение*. 2013, 2 августа, http://nvo.ng.ru/armament/2013-08-02/1_7times.html (последнее посещение — 16 февраля 2015 г.).

² Комментарий МИД России в связи с американскими обвинениями в нарушении российской стороной Договора о РСМД. 30 июля 2014 г., http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/E87CDC11A21A0F7644257D25005F8D11 (последнее посещение — 16 февраля 2015 г.).

³ Adherence to and Compliance With Arms Control, Nonproliferation, and Disarmament Agreements and Commitments. U. S. Department of State. 31 July 2014, <http://www.state.gov/t/avc/rls/rpt/2014/230047.htm> (последнее посещение — 16 февраля 2015 г.).

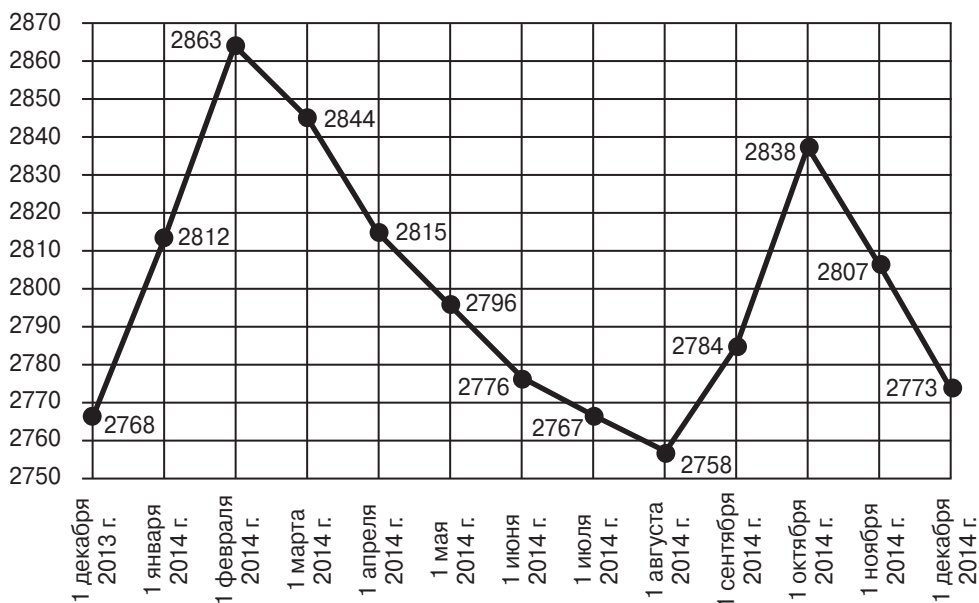
⁴ Подробнее см.: Хромов Геннадий. Использование ракеты *Геря* — нарушение договора РСМД, 20 ноября 2000 г., <http://www.armscontrol.ru/start/rus/exclusive/gkk1120.htm> (последнее посещение — 16 февраля 2015 г.).

⁵ См.: Thielmann Greg. Moving Beyond INF Treaty Compliance Issues. *Arms Control Now*. 2014, 5 September, <http://armscontrolnow.org/2014/09/05/moving-beyond-inf-treaty-compliance-issues/> (последнее посещение — 16 февраля 2015 г.).

⁶ См. например: Gormley Dennis M., Speier Richard. Controlling Unmanned Air Vehicles: New Challenges. *The Nonproliferation Review*. Summer 2003, <http://cns.miis.edu/npr/pdfs/102gorm.pdf> (последнее посещение — 16 февраля 2015 г.).

График 1. Индекс международной безопасности iSi в 2014 г.

↪ **Галия Ибрагимова, Евгений Бужинский, Дайан Джаятеллека, Сержио Дуарте, Пал Дунай, Николай Злобин, Халил Каравели, Андрей Кортунув, Сехларе Макгетланенг, Абдулазиз Сагер, Евгений Сатановский, Фарход Толипов, Нандан Унникришнан, Мустафа Фетоури, Константин фон Эггерт. ИНДЕКС ISI ЗА 2014 год.: ОТ МАЙДАНА ДО ГОНКОНГА. ТРЕНДЫ 2014 г. СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

ОТ МАЙДАНА ДО ГОНКОНГА. ТРЕНДЫ 2014 г. СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹

В прошедшем году с безопасностью в мире стало хуже: украинский кризис не был разрешен и перерос в вооруженное противостояние на Донбассе; вхождение Крыма в состав России вызвало критику Запада и принятие санкций против Москвы. В мире заговорили о начале новой холодной войны. Появление радикальной группировки *Исламское государство* усугубило ситуацию на Ближнем Востоке и в Африке.

УКРАИНА

Военно-политическое противостояние на юго-востоке Украины в 2014 г. было главным дестабилизирующим фактором для европейской безопасности и безопасности постсоветского пространства. В январе-феврале в Киеве шли ожесточенные столкновения правоохранительных органов с демонстрантами, требующими подписать Соглашение об ассоциации с ЕС. 21 февраля Виктор Янукович и лидеры оппозиции — Олег Тягнибок, Vitaliy Klichko и Арсений Яценюк — достигли согла-

 Андрей Кортунوف (Россия), генеральный директор Российского совета по международным делам — по телефону из Москвы:

Состояние безопасности России в 2014 г. зависело от развития украинского кризиса. Результатом этого кризиса стало не только военное противостояние в Донбассе, но и резкое обострение отношений России и Запада.

В 2015 г. главными проблемами станут Украина и влияние антироссийских санкций на российско-американские отношения. Способность или неспособность вовлеченных сторон начать деэскалацию украинского конфликта и определить статус регионов на юго-востоке страны окажет определяющее влияние на региональную и глобальную безопасность. Оснований для оптимизма в двусторонних российско-американских отношениях я также не вижу. Главным вопросом 2015 г. станет даже не то, плохими или нейтральными будут отношения между Москвой и Вашингтоном, а то, насколько плохими они будут. Важно не допустить углубления кризиса и стараться поддерживать диалог. Тем более что он возможен по таким вопросам, как противодействие терроризму, предотвращение распространения ОМУ, переговоры по ядерной программе Ирана, ситуация в Сирии. Вопросы экологии и изменения климата также могут стать точками осторожного соприкосновения России и Запада в новом году. Но ожидать, что при нынешней администрации Барака Обамы российско-американские отношения могут стабилизироваться, не стоит.

ISI Евгений **Бужинский (Россия)**, председатель Совета ПИР-Центра, генерал-лейтенант (запаса) — по телефону из Москвы:

Государственный переворот на Украине и последовавшие за ним события: воссоединение Крыма и гражданская война в Донбассе, — главные события 2014 г. Политику безопасности России в 2015 г. будет определять ход событий на юго-востоке Украины. Пессимистичный сценарий не исключает начала войны между Россией и Украиной, а в дальнейшем — столкновений России и НАТО. Такой поворот возможен, если украинская *партия войны* вознамерится силой решить проблему самопровозглашенных ДНР и ЛНР или ополченцы возобновят военные действия, пытаясь прорвать экономическую блокаду. России при любом из этих сценариев будет трудно сохранить позиции нейтрального наблюдателя, особенно если встанет вопрос о военном поражении самопровозглашенных республик.

Успех или неудача международной коалиции в борьбе с *Исламским государством* будет определять положение в мире и на Ближнем Востоке. Не исключена наземная операция США против исламистов, что, соответственно, приведет к мобилизации всех радикальных исламистских группировок в борьбе с ненавистными им американцами.

шения об урегулировании кризиса. Однако 22 февраля парламент страны проголосовал за отставку Януковича и освобождение из тюрьмы бывшего премьер-министра Юлии Тимошенко. Спикер Рады Александр Турчинов стал исполняющим обязанности президента страны. 21 марта временное правительство подписало политическую часть Соглашения об ассоциации с ЕС. В Крыму 16 марта на референдуме о статусе полуострова большинство жителей проголосовали за присоединение к России. 18 марта президент Владимир Путин подписал закон о принятии Крыма и Севастополя в состав России и об образовании новых субъектов федерации. США и Евросоюз выступили за территориальную целостность Украины и ввели против России санкции.

Военно-политическое противостояние на юго-востоке Украины в 2014 г. было главным дестабилизирующим фактором для безопасности Европы и постсоветского пространства

В апреле на Донбассе усилились митинги с требованием федерализации страны; власти в Киеве обвинили Москву в поддержке протестующих на юго-востоке Украины и начали силовую операцию по подавлению протестов. Ожесточенные столкновения летом шли в Славянске, Мариуполе, Краматорске. 17 апреля в Женеве на переговорах России, США, ЕС и Украины был согласован план выхода из украинского кризиса. 25 мая на внеочередных президентских выборах победу одержал Петр Порошенко. 7 июня он вступил в должность президента Украины.

17 июля в Донецкой области был сбит пассажирский самолет *Boing-777 Малайзийских авиалиний*, погибли 298 человек; воюющие стороны обвинили в содеянном друг друга. ЕС и США ввели санкции против России, что привело к падению курса рубля на валютном рынке. 5 сентября в Минске на заседании контактной

ISI Николай **Злобин (США)**, президент Центра глобальных интересов — по телефону из Вашингтона:

Для США главным событием уходящего года стало появление новой серьезной угрозы — *Исламского государства*. В американских экспертных кругах признается, что США, поддерживая различные повстанческие группировки на Ближнем Востоке с начала *арабской весны*, сами способствовали возникнове-

нию ИГ. Иначе говоря, тактически правильные решения привели к стратегическим просчетам, за которые теперь Вашингтон вынужден нести ответственность.

В 2015 г. главной задачей американской внешней политики станет сохранение единства западного мира по всем международным вопросам, включая санкции против России, продолжение функционирования *большой двадцатки* и *большой семерки*, борьбу с Эболой, совместное реагирование на вызовы Юго-Восточной Азии. Если это единство удастся поддержать в течение всего нового года, это можно будет расценивать как внешнеполитический успех США.

Глобальной тенденцией в сфере безопасности в 2015 г. станет способность мирового сообщества решать региональные конфликты, аналогичные украинскому. В мире научились решать глобальные проблемы: поддерживать ядерную безопасность, противостоять изменениям климата, но урегулировать региональные конфликты по-прежнему не могут. Кризис на Украине показал, что глобальная система безопасности все это время существовала в рамках холодной войны. Подобный региональный кризис может произойти в любой другой точке мира, что чревато разрастанием его в затяжную войну с вовлечением мировых ядерных держав.

группы по Украине под эгидой ОБСЕ был подписан план мирного урегулирования. На Донбассе вступил в силу режим прекращения огня. 16 октября Петр Порошенко подписал закон об особом статусе Донбасса. 26 октября на Украине состоялись внеочередные парламентские выборы, а 2 ноября в самопровозглашенных Донецкой и Луганской областях прошли выборы глав и депутатов законодательных собраний. 15 ноября президент П. Порошенко подписал указ об экономической блокаде районов Донецкой и Луганской областей, подконтрольных ополченцам. На Донбассе возобновились бои.

СНГ

Росла напряженность и в других странах СНГ. В январе и июле на границе Киргизии и Таджикистана произошли перестрелки между пограничниками двух стран. В мае в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана имели место массовые беспорядки, сопровождавшиеся столкновениями жителей с органами правопорядка. На границе Армении и Азербайджана, в том числе на линии разделения сторон в Карабахе, в августе произошли перестрелки; стороны обвинили

ISI **Константин фон Эггерт (Россия)**, член Королевского института международных отношений, журналист — по телефону из Москвы:

Украинская революция и разразившийся вслед за ней конфликт между Россией и Украиной стали главными событиями 2014 г. для России и Европы. Не исключая, что в новом году может произойти прямое военное столкновение между Москвой и Киевом. Также

не исключено новое обострение отношений России с Молдавией и Грузией.

Проблемы в российской экономике будут оказывать сильное влияние на внутреннюю и внешнюю политику Москвы. Внутренняя политика предпримет попытки создания новой легитимности для нынешней системы власти. Будут предприниматься действия по дальнейшей нейтрализации гражданского активизма, интернет-активизма и оппозиционной партийной деятельности. Внешняя политика будет подчинена внутренней, а именно сохранению нынешней политической системы в России.

В новом году в мире обострится угроза терроризма, радикального экстремизма, а также резко возрастет конкуренция на глобальных энергетических рынках.

друг друга в нарушении режима прекращения огня. 12 ноября Азербайджан сбил вертолет армянских вооруженных сил.

6 мая 2014 г. представители России, Великобритании, КНР, США и Франции подписали на полях третьего подготовительного комитета обзорной конференции ДНЯО протокол к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. Пятерка ядерных государств взяла на себя обязательства уважать безъядерный статус Центральной Азии.

29 мая Россия, Белоруссия и Казахстан подписали в Астане Договор о создании Евразийского экономического союза.

27 июня Грузия и Молдавия подписали Соглашение об ассоциации с ЕС.

В декабре на парламентских выборах в Молдавии большинство завоевала пророссийская Партия социалистов, но относительное большинство мест в парламенте сохранилось у проевропейских правых партий.

12 сентября в Таджикистане на саммите ШОС был утвержден регламент принятия новых членов.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И АФРИКА

Нестабильность на Ближнем Востоке и в Африке в 2014 г. усугубилась из-за возросшей угрозы в связи с деятельностью радикальной группировки *Исламское государство*. В Сирии в январе-феврале усилилось противостояние между враждующими группировками сирийских повстанцев. 14 февраля в Швейцарии

ISI Пал Дунай (Венгрия), директор Академии ОБСЕ в Бишкеке — по электронной почте из Бишкека:

Кризис на Украине стал главной угрозой европейской безопасности в 2014 г. Он не только пошатнул миропорядок, сложившийся после Второй мировой войны, но и продемонстрировал, что европейское единство — понятие по-прежнему весьма не устойчивое. Есть группа стран, которая стремится разделять единые европейские ценности, а есть те, кто придерживается ценностей, указываемых основными игроками в регионе. Казалось, что уроки Первой и Второй мировых войн научили евроатлантический мир реинтегрировать проигравшие страны в экономический, политический порядок. Но, когда после окончания холодной войны Россия попыталась интегрироваться в демократический миропорядок, это было воспринято Западом как угроза. Россия вскоре осознала это и начала на собственный манер выстраивать порядок вокруг своих границ. Строительство Евразийского союза обозначило черту, когда Москва от слов перешла к действиям. Кризис вокруг Украины стал скорее конфликтом между Россией и Западом — кто вправе формировать ценностные ориентиры для переходных постсоветских стран. Чем дольше продлится этот кризис, тем жестче будет мировоззренческий конфликт между Россией и Европой.

В 2015 г. внешнюю политику и политику безопасности ЕС будет по-прежнему определять ситуация на Украине. Но, думаю, даже если конфликт на юго-востоке страны не будет разрешен, Брюссель начнет снимать санкции с Москвы в силу собственного неустойчивого экономического положения. Первыми будут сняты санкции, затрагивающие сельское хозяйство, которые сильно бьют по европейским экспортерам в Россию фруктов и овощей.

Значимой проблемой нового года станет то, кто возьмется субсидировать экономику Украины. Очевидно, что не Москва. Зато неочевидно — Вашингтон или Брюссель? Украинская экономика весьма не устойчива, что может спровоцировать финансовые трудности в самом ЕС. Для Вашингтона экономика Киева, как и сам кризис на Украине, — вопрос не первой значимости, а потому вряд ли внимание Белого дома будет сосредоточено на этом.

между сирийской властью и оппозицией безрезультатно завершились переговоры по урегулированию кризиса. 4 июня Башар Асад одержал победу на выборах президента; легитимность этих выборов Запад не признал. Летом-осенью резко обострилась военно-политическая ситуация в Ираке. В июне боевики группировки *Исламское государство* захватили города на севере страны и объявили о создании на контролируемой территории исламского халифата. Бои перекинулись в соседнюю Сирию. Власти Ирака объявили всеобщую мобилизацию. 11 сентября президент США Барак Обама представил американскую стратегию борьбы против *Исламского государства* в Ираке и Сирии; Вашингтон приступил к авиаударам по позициям исламистов в Ираке и Сирии. 24 сен-

ISI **Фарход Толипов (Узбекистан)**, директор негосударственного научно-образовательного учреждения Билим карвони (Караван знаний) — по электронной почте из Ташкента:

Для Центральной Азии 2014 г. прошел достаточно безрадостно. В Узбекистане шли приготовления к парламентским и президентским выборам. После них в стране развернется новый политический процесс, что повлияет на безопасность всей Центральной Азии.

После вывода основного воинского контингента МССБ из Афганистана и избрания нового президента Ашрафа Гани в стране складывается новая, пока не до конца ясная, военная и политическая ситуация, что настораживает страны Центральной Азии. Внутрорегиональную повестку в 2015 г. будет определять форсирование институционализации Евразийского союза, которое уже привело к заморозке дискуссий о необходимости центральноазиатской интеграции для решения накопившихся острых региональных проблем.

тября Совбез ООН принял резолюцию о борьбе с международным терроризмом. Происходили столкновения с исламистами в Ливии, Йемене, Нигерии, Ливане.

В июле в ответ на ракетные обстрелы еврейских городов Израиль начал наземную операцию в секторе Газа против боевиков *Хамаса*.

В течение 2014 г. Иран и шестерка международных посредников вели переговоры по ядерной программе Тегерана. Стороны планировали к 24 ноября подписать

ISI **Евгений Сатановский (Россия)**, президент Института Ближнего Востока — по электронной почте из Москвы:

Для Ближнего Востока главным событием уходящего года стал захват боевиками *Исламского государства* в Ираке и Леванте значительной части Ирака и формирование на территории Ирака и Сирии *Исламского государства*. В 2015 г. важной проблемой, формирующей региональную внешнюю политику и политику безопасности, станет противостояние шиитов и суннитов в целом и радикальных салафитов со всеми остальными жителями региона в частности. *Исламское государство* продолжит расширяться, в том числе и на Аравийском полуострове. Иностранцы джихадисты, воюющие за ИГ, объявятся в странах происхождения, в том числе на Западе.

Не следует исключать обострения в новом году ситуации в Афганистане и начала *центральноазиатской весны* с возможным обрушением ряда постсоветских режимов региона.

ISI **Абдулазиз Сагер (Саудовская Аравия)**, председатель Исследовательского центра Залива — по электронной почте из Дубая:

Неспособность международного сообщества согласовать единую политику по отношению к конфликту в Сирии оставалась главной угрозой безопасности для государств Залива в 2014 г. Появление *Исламского государства* и новая волна радикализации Ближнего Востока, которая вернула американских военных в регион, напрямую связаны с неспособностью сдвинуть с мертвой точки сирийскую проблему. Усиление *Исламского государства* нельзя рассматривать как сугубо ближневосточную проблему. Сегодня тысячи иностранных боевиков, в том числе из западных стран, стремятся попасть на региональный театр военных действий, движимые различными целями.

В 2015 г. радикализация Ближнего Востока, особенно молодежи региона, усилится. Это станет самым опасным трендом предстоящего периода.

всеобъемлющее соглашение по ядерной программе, но в ходе переговоров, стартовавших 18 ноября, не смогли согласовать текст соглашения. Основная причина — расхождение позиций сторон о количестве центрифуг, которые дозволено иметь иранцам, а также сроки снятия с Ирана санкций. Было решено продолжить переговоры.

В июле в ответ на ракетные обстрелы еврейских городов Израиль начал наземную операцию в секторе Газа против боевиков *Хамаса*. После серии переговоров 26 августа стороны достигли соглашения о бессрочном перемирии. 24 октября Израиль закрыл доступ верующим к Храмовой горе и начал строительство новых поселений в Иерусалиме.

В Египте 26–28 мая состоялись президентские выборы; победу одержал бывший министр обороны фельдмаршал Абдель-Фаттах ас-Сисси, вступивший в должность 8 июня. В стране имели место столкновения с исламистами и вылазки террористов на Синайском полуострове.

В Турции 30 марта прошли муниципальные выборы; большинство голосов получила правящая Партия справедливости и развития во главе с премьер-министром Тайипом Эрдоганом. 11 августа по результатам состоявшихся президентских выборов Эрдоган стал президентом страны.

Страны ОПЕК в конце ноября решили не сокращать добычу нефти, что привело к падению цен на *черное золото* до \$65 за баррель.

В Нигерии боевики радикальной группировки *Боко-Харам* в течение года совершили серию нападений на различные населенные пункты; были убиты и похищены сотни мирных граждан.

В Афганистане 5 апреля состоялись президентские выборы, на которых ни один из кандидатов не набрал абсолютного большинства. 14 июня в стране прошел второй тур выборов, также не выявивший явного победителя. В сентябре при

ISI Халил **Каравели (Турция–Швеция)**, руководитель проекта по Турции Института по изучению Центральной Азии и Кавказа при Университете Джона Хопкинса — по электронной почте из Стокгольма:

Осада города Кобани на севере Сирии боевиками *Исламского государства* в 2014 г. стала серьезной проверкой истинной мощи этой группировки. Бои за Кобани также показали, насколько глубоко Турция связана с исламистами. Отказ Эрдогана позволить США использовать турецкие авиабазы для нанесения ударов по силам *халифата* подтверждает, что косвенно Анкара всегда поддерживала исламистов. Если бы Кобани не удалось отстоять, то последствия обернулись бы катастрофой прежде всего для самой Турции. Курды на Ближнем Востоке устроили бы мятеж против Эрдогана в Турции за его бездеятельность. Это привело бы к новому витку обострения в Сирии, Ираке, Турции и других государствах региона.

В 2015 г. от способности Ирана и *шестерки* международных посредников принять всеобъемлющее соглашение по ядерной программе Тегерана будет зависеть успех или неуспех военной операции международной коалиции против *Исламского государства*. Иран мог бы помочь мировому сообществу стабилизировать ситуацию в Сирии и Ираке и внести существенный вклад в борьбу с ИГ. Запад, особенно США, уже немало сделали для того, чтобы сделка с Ираном состоялась, но остается решить много недоработанных моментов. Вашингтону следует понять главное: не следует давить на Тегеран и заставлять отказываться от союзнических отношений с Дамаском. Безопасность Ближнего Востока невозможно обеспечить без взаимодействия США и Ирана на условиях *реалполитик*.

посредничестве США президентом был объявлен бывший министр финансов Ашраф Гани.

В мае президент США Барак Обама заявил, что после завершения военной миссии в Афганистане к концу 2014 г. в стране останется 9800 американских военнослужащих для помощи афганской армии в подготовке к антитеррористическим операциям.

В Пакистане летом вспыхнули антиправительственные демонстрации, участники которых требовали отставки правительства Наваза Шарифа, но премьеру удалось удержать власть.

АЗИЯ

12 февраля КНДР и Южная Корея впервые за семь лет провели переговоры на высоком уровне. Но 22 марта Пхеньян провел масштабные испытания ракет малой дальности, запустив их в сторону Японского моря. 31 марта и 19 октября на границе двух стран произошли перестрелки между военными. 7 ноября Южная

ISI **Мустафа Фетоури (Ливия)**, независимый аналитик, журналист — по электронной почте из Триполи:

В Ливии наиболее значимым событием 2014 г. стала борьба исламистов с боевиками других радикальных группировок. Боевики из ливийского города Мисрата между июлем и сентябрем захватили власть, вытеснили демократически избранный парламент в восточный город Тобрук. В стране установилось двоевластие. После вторжения НАТО в Ливию в 2011 г. захват радикалами власти стал самой серьезной угрозой переходным процессам в стране.

Для Ближнего Востока и Северной Африки основными событиями периода стали президентские выборы в Египте и возвращение власти военным. Избрание генерала Абдель-Фаттаха Халиля ас-Сиси президентом означало, что в арабском мире был брошен первый вызов политическому исламу после событий *арабской весны*, когда казалось, что ислам в состоянии стать главной политической идеологией региона. Это событие более значимо, чем появление в регионе *Исламского государства*. Угроза исламизма существовала здесь давно, но в 2014 г. она стала очевидной.

Главной угрозой безопасности для Ближнего Востока и Северной Африки в новом году станет отсутствие сильной государственности в Ливии, Сирии, Ираке, Тунисе. Это приведет к новому витку экспансии терроризма. Терроризм заполнит собой политический вакуум в регионе в пределах южных стран Сахеля.

Израиль продолжит захват палестинских земель. Это означает, что надежды Палестинской автономии создать признанное международным сообществом государство в 2015 г. также не оправдаются.

Корея и США начали регулярные военные учения на юге Корейского полуострова, что вызвало критику КНДР.

В Таиланде зимой-весной продолжились антиправительственные демонстрации. 2 февраля в стране прошли досрочные парламентские выборы, но 21 марта конституционный суд признал их результаты недействительными. 7 мая конституционный суд отстранил Йинглак Чинават от должности премьер-министра. 22 мая в Таиланде совершен государственный переворот; власть в стране перешла к военным.

В Афганистане в результате схода оползня в северо-восточной провинции Бадахшан погибло около 300 человек.

Во Вьетнаме в мае вспыхнули антикитайские демонстрации с требованием вывести китайские нефтяные платформы из спорной акватории в Южно-Китайском море в районе Парасельских островов.

 Сехларе Макгетланенг (Южно-Африканская Республика), глава исследовательской программы управления и демократии Института южноафриканских исследований Африки — по электронной почте из Претории:

Для Южной Африки главным событием уходящего года стало формирование и усиление оппозиционных политических партий, противостоящих Африканскому национальному конгрессу. Примечательно, что многие из этих оппозиционно настроенных сил сами ранее были членами конгресса. Формирование оппозиции свидетельствует о том, что политика правительства ЮАР не соответствует ожиданиям избирателей и неэффективно воплощает политические и экономические реформы.

В 2015 г. следует ожидать снижение роли Африканского союза в решении проблем африканского континента. Неэффективность деятельности этого союза связана с отсутствием государственности или ее нелегитимностью в большинстве стран, составляющих этот союз. Большинство африканских режимов нацелены лишь на обогащение верхушки власти, но не на улучшение ситуации в стране. Особенно плачевно положение дел в странах Западной Африки, которые погрязли в череде гражданских войн и эпидемий.

Эпидемия Эболы, ставшая серьезной угрозой международной безопасности в 2014 г., продолжит убивать людей в различных странах и континентах и в 2015 г. Мировое сообщество не сможет справиться с эпидемией до тех пор, пока не придет понимание, что болезнь имеет четкое политическое измерение. Эбола свирепствует в Сьерра-Леоне, Либерии, Гвинеи — в странах, где давно и безнадежно идут гражданские войны. Все эти войны сопровождаются гуманитарными катастрофами и бедствиями миллионов людей. Отсутствие гигиены, медицины, адекватных экономических и социальных условий ведет к возникновению опасных вирусов, и Эбола — лишь небольшая их часть.

В Гонконге в сентябре-декабре происходили столкновения между полицией и демонстрантами, требующими демократизации выборов. Власти острова провели переговоры с протестующими, но отказались реформировать избирательную систему.

В Китае в начале ноября состоялся очередной саммит АТЭС.

В Индии в апреле-мае прошли парламентские выборы — победу одержала националистическая *Бхаратия джаната парти*. Ее лидер Нарендра Моди стал премьер-министром страны.

Теракты в 2014 г. были совершены в Ираке, Пакистане, Афганистане, на Синайском полуострове, в Египте, Ливии, Йемене, Сомали, Ливане, Сирии, Таиланде, Нигерии, Индии, Китае, Кении, России.

ISI Нандан Унникришнан (Индия), директор по евразийским исследованиям, старший научный сотрудник Исследовательского фонда *Obsever* — по телефону из Нью-Дели:

Для Индии главным событием 2014 г. стал приход к власти лидера правой националистической *Бхаратия джаната парти* Нарендры Моди. От нового правительства ожидают улучшения социально-экономической ситуации в стране и обновления курса во внешней политике. Спустя полгода деятельности нового правительства сложно оценить его эффективность, но можно говорить о появлении новой конструктивной энергии, нацеленной на улучшение всех сфер жизнедеятельности индийского общества. Активизировалось сотрудничество с соседними по региону Южной Азии странами. Моди начал активно развивать отношения с США, Китаем, Россией, стремясь привлечь в страну новые инвестиционные проекты. В 2015 г. Барак Обама посетит Индию в День республики. Американских лидеров не приглашали на празднование этой знаменательной для Индии даты с 1947 г. Это свидетельствует о серьезном намерении Дели усилить вовлечение США в южноазиатский контекст развития. Несмотря на территориальные проблемы с Китаем Индия надеется, что экономическое сотрудничество двух стран удастся усилить в новом году. Предпосылки для развития отношений Индии и России есть, но они не всегда воплощаются в реальность. Сотрудничество с Москвой реализуется пока только в военно-технической области. Экономические связи развиваются не особенно активно в силу отсутствия у двух стран общей границы. Развивать торговые отношения с Москвой в отсутствие необходимых транспортных коммуникаций по-прежнему сложно. Пакистан не идет навстречу и не пытается развивать региональную логистику через свою территорию.

Большие надежды Индия в новом году связывает с деятельностью ШОС. Организация могла бы в некотором смысле стать правопреемником США для стабилизации ситуации в зоне Афганистан–Пакистан. Речь идет не о военной поддержке этих двух стран, а скорее об экономической. Поствоенная стабилизация Афганистана немыслима без развития экономики. Страны ШОС могли бы начать инвестировать в экономику Кабула и Исламабада. Индия готова поддержать ШОС в этом направлении, особенно если в 2015 г. мы станем полноправным членом этой организации.

ЕС и США

Недовольство экономической политикой властей по-прежнему оставалось основной причиной социальных возмущений в странах ЕС в 2014 г. Антиправительственные акции протеста зимой-весной проходили в Болгарии, Италии, Греции, Испании, Франции, Великобритании. 22–25 мая в государствах ЕС прошли выборы в Европарламент созыва 2014–2019 гг. Центристские проевропейские пар-

IS **Дайан Джаятеллека (Шри-Ланка)**, бывший посол Шри-Ланки во Франции, постоянный представитель Шри-Ланки при ЮНЕСКО — по электронной почте из Коломбо:

Для Южной Азии важным событием 2014 г. стало избрание премьер-министром Индии Нарендры Моди, обозначившее новую важную тенденцию — возрождение Индии в качестве важного центра мирового порядка.

В 2015 г. усилится соперничество между США, Китаем и Индией в азиатском регионе и в целом в Индийском океане. Россия и Китай укрепят свои позиции новых экономических, геополитических и геостратегических центров, противостоящих Западу. Вашингтон продолжит политику давления на Москву и военную операцию против боевиков *Исламского государства*, но оба плана окажутся нежизнеспособными.

тии получили устойчивое большинство, но ультраправые силы показали высокий результат.

На прошедших 5 ноября промежуточных выборах в Конгресс США победили республиканцы. В американском городе Фергюсоне осенью вспыхнули массовые беспорядки, перекинувшиеся на другие города страны, после того как был оправдан полицейский, застреливший в августе чернокожего подростка.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

В 2014 г. в некоторых государствах Латинской Америки сохранялась неустойчивая ситуация. В Венесуэле в течение года проходили антиправительственные демонстрации. В Бразилии в феврале демонстрация крестьян с требованием проведения аграрной реформы переросла в масштабные столкновения с полицией. В Чили в августе манифестации студентов с требованием реформ в сфере образования переросли в массовые беспорядки. В Мексике в октябре прошли акции протеста с требованием найти студентов, пропавших 26 сентября во время демонстрации против реформы образования.

КАТАСТРОФЫ И АВАРИИ

Природные катастрофы и техногенные аварии также оказывали негативное влияние на безопасность в мире. Пассажирский самолет, следовавший из Малайзии в Китай, 8 марта пропал с экранов радаров; на его борту находились 239 человек. В Южной Корее в апреле в результате крушения парома погибли более 200 человек. В Афганистане в результате схода оползня в северо-восточной провинции Бадахшан погибли около 300 человек. В Турции в мае на угольной шахте произошла авария, погибли около 300 человек; трагедия привела к массовым антиправительственным протестам. Вспышка лихорадки Эбола в Западной Африке стала причиной смерти около 6 тыс. человек.

Галия Ибрагимова

ISI **Сержио Дуарте (Бразилия)**, бывший посол Бразилии в ряде стран, включая Австрию, Китай, Канаду и Никарагуа, бывший высокий представитель ООН по вопросам разоружения — по электронной почте из Белу-Оризонте:

Президентские выборы в Бразилии, состоявшиеся в октябре 2014 г., стали значимым событием для Южной Америки. Победа на них Дилмы Русефф означала, что тенденция конструктивного сотрудничества между странами Латинской Америки и карибского региона будет продолжена.

Обострение взаимоотношений между двумя самыми крупными ядерными державами — США и Россией — из-за кризиса на Украине будет главной угрожающей тенденцией 2015 г. для мира и, опосредованно, для Южной Америки. Негосударственные акторы в лице террористических и исламистских группировок на фоне глобальной волатильности могут заполучить опасные технологии ОМУ, что усилит нестабильность в мире. Поэтому важно создавать новые верифицируемые и юридически обязательные соглашения, которые бы способствовали сокращению ядерного оружия и технологий у России и США, Индии и Пакистана, КНДР, Южной Кореи и Японии.

Позитивно на глобальную безопасность 2015 г. могло бы повлиять принятие нового и реально работающего международного соглашения по изменению климата.

Примечание

¹ Первоначальный текст обзоров был опубликован в журнале *Коммерсантъ Власть*: От Майдана до Гонконга. *Коммерсантъ Власть*. № 50 от 22.12.2014. С. 28. Что ждет мир в этом году. *Коммерсантъ Власть*. № 2 от 19.01.2015. С. 36.

Евстафьев Д.Г. Интегрированные коммуникации как глобальная реальность XXI века. 500 тезисов об интегрированных коммуникациях (попытка политологической деконструкции и научного хулиганства). М.: ЭРА, 2013. 652 стр.

Рецензия — Вячеслав Трубников

Монография Д. Евстафьева анонсирована как *научное хулиганство*. И это отчасти верно, но только отчасти. В современной науке, склонной к постмодернистским зигзагам, под *хулиганством* понимают скорее форму, нежели содержание. В данном случае *хулиганство* автора отражается в том, что книга провоцирует на дискуссию, на спор, возвращая в научный оборот формулы, которые, кажется, мы уже стали забывать. Слишком много мы по долгу научных работников, да и просто интересующихся политикой и социологией видим толстых томов, прочтение которых не вызывает никаких эмоций, тем более не провоцирует научные споры.

Книга, которую мы рассматриваем, ценна уже хотя бы тем, что является первым серьезным научным исследованием, в котором обосновывается и формулируется само понятие *интегрированные коммуникации*. Мы часто слышим его, употребляем сами, но не всегда задумываемся о том, что стоит за этим словосочетанием. Можно спорить, дополнять и корректировать авторскую трактовку данного понятия, но отрицать ту базу, на которой эта трактовка выстроена, будет очень сложно, если вообще возможно.

Книга Д. Г. Евстафьева — не для читателя в вагоне метро, ищущего, как убить время в пути. Ее смысл, провоцирующий на вопросы и возражения, ее язык, временами академически тяжелый, а временами вызывающе вычурный, погружают читателя в содержание с головой, особенно читателя, хотя бы мало-мальски связанного с коммуникациями, не говоря уже о специалисте в этой сфере. Для меня как для человека, не чуждого современной международной политике, книга интересна тем, что весьма органично вписывает коммуникации в контекст тех геополитических изменений, которые мы наблюдали в последние 25–30 лет. Коммуникации в представлении автора — и в этом я с ним полностью солидарен — не сфера абстракций, а вполне предметная и, если хотите, прикладная область, конкретное содержание которой тесно переплетается с другими сферами человеческой деятельности: политикой, социальными отношениями, технологиями. Думаю, в той части книги, в которой говорится о геополитических истоках интегрированных коммуникаций, содержится достаточно оригинальных и интересных мыслей, наблюдений и выводов, из которых есть, что почерпнуть и международникам.

Увлекательна и потому особенно спорна в авторском изложении трактовка взаимоотношений *креативного класса* и *нового среднего класса* в преломлении к роли коммуникаций. Не сомневаюсь, что эта трактовка вызовет много возражений, что, кстати, только добавит книге позитива и удовлетворит авторское эго результативной *провокацией* (далеко не единственной в этом объемном труде), а заинтересованного читателя — возможностью попробовать роль *ниспровергателя* взглядов весьма изощренного *полемиста*, каким предстает в своей книге Д. Г. Евстафьев. Постановка им вопроса о том, что интегрированные коммуникации являются

инструментом эксплуатации, равно как и носителем идеологического компонента, является хотя и спорным, но привлекательным *пилотным* тезисом.

По книге видно, что она написана человеком, имеющим практический опыт работы в информационном пространстве. Это, очевидно, добавляет вес к основным достоинствам книги и ставит ее над заурядной попыткой теоретизирования на темы институтов коммуникаций. Неслучайно, как кажется, автор столь резко противопоставляет *коммуникацию* и *действие*, с чем, однако, тоже очень хочется поспорить.

Так что, совет политологам, социологам, да и международникам: читайте, размышляйте, не соглашайтесь, спорьте! 🐘

Дилеммы Британии: поиск путей развития / Под ред. Ал. А. Громыко (отв. ред.), Е. В. Ананьевой. М.: Весь мир, 2014. 480 с.

Новая коллективная монография ведущих отечественных ученых-англоведов Ал. А. Громыко, Е. В. Ананьевой, Н. К. Капитоновой, С. П. Перегудова, Е. С. Хесина и ряда других, изданная в рамках совместного проекта Института Европы РАН и Российского совета по международным делам, посвящена ключевым тенденциям современного развития Великобритании.

Начало 2010-х гг. для Соединенного Королевства выдалось непростым. Продолжающаяся стагнация в британской экономике (к слову, на конец 2013 г. британский ВВП так и не достиг показателей докризисного 2007 г.) породила многочисленные дискуссии о путях стимулирования экономического роста и сокращения государственных расходов. В 2010 г. впервые за последние полвека было сформировано коалиционное правительство (в составе консерваторов и либерал-демократов). И хотя прогнозы скорого распада коалиции не оправдались, принципиальных разногласий едва ли стало меньше, и решение многих насущных проблем оказалось осложнено, а порой и просто невозможно. Еще более остро встал вопрос о будущем общества благосостояния, национальной и миграционной политике. Авторы последовательно освещают эти и многие другие аспекты в разделах, посвященных проблемам политического, экономического и социального развития, что особенно актуально в преддверии очередных парламентских выборов, запланированных на май 2015 г.

Особенно подробно в монографии рассматриваются лейбористский и консервативно-либеральный сценарии посткризисного восстановления. Хотя авторы критикуют коалиционное правительство за неспособность справиться с увеличением государственного долга, преодолеть бюджетный дефицит, а также ускорить темпы посткризисного восстановления, они все же констатируют появление предпосылок для активизации экономической деятельности (снижение безработицы, государственных расходов и, соответственно, инфляции), что, в конечном итоге, и произошло: по итогам 2014 г. — уже после публикации монографии — британская экономика продемонстрировала рост в 2,6% (наивысший показатель с 2007 г.), и есть все основания говорить о сохранении этой тенденции и в 2015 г.

Впрочем, не стоит полагать, что исследование посвящено сугубо внутренним проблемам развития и будет интересно исключительно англоведам. Хотя влияние Британии на мировые процессы неизбежно снижается в условиях появления новых центров силы, Лондон продолжает оставаться значимым игроком на международной арене. Авторы исследования затрагивают некоторые вопросы внешней политики, международных отношений и международной безопасности. В частно-

Е
З
Д
И
Ж
И
И
И
И
И
И

сти, в монографии подробно освещаются ключевые нюансы *особых отношений* с Соединенными Штатами, ход и последствия операций в Ираке, Афганистане и Ливии, где британские войска играли далеко не последнюю роль, подготовка к вторжению в Сирию (которое, как мы знаем, не состоялось), вопрос о будущем Британии в Евросоюзе и перспективы европейской интеграции, а также взлеты и падения англо-российских отношений, переживающих в настоящий момент не лучшие времена.

Внимательный читатель, вероятно, обратит внимание, что некоторые аспекты (например, вопросы оборонной политики), освещенные в предыдущей монографии *Великобритания: эпоха реформ*, изданной в 2007 г., а также ряд новейших событий остались вне поля зрения авторов. Однако вряд ли в этом есть их вина: жизнь становится более быстрой и менее предсказуемой, и еще год назад мало кто мог представить, что в ходе референдума о независимости Шотландии на кону будет стоять единство Соединенного Королевства, а события на Украине приведут к коренному изменению внешнеполитической ситуации в Европе.

Тем не менее авторам удалось главное — создать целостное и емкое исследование, в котором отражены не только текущие тенденции внутренней политики Соединенного Королевства и его положение на международной арене, но и делаются попытки ответить на вопросы, какой будет Британия в обозримом будущем и каковы возможные пути ее дальнейшего развития, поиски которых, как следует из названия монографии, еще продолжаются. 🐼

Дмитрий Шихов

Julian Assange. When Google Met Wikileaks. OR Books, 2014. 200 pp.

Скоро уже исполнится два года с того момента, когда Эдвард Сноуден пролил свет для широкой общественности на практику повсеместной электронной слежки правительствами разных стран по всему миру. Несмотря на все усилия, приложенные общественными организациями, и полученные обещания пересмотра деятельности спецслужб, реальных перемен в этой области не наблюдается и не ожидается. При этом нет и массового отказа от услуг популярных онлайн-сервисов. Поэтому возмущение пользователей по большей части бессильно, тем более что ввиду роста числа очагов нестабильности в разных регионах мира едва ли можно надеяться на ослабление контроля коммуникаций соответствующими государственными органами.

Акцент на деятельности государств отвлекает от более глубокой сути проблемы, которая коренится в самом устройстве системы онлайн-коммуникаций, которая во многом базируется на технологиях сбора и обработки *больших данных*. Иначе говоря, эффективная бизнес-модель, в которой пользователь и его данные являются продуктом, оказалась слишком удобной, чтобы не быть использованной службами безопасности.

Увидеть и осознать эту суть проблемы призывает Джулиан Ассанж, основатель *Wikileaks*, в своей книге *When Google Met Wikileaks*, которая вышла летом этого года. В ней Ассанж рассказывает о своем интервью с CEO компании *Google* Эриком Шмидтом и главой ее подразделения *Ideas* Джаредом Коэном еще в июне 2011 г. в британском Норфолке на фоне событий *арабской весны*. Уже после той встречи, пишет Ассанж, он понял, что его собеседники далеко не только успешные бизнесмены и технологические гуру, но и люди, весьма близкие к Белому дому и Госдепартаменту США, а миссия *Google* простирается за пределы развития удобных для пользователей сервисов.

В частности, как пишет Ассанж, *Google* и *Facebook*, *варятся* в том же самом бизнесе, что и американское Агентство национальной безопасности (АНБ). Они собирают огромное количество информации о людях, хранят ее, объединяют и используют для предсказания моделей индивидуального или группового пове-

дения, продавая ее затем рекламодателям и прочим третьим сторонам. Это сходство интересов — основа их естественного партнерства с АНБ, именно поэтому они стали частью PRISM, секретной программы электронной слежки. В отличие от служб разведки, которые прослушивают международные телекоммуникационные сети, комплекс коммерческой слежки заманивает миллиарды пользователей обещаниями *бесплатных услуг*. Их бизнес-модель — разрушение приватности через бизнес, и тем не менее даже самые рьяные критики АНБ едва ли призывают положить конец *Google* и *Facebook*.

Вышедшая через два года после интервью книга его собеседников *The New Digital Age: Reshaping the Future of People, Nations and Business* еще раз подтвердила эти подозрения. 1 июня 2013 г. основатель WikiLeaks опубликовал статью в *New York Times*, в которой изложил свои соображения о роли компании во внешней политике США, а неделю спустя газета *Guardian* опубликовала статью с разоблачениями Э. Сноудена о сотрудничестве крупных технологических компаний с Агентством национальной безопасности США. «Никто не хочет понять, что Google вырос большим и скверным. Но это так», — пишет в своей книге Ассанж, иронизируя над корпоративным слоганом компании «Don't be evil».

В книге Ассанжа прослеживаются разочарование и досада не только на двойственность бизнеса этой и многих прочих компаний, но и на близорукость рядовых пользователей, непонимание того факта, что проблема тотального контроля коммуникационных потоков во многом создана нашими руками, когда мы кликаем на «*I agree*» под пользовательским соглашением. Она вряд ли подтолкнет значительное количество людей к пересмотру их деятельности в соцсетях и использовании онлайн-сервисов. Но, как говорит сам Ассанж в статье, опубликованной 6 декабря 2014 г. в *International New York Times*, признание существования тиранической и демократической сторон интернета и «осознание их как субъектов разворачивающейся борьбы — это первый шаг к активному действию со стороны большинства из нас».

Александра Куликова

Heather Harrison Dinniss. Cyber Warfare and the Laws of War. (Cambridge Studies in International and Comparative Law) Cambridge University Press, 2014. P. 360

Наше общество подвергается значительным изменениям. Раньше экономика основывалась на промышленности, а теперь — на знаниях. Эти знания в основном содержатся в цифровом виде в базах данных и представляют собой значительную часть личного и общественного имущества. К примеру, многие банки теперь функционируют в электронном виде, многие предметы, имеющие значение для культуры страны, уже скопированы и сохранены на картах памяти. Далее осязаемое общество будет все больше и больше превращаться в нематериальное.

Правила войны тоже изменяются. Все чаще и чаще государственные войска нанимают специализированные военные компании из частного сектора экономики. Раньше местоположение войск в войне играло важнейшую роль в процессе войны, а теперь большая часть боевых действий ведется из штаба главнокомандующего на большом расстоянии от зоны конфликта.

Судя по изменениям в обществе, а также развитию и применению новых технологий, в том числе киберобороны и кибератак, в военных конфликтах скоро неотложным вопросом будет функционирование международного военного права в отношении нового вида войны — кибервойны.

В книге *Кибервойна и законы войны* рассматриваются устав ООН, Женевская конвенция и обычное международное право в отношении последствий кибератак

Е
Ы
Н
Ж
И
О
К

как провокаторов войны и способа введения войны против врага, использующего законы вооруженного конфликта.

В Уставе ООН в статье 2 (4) запрещены угроза и употребление вооруженного насилия. По мнению автора Х. Диннисс, кибератака — это вооруженное насилие или поступок, провоцирующий войну, против которого можно предпринять ответные меры только в том случае, если она влечет за собой смерть людей, физическое повреждение или разрушение. Все другие кибератаки с иным результатом нельзя считать вооруженным насилием. Но с ними можно бороться дипломатическими методами.

В статьях и дополнительных протоколах Женевской конвенции Х. Диннисс истолковывает законы в отношении кибератак и отвечает на многие вопросы, и среди них: «Дается ли лицам, совершающим кибератаки, статус законного комбатанта?», «Как кибератаки относятся к закону войны, запрещающему излишнее разрушение гражданского имущества, несмотря на то что военные и гражданские технологии часто находятся в одной и одной же сети?», «Как кибератаки соотносятся с законом войны против беспорядочных нападений, хотя образ кибератак зачастую является таким?», «Являются ли кибератаки диверсией или шпионажем?», «Являются ли кибератаки достойным оружием или достойным способом введения войны?», «Как относятся кибератаки и законы войны к имуществу государства и граждан в электронном виде?».

Книга *Кибервойна и законы войны* содержит актуальную дискуссию обо всех подробностях применения международных законов в связи с новейшим видом войны. Тому, кто хочет понять все тонкости законов войны в отношении кибератак, рекомендуется для прочтения работа Х. Диннисс. Несмотря на то что, судя по названию, книга должна быть *сухой*, в ней приведено достаточно много актуальных примеров, оживляющих текст. При беспрецедентном развитии технологии во всех областях тематика кибервойны и ее отношения к законам войны встают на первый план для специалистов в сфере международной безопасности.

Джейкоб Коквелл

Глобальная перестройка / Отв. ред. А. А. Дынкин, Н. И. Иванова; Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук. М.: Весь мир, 2014. 528 с.

Авторский коллектив Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО РАН) попытался ответить на ряд вопросов о переустройстве посткризисного мира, затронув разные сферы нашего общества: экономическую, социальную и политическую.

В *первой части* книги затрагивается переустройство экономики в XXI в. Авторы рассматривают новые концептуальные экономические модели, приходящие на смену господствовавшим в XX в., и ставят острые вопросы: когда, собственно, можно будет сказать, что кризис позади, особенно в Евросоюзе? Очевидно, что социальное рыночное хозяйство в своем традиционном виде исчерпало собственные возможности. Что его заменит? Каким будет новый социальный компромисс?

Во *второй части* авторы отмечают, что государства ищут ответы на новые вызовы социальных дисбалансов и миграционной политики; государственная политика перестраивается под давлением требований, предъявляемых человеком XXI в. к демократии. Эти проблемы свойственны всем странам, однако особое значение они имеют для *новой периферии* — посткоммунистических стран. Существенные изменения наблюдаются и в политической сфере: новые реалии формируются в системе международных отношений, которые проявляются в развитии трансатлантических отношений и отношений между США и КНР. Только сейчас можно говорить об исчезновении биполярности времен холодной войны — уходят в прошлое иллюзии и эксцессы однополярного мира, и на наших глазах формируется много-

полярность. Авторы используют совершенно новый взгляд на становление новой реальности: мир без полюсов и доминирующей модели. Насколько эффективны эти подходы? Возникает новый многофакторный тандем США–Китай. Но какими будут отношения для мирового развития в этой связке — стабилизирующими или дестабилизирующими?

В *третьей части* этого фундаментального труда говорится об изменениях в посткризисный период, как меняется международная безопасность. Эту тенденцию авторы иллюстрируют на примерах урегулирования конфликтов в зоне Афганистан–Пакистан и на Ближнем Востоке. Авторы пытаются ответить на ряд вопросов. Появятся ли на карте региона новые несостоявшиеся государства — источник нестабильности и терроризма? Можно ли примирить суннитов и шиитов, чем окончится региональная холодная война, временами перерастающая в горячую фазу (Сирия)? Каков будет исход борьбы за лидерство между Ираном и Саудовской Аравией?

Авторы не обошли стороной и проблему ядерного вооружения, а точнее роль межправительственных организаций в обеспечении разоружения и нераспространения оружия массового поражения. По мнению авторов, МАГАТЭ обладает широкими полномочиями, но в области обеспечения безопасности ядерных материалов сохраняется немало проблем. Реальная роль Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) в обеспечении аналогичных гарантий безопасности еще более ограничена, а Конвенция по бактериологическому и токсинному оружию (КБТО) вообще не имеет механизма реализации и проверки выполнения ее положений. В данной связи особую тревогу вызывает увеличение риска использования террористами биологического оружия. Эта угроза исходит как от негосударственных субъектов, так и от государств, не соблюдающих требования Конвенции или не являющихся ее участниками.

Большая часть уделена реальным угрозам безопасности России. Так, авторы освещают проблемы, которые могут появиться уже в скором времени, после ухода миротворческих сил из Афганистана, в частности то, что внимание Талибана может привлечь Таджикистан и Россия может столкнуться с дестабилизацией в этом регионе. Авторы предполагают, что, возможно, тогда-то и всплывут оплошности, в связи с которыми Россия сегодня занимает 64-е место по количеству миротворцев, участвующих в ОПМ под эгидой ООН, и обеспечивает 1,4% бюджета миротворческих операций, что не соответствует роли России в современном мире.

Делая растущий упор на ядерном сдерживании США (в том числе начав программу разработки новой тяжелой МБР), Россия все больше отстает в развитии информационно-управляющих систем, необходимых для боевых операций будущего, координации действий разных видов и родов войск, применения высокоточных оборонительных и наступательных неядерных вооружений. Развертывая малоэффективную воздушно-космическую оборону против НАТО, Россия не обретет надежной защиты от ракетных и авиационных ударов безответственных режимов и террористов с южных азимутов.

Паата Гвишиани

Евгений Кожокин. Предварительные итоги. М.: АТИСО, 2014. 167 с.

«Это искренняя книга, читатель...». Такой эпиграф М. Монтеня предпослал одной из своих почти автобиографических повестей Макс Фриш.

У только что вышедшего из печати сборника Евгения Кожокина нет эпиграфа. Читатель, это очень искренняя книга. Местами — щемяще искренняя.

«Это книга состоявшегося человека, историка, политика, ректора» — вместо эпиграфа сухо чеканит комментарий среди выходных данных. Еще надо было бы добавить для полноты композиции: «...в прошлом — директора Российского институ-

Е
Д
Ж
И
К

та стратегических исследований (РИСИ)». Но здесь нет научных статей. Вместо них — повесть, рассказы, очерки, стихи. Предварительные ненаучные итоги жизни. Написанные хорошим, свободным от канцелярита, легко дышащим русским языком. В этом смысле, может быть, это книга историка, но не политика и не ректора. И, да, — литератора.

Повесть «Нина» — самая щемящая из всех «Итогов». Перед нами самостоятельное художественное произведение, а не хронологический отчет об этапе прожитой жизни. И этим «Нина» особенно притягательна. Где-то параллели будут уместны, но часто обманчивы. И тем не менее в личном, очень личном, здесь нет недостатка. Автору наконец требуется высказаться без обиняков. И укрытие за литературным героем позволяет иногда крикнуть, иногда прошептать, иногда уйти от дальнейшего, еще более тяжкого разговора многоточием.

Литературный герой — ровесник автора. Как и он, связавший часть своей молодости с «ДемРоссией», с депутатством, с Ельциным. Конец восьмидесятых — начало девяностых годов прошлого века в повести описаны с исторической скрупулезностью. Я тоже помню тот Первый съезд народных депутатов РСФСР и помню, как в одном из перерывов я познакомился с Евгением Михайловичем, уже потом — с Женей. Не просто другой век — другая эпоха.

Мы одновременно были с ним в Белом доме в августовские дни 1991-го, вот только пересекались ли там? Не помню. Но то состояние *нервного ожидания*, депутатов с калашниковыми у писсуаров, народное окружение у Белого дома, которое описывает Кожокин («Только на спектаклях Таганки и Современника приходилось видеть одновременно столько родных интеллигентных московских лиц») — да, у меня похожие картинки. Похожие... с кем — с Кожокиным? Или с его альтер эго? Имя альтер эго — Игнат, как в «Зеркале» Тарковского, и нет для него уменьшительных имен.

Это грустная книга, читатель... В ней много боли. Среди запоминающихся, тщательно выделанных рассказов — «Студентка» и «Аргентина»; в обоих автор позволяет себе немного, чуть-чуть приоткрыть завесу, чуть-чуть, без перебора, кинуть щепотку из шпионского романа, но только так, чтобы не сбиться ни в репортаж, ни в пошлость.

В парижской, в фаталистской «Аргентине» вдруг проступает что-то безошибочно кортасаровское. Автору близки и кортасаровские финалы — что в «Нине», что в «Студентке»...

И томики Кортасара с неотвратимой неизбежностью чеховским ружьем появляются — но только где? В Хатырке, чукотском поселке, рядом с Гессе, Кавабатой и Рытхэу, где «каше из пакетиков пастухи предпочитают свежую кровь».

Вообще, читая очерки Кожокина (особенно чукотский «Тегререт и другие», но и «Мои соотечественники — крымские татары»), у меня закралось подозрение, что журналист-очеркист — еще одна профессия Кожокина, о которой я не знал. По «Тегререту» можно учить писать очерки студентов на факультете журналистики. Этот текст был бы хитом в журналах *Огонек* или *Вокруг света*. Взять хотя бы описание танца в чукотском сельском клубе: «Еще немного, и клуб взорвется. Белый типовой домик с трудом вмещает столько энергии. Трудно дышать. Легкие в тоске бьются о тесные ребра. Парни расступаются, в центре пляшут одни женщины и девчонки. Орлиный индейский нос и нечаянная голубизна глаз. Традиция долгой независимости дала открытый взгляд, а смоляные волосы — словно дар Ворона, героя чукотских сказок. Непокойный дух отцов и мягкая женственность матерей...»

Вот только когда этот очерк был бы хитом, слово *хит* в русский язык еще не проникло, а сейчас — кто сейчас пишет очерки? Пишут блоги; очерки — это старомодно.

Это старомодная книга, читатель... Очень культурная, очень сдержанная и старомодная. Чеховское ружье не выстрелит. Автор разгоняется, разгоняет и нас, но вдруг натягивает поводья... стоп!

К осмыслению конца прошлого века, конца эпохи автор «Нины» возвращает нас в мощном эссе «Философия-золушка» с его лейтмотивом: «Принцип ни табу, ни святынь утверждается с фантастической быстротой. Духовный хребет нации надломлен». Но «...нации как таковой нет. Есть стыдливые русские и безумные шовинисты: первые не знают, куда идти, вторые целенаправленно рвутся к пропасти».

«Осмысления новых форм несвободы, нахлынувших на страну, не происходит. Демроссийская интеллигенция все еще борется со старой несвободой. От либерализма в России есть только само слово, ибо свобода — все еще чуждый странник, встречи и длительного знакомства с ним опасаются даже наиболее обеспокоенные правами личности политики», пишет Кожокин. Возвращается к этой теме в эссе «Памяти учителя» (об М. Я. Гефтере): «Уход коммунистической утопии ознаменован триумфом одномерного либерализма и наступлением агрессивного и одновременно закомплексованного фундаментализма».

Кожокин избегает проставлять годы, когда написал те или иные произведения.

А в завершение — «Солнцепоклонник». Эсэмэской бежит к нему моя молитва <...> Наша маленькая звезда — Солнце, верни нам надежду счастья. Молитва — не «сжечь настоящее» и не «миловать прошедшее», негумилевская «эсэмэска Солнцу».

Действительно, это искренняя книга, читатель... Как там дальше, у Монтеня: «Она с самого начала предупреждает тебя, что я в ней не ставил никакой иной цели, кроме домашней и частной... я предназначаю ее для личного пользования моих друзей и родных, дабы они, потеряв меня, снова нашли здесь некоторые черты моего образа жизни и душевного склада. Ибо тот, кого я изображаю, — это я сам. Здесь представлены мои недостатки такими, какие они есть, и мое естественное существо, насколько это позволяет общественное приличие...» 🐘

Владимир Орлов

Ш ≈
Ъ ×
И И
Ж ≈
≈ В
И О
К И

В ПРЕДДВЕРИИ ОБЗОРНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ ДНЯО 2015 г.:
ПРИОРИТЕТЫ СЛЕДУЕТ
ПЕРЕОСМЫСЛИТЬ, АКЦЕНТЫ —
ИЗМЕНИТЬ

В последних номерах *Индекс Безопасности* неоднократно возвращался к теме предстоящей ОК ДНЯО¹. Полезные обсуждения шли в ходе состоявшегося в Москве в октябре 2014 г. расширенного заседания Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, в котором мне довелось принять участие в качестве одного из докладчиков. Хотя я согласен со многим, о чем говорят авторы ПИР-Центра, тем не менее есть ряд моментов предстоящей ОК ДНЯО, которые мне видятся иначе, чем вам, в Москве, и на которые я хотел бы обратить внимание российских читателей журнала. За основу своих комментариев возьму те соображения, которые имел возможность высказать на заседании Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра в октябре 2014 г.

На предыдущих обзорных конференциях, даже тех из них, на которых был принят окончательный документ, не удалось прийти к согласию в собственно обзорной части. Работу министерств иностранных дел и правительственных департаментов анализируют генеральные инспекторы и генеральные аудиторы, работу компаний — советы директоров. Так почему же государствам-участникам так трудно согласовать вопрос о том, насколько хорошо выполняются обещания, которые они дали пять лет назад? К сожалению, этого никак не удастся сделать. Одним из возможных подходов в данном случае является документ, отражающий мнения разных сторон. Одни государства говорят одно, другие другое, но по отдельным вопросам можно добиться согласия между всеми сторонами. И эту возможность необходимо использовать.

Есть одна знаменитая фраза, которую приписывают Эйнштейну, хотя ее автором является писательница Рита Мэй Браун, написавшая книгу *Внезапная смерть*. В ней она предложила следующее определение термина *безумие*. По ее мнению, безумие — это продолжать делать одно и то же, но ожидать при этом другого результата. К чему это я? Дело в том, что на каждой Обзорной конференции государства-участники делают все более пространные заявления и принимают все более объемные рабочие документы. Заключение документы председателя тоже становятся все длиннее и длиннее.

А теперь давайте вспомним конференцию 1995 г. Тогда были приняты два важных документа. При этом один из них — документ о бессрочном продлении ДНЯО — состоял всего из семи пунктов. Второй документ насчитывал 21 пункт. При этом

в обоих документах было сказано все, что требовалось. Однако уже в 2000 г. окончательный документ достиг объема в 189 пунктов, в 2010 г. он состоял из 91 пункта, на Подготовительном комитете к ОК ДНЯО (Препкоме) 2012 г. было 100 пунктов, а в 2013 г. — 101 пункт. К счастью, в 2014 г. получилось всего 17 пунктов. Иногда говорят, что хороший председатель всегда прислушивается к своим советникам. Так что в данном случае мне приятно, что председатель прислушался к моему совету и подписал документ, состоящий всего из 17 пунктов. Нет необходимости десятки раз повторять фразы о ядерном разоружении и нераспространении и делать вместо 17 пунктов 55. Все эти мысли можно выразить очень коротко и ясно.

На очередной Обзорной конференции необходимо сконцентрироваться на практической стороне вопросов и не раздувать объем документов.

Одна из причин, по которой неядерные государства не удовлетворены результатами обзорных конференций, — это ощущение того, что ядерные государства не выполняют принятых на себя обязательств. Неядерные государства занимаются микроменеджментом формулировок документов по ядерному разоружению. Они очень подробно говорят о том, что должны сделать ядерные государства. А ядерные государства соглашаются с таким подходом в ходе обзорных конференций только для того, чтобы поскорее закончить конференцию, подписать некий документ и заняться своими делами. У них нет реальной приверженности выполнять всю эту чрезвычайно подробную повестку дня. При этом неядерные государства продолжают *бить себя кулаком в грудь* и чувствовать глубокое неудовлетворение всем происходящим. Хотелось бы избежать повторения такой ситуации на следующей конференции.

Однако будет очень много важных вопросов, вызывающих противоречия, и мы уже имеем представление о том, что это за вопросы. Один из них — Ближний Восток. В 2010 г. США при поддержке России и Великобритании пообещали до конца 2012 г. провести конференцию по созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия и другого оружия массового уничтожения. Однако эта конференция до сих пор не состоялась, и, насколько можно судить, она вообще не будет проведена. Так что арабские государства сейчас очень недовольны и рассматривают возможные шаги, которые будут иметь резко негативный эффект. Пока не предreshено, что их делегации покинут конференцию в знак протеста. Однако они могут угрожать выходом из ДНЯО, а также препятствовать достижению соглашений по ряду других вопросов, стоящих перед Обзорной конференцией, поэтому необходимо найти креативное решение до апреля 2015 г. Может быть, по этому поводу стоит провести небольшую встречу?!

Есть новая инициатива, выдвинутая неядерными государствами, так называемая Гуманитарная инициатива, или Инициатива о гуманитарных последствиях ядерного оружия, в рамках которой уже были проведены три конференции: в Осло в 2013 г., в Мехико и в Вене, в 2014 г. Таким образом, неядерные государства пытаются привлечь внимание к опасностям, которые несет ядерное оружие, и тому факту, что нам очень повезло, что до сих пор не произошло ни одного инцидента со случайным взрывом атомной боеголовки.

России следовало бы рассмотреть возможность участия в такой конференции в неконфронтационном ключе. Раз этого не произошло в 2014 г. в Вене, вероятно, в дальнейшем такие возможности еще представятся. России следует поработать совместно с хозяевами такой конференции над вопросом о том, как России принять участие в работе подобной конференции таким образом, чтобы она не оказалась загнанной в угол и чтобы на нее, а также на дру-

гие ядерные государства, не посыпались обвинения в обладании ядерным оружием, о модернизации ядерных арсеналов и т.д. Это может быть сделано. Однако, как мне кажется, в данный момент этой теме не уделяется достаточно внимания.

Существует еще один вопрос — изменение или оптимизация системы гарантий МАГАТЭ в части Концепции государственного уровня. Для совета директоров МАГАТЭ этот вопрос оказался очень противоречивым. В какой-то мере это связано с использованием МАГАТЭ разведанных, особенно в отношении таких стран, как Сирия, Ирак и Иран. Но если МАГАТЭ не может убедиться в достоверности этой информации, агентству будет очень сложно ее использовать в ходе применения гарантий. За прошедшие три-четыре года такая позиция претерпела изменения, и этот спорный вопрос нужно обсудить и решить.

Важным вопросом является физическая ядерная безопасность. Уже состоялись три конференции по ядерной безопасности. Последняя подобная конференция будет проведена в 2016 г. В ходе этих саммитов рассматривается всего 15% мировых запасов опасных ядерных материалов, т.е. плутония и высокообогащенного урана. Остальные 85% этих материалов используются в военной сфере, поэтому данные о них покрыты завесой секретности. Мы не знаем, в каком состоянии находятся системы безопасности для этих материалов в ядерных государствах, поэтому я считаю, что ядерные государства должны пойти на усиление мер транспарентности в том, что касается их запасов ядерных материалов военного назначения.

Еще один важный вопрос состоит в том, что классической модели контроля над ядерными вооружениями между Россией и США, по-видимому, настал конец, особенно в свете последних событий в Европе. Какой же должна быть новая модель? Россия хочет, чтобы и все остальные ядерные державы сели за стол переговоров. В Вашингтоне, однако, полагают, что можно провести еще один раунд двусторонних сокращений по линии США–Россия. Однако при нынешней сложившейся ситуации эти две стороны друг с другом вообще не разговаривают, а это очень тревожный знак.

Наконец есть вопрос ядерного топливного цикла. Здесь Россия взяла на себя роль лидера и успешно создала резерв обогащенного урана под контролем МАГАТЭ в Ангарске. Но многие о нем уже забыли, поэтому на Обзорной конференции России стоит напомнить всем присутствующим о существовании этого резерва.

Напоследок — об Индии. Поспорою здесь с мнением, которое высказывает на страницах *Индекса Безопасности* Владимир Орлов. Считаю, что в 2005 г. США приняли абсолютно не правильное решение, отказавшись от своей предыдущей позиции в отношении Индии, которой они придерживались несколько десятилетий, и разрешив вести ядерное сотрудничество с этой страной. Индия нарушила свои предыдущие обязательства в области нераспространения и провела ядерные испытания. Однако теперь она получила полный доступ к ядерным материалам, так что Канада, Австралия и другие страны могут продавать ей ядерные материалы. Это означает, что собственные индийские запасы ядерных материалов теперь могут быть использованы для военной ядерной программы. Кроме того, Россия передала Индии атомные подводные лодки (АПЛ), а это был безответственный шаг. И, вероятно, этот вопрос будет поднят в ходе Обзорной конференции.

Убежден: страны, которые не являются членами ДНЯО, не должны иметь возможность пользоваться плодами сотрудничества в сфере мирного атома, которыми пользуются страны, отказавшиеся от ядерного оружия. 🐼

Тарик Рауф
Директор программы по контролю над вооружениями
и нераспространению,
Стокгольмский международный институт проблем мира
Signalistgatan 9
SE-169 70 Solna
Sweden

Примечание

¹ См.: Андрей Баклицкий. На пути к Обзорной конференции ДНЯО: иллюзорная легкость третьего Препкома не может предвещать чудес. *Индекс Безопасности*. № 3 (110), Осень 2014, с. 11–20; Владимир Орлов. Есть ли будущее у ДНЯО: заметки в преддверии Обзорной конференции ДНЯО 2015 г. *Индекс Безопасности*. № 4 (111), Зима 2014, с. 27–48.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: НАЗВАНИЕ ИЗ ВЧЕРА, ФОРМАТ ИЗ ЗАВТРА

Главному редактору,

Прошло полгода с момента перезапуска электронного бюллетеня ПИР-Центра *Ядерный Контроль*, выходящего с тем же названием, что когда-то — до 2007 г. — был у журнала *Индекс Безопасности*. Конечно, журнал и бюллетень — несопоставимые форматы. Но заголовок все-таки четко указывает на преемственность.

Считаю, что проект вполне удался — каждый месяц с удовольствием открываю на сайте¹ каждый новый номер. Крайне удобный интерфейс сочетается с высокой информативностью статей и публикаций. Также очень помогает наличие тематической разбивки собранной информации.

Одним из важных плюсов электронного издания является его гибкость, поэтому был бы рад, если бы вы не останавливались на достигнутом и продолжали обновлять техническую оболочку бюллетеня. Было бы удобно получать в новых версиях фильтрацию материалов по регионам и странам, чтобы была возможность сосредоточиться на том, что больше всего интересно конкретному читателю, в моем случае — на Азиатском регионе.

Электронный формат также позволяет снабжать текст большим количеством справочных материалов. Развитие информационно-справочной составляющей *Ядерного Контроля*, на мой взгляд, было бы востребовано. Если статья, например, о развитии китайской атомной энергетики будет сопровождаться всплывающей актуализированной справкой о количестве блоков в строительстве и в эксплуатации, можно будет сказать, что будущее уже наступило.

Еще раз отмечу, что нынешний вид бюллетеня мне как читателю нравится, так что желаю дальнейших успехов! Продолжайте в том же духе! 🐘

Артем Гончарук

помощник представителя Госкорпорации *Росатом* в Индии
Индия, 110021, г. Нью-Дели, Чанакьяпури, Шантипатх

Примечание

¹ Информационный бюллетень *Ядерный Контроль*, <http://www.pircenter.org/mailouts/view/id/1>.

ОПЕРАТИВНО... ЕЩЕ ОПЕРАТИВНЕЕ?

Главному редактору,

Хотел бы в Вашем лице поблагодарить Ваших коллег по ПИР-Центру и редакции бюллетеня *Ядерный Контроль* за возможность ежемесячно, открывая его, *сверять часы* по различным ядерным проблематикам. Бюллетень ведется на высоком профессиональном уровне и в удобном для читателя формате.

Возможно, имеет смысл подумать о том, чтобы дополнить ежемесячные бюллетени более оперативными экспресс-номерами, отражающими самые последние события в ядерной сфере.

Поздравляю с хорошим изданием! 🐘

Андрей КОРТУНОВ
генеральный директор Российского совета по международным делам
Россия, 119180, Москва, ул. Большая Якиманка, дом 1

F R O M T H E E D I T O R

7 **Credo Experto? Trust the jailers?** — *Vladimir Orlov*

How useful can political projections be? How effective is the work of the think tanks and independent experts who make those projections? Are decision-makers interested in those projections? And who are these experts, really: authors of analysis or our jailers? Editor-in-chief Vladimir Orlov asked himself those questions as he went through this issue's contents. In his editorial, he also dwells on Central Asia and Russian foreign policy priorities.

Key words: *think tank, media, the Internet, foreign policy, international security.*

I N T E R V I E W

11 **CSTO facing old and new challenges** — *Viktor Vasiliev*

How successful has the CSTO been as a multifunctional organization, and what are its goals? What are the Russian priorities at that organization? Is there unity within its ranks, and how has it been reacting to *color revolutions*? The *Security Index* has put these and other questions to Viktor Vasiliev, plenipotentiary Russian representative at the CSTO.

Key words: *CSTO, regional security, color revolutions, Central Asia.*

17 **The Future Defender megaproject: looking forward to 2030** — *Andrey Grigoriev*

The world is transitioning to a new technological order that is based on advanced technologies in biotechnologies, nanotechnologies, and information systems. In 2012 the Russian government set up the Advanced Research Fund (ARF) to make sure that Russia is not left on the sidelines of that process. Andrey Grigoryev, director-general of the ARF, looks at the prospects for Russian research and production of military, civilian, and dual-use products.

Key words: *new technological order, defense industry, high-tech products.*

21 **Effective measures against money-laundering, financing of terrorism, and the spread of WMD must become universal** — *Vladimir Nechayev*

The 40 recommendations on detecting and preventing money-laundering developed by the Financial Action Task Force (FATF) do not seem to be compulsory instruments, as defined by international law. Nevertheless, they have become a global standard, since most countries have undertaken a political obligation to comply with them. Vladimir Nechayev, who served as FATF president in 2013–2014, offers his views of the organization's role in countering money laundering, the financing of terrorism, and the spread of WMD.

Key words: *FATF, money laundering, financing of terrorism.*

29 **Afghanistan in the new military-political reality: implications for Central Asian neighbors** — *Yuri Fedorov*

An invasion of Jihadist groups from Afghanistan, which would cause major political instability in the Central Asian states, will become a realistic possibility if several conditions are met. They include the Taliban taking control of the northern Afghan provinces; support by the Taliban leadership for plans to invade neighboring countries; a build-up of an invasion force and the establishment of base camps on the Afghan border with Tajikistan, Uzbekistan, and Turkmenistan; and a paralysis of the Central Asian states' armed forces and security services resulting from infighting within their ruling elites, argues Yuri Fedorov, member of the *Security Index* editorial board.

Key words: ISAF, Central Asia, Afghanistan, terrorism, Islamism.

47 **Central Asian states: a new link in the axis of crises** — *Natalia Kharitonova*

The changing nature of challenges and threats to international security in the context of Islamization could lead to major instability across Central Asia. Meanwhile, deteriorating relations between Russia and the West are stoking up rivalry over influence in Central Asia, and further undermining coordination of measures against terrorism. The Central Asian knot is likely to become a new link in the so-called Axis of Crises, argues Natalia Kharitonova, a lecturer at Moscow State University.

Key words: Central Asia, ISAF, Islamization, Axis of Crises.

59 **Russia and Iran in the global gas markets: is future competition inevitable?** — *Irina Mironova*

Russia and Iran have the largest natural gas reserves in the world, but for economic and geopolitical reasons they are in two completely different weight categories in the global gas markets. The changes that continued in these markets throughout 2014 and the latest geopolitical developments could alter that state of affairs, and cause Russia and Iran to enter into direct competition. Irina Mironova, researcher with the Institute of Energy Studies, analyzes the main scenarios for the global gas markets and Iran's priorities as far as the size and destinations of its gas exports are concerned. She also looks at the potential for competition between the two countries in the key regional markets.

Key words: Iran, natural gas, energy security, global gas market.

69 **Suppressing the black market for nuclear technologies: international efforts and Russian stance** — *Alexander Cheban*

Thanks to international efforts, the likelihood of incidents of illegal trade in nuclear materials has fallen substantially in recent years. Nevertheless, there is a risk of technologies or equipment that can be used to develop or build nuclear weapons falling into the wrong hands. The global circulation of nuclear technologies is much harder to control than that of nuclear materials. Russia has advanced nuclear technologies, and is therefore an attractive target for potential black nuclear market players. At the same time, Russia is in a good position to improve the effectiveness of international efforts against illegal trade in nuclear technologies. That is why it is very important to understand the Russian stance on international efforts against the black nuclear market, argues Alexander Cheban, researcher with Odessa National University.

Key words: nuclear terrorism, nuclear technologies, nuclear security, export control.

R O U N D T A B L E

87 **On Irish monks, or the role of independent experts and the media in the Russian foreign-policy discourse** — *Fedor Lukyanov, Yuri Nadtochey, Vladimir Orlov, Evgeny Satanovsky, Elena Chernenko, Konstantin von Eggert*

What is the essence of independent expert centers? What influence do they have on foreign policy? Is *independent* analysis and expert assessment of Russian foreign policy even possible these days? Are these centers useful to anyone but themselves, and is their vision of themselves as *think tanks* justified? Experts invited by PIR Center for a round table ponder these and other questions.

Key words: expert centers, foreign policy, NGOs, the mass media.

- 95 **Security threats facing Russia and possible responses: expectations of 2014 and realities of 2015** — *Dmitry Evstafiev, Vadim Kozyulin, Armen Oganesyan, Andrey Suzdaltsev, Dmitri Trenin*

A year ago we asked PIR Center experts and PIR Center friends to give their assessment of the state of international security, especially those aspects of it that they believed were the most relevant for Russia, and to make their predictions for 2014. They spoke of the Middle East, Ukraine, and China. They also discussed Russian defense cooperation with other countries. A year on, we have asked the same experts to tell us what they think about their own predictions, and to make fresh ones for 2015.

Key words: *international security, Ukraine, Middle East, China, defense industry, arms trade.*

P O L E M I C S

- 105 **The Middle Eastern nuclear fuel cycle: is regionalization possible?** — *Mohammed Shaker, Adnan Shihab Eldin*

A regionalization of the Iranian nuclear fuel cycle will make sense once pressing political issues have been resolved. Theoretically and technically, Iran's nuclear enrichment capacity can be used by the entire region. Such a project, however, can hardly be implemented right now or during the talks on the Iranian nuclear program. Experts from Kuwait and Egypt Adnan Shihab-Eldin and Mohammed Shaker share their opinion on the major commercial and political difficulties that stand in the way of regionalizing the Iranian nuclear fuel cycle.

Key words: *nuclear fuel cycle, Middle Eastern WMD-Free Zone, Middle East, nuclear energy.*

C O M M E N T A R Y

- 115 **Fragmentation of the Internet: old questions and new challenges** — *Alexandra Kulikova*

There is an ongoing debate about recent Russian legislation that prohibits companies from storing personal data of Russian users on servers outside Russia, and requiring telecommunication companies to store the metadata of their users' calls for at least six months. There are also new proposals on duplicating the root infrastructure of the Internet to ensure the resilience of the Russian segment. All of that has raised concerns about the growing fragmentation of the Internet. Many experts regard the new initiatives as an attack against the open and integrated nature of the World Wide Web.

Key words: *Internet governance, cyberspace, data sovereignty.*

- 121 **On the Russian economy's transition to the sixth technological order via the defense industry** — *Oleg Demidov*

PIR Center researcher Oleg Demidov offers an analysis of a keynote article by Russian Deputy Prime Minister Dmitry Rogozin headlined "Robots to become soldiers". Having recognized the severity of the incipient structural crisis of the Russian economy and the lack of any real strategies to overcome that crisis, the Russian political leadership has given the defense industry a *carte blanche*. The overarching goal is to find not merely new engines of economic growth, but a strategy for pulling the economy out of a structural dead end.

Key words: *defense industry, sixth technological order, innovation.*

- 129 **Arms control: a problem of the present** — *Evgeny Miasnikov*

Arms control is going through a rough patch. Voices claiming that arms control undermines Russian national security have been heard every now and again in the Russian media for the past 20 years. Some are calling for Russia to pull out of the INF, the Open Skies Treaty, the Vienna Document, the latest START treaty, and even the NPT. Never before, however, has there been such a strong impression that the advocates of such an approach are gaining the upper hand, says Evgeny Miasnikov, head of the Center for Disarmament, Energy, and Environmental Studies.

Key words: *disarmament, INF, NPT, UAV.*

I N T E R N A T I O N A L R E V I E W

- 133 **iSi Index summing up the results of 2014** — *Evgeny Buzhinsky, Dayan Jayatilleka, Sergio Duarte, Pal Dunay, Nikolay Zlobin, Galiya Ibragimova, Halil Karaveli, Andrey Kortunov, Abdulaziz Sager, Evgeny Satanovsky, Farhod Tolipov, Nandan Unnikrishnan, Mustafa Fetouri, Sehlare Makgetlaneng, Konstantin von Eggert*

The global security situation took a major turn for the worse last year. The Ukrainian crisis was not resolved; in fact, it has degenerated into an armed confrontation in the Donbass. Crimea becoming part of Russia drew criticism from the West, which went on to impose sanctions against Moscow. There is talk of a new Cold War. The rise of a new radical group, the Islamic State, has further complicated the situation in the Middle East and Africa.

L I B R A R Y

- 147 **From ideas to military technologies** — *Dmitry Chizhov*

The late 1990s and early 2000 saw some changes that altered the priorities of the development of Western European armies. The new focus is on compact and flexible armed forces, and the development of new instruments for effective projection of military power. At the same time, the lack of funding for overseas operations has forced the leading countries to pool their efforts and resources in that area.

Key words: *defense policy, military technologies, conventional weapons, WMD, Western Europe.*

- 151 **Hooliganism with integrated communications** — *Viacheslav Trubnikov*

A new book by D.G. Evstafiev is the first serious piece of research that defines and formulates the idea of *integrated communications*. We often hear that term, we often use it, but we seldom think about its precise meaning. One can argue with the author, and propose adjustments and amendments to his definition of the term — but there is no denying that Evstafiev's definition is built on an extremely solid foundation.

Key words: *integrated communications, information society, information security, Internet governance, cyber threats.*

N E W B O O K S

- 153 *Paata Gvishiani, Jacob Cockwell, Alexandra Kulikova, Vladimir Orlov, Dmitry Shikhov* — PIR Center researchers and interns offer reviews of the latest additions to the PIR Center Library.

L E T T E R S T O T H E E D I T O R

- 161 **In the run-up to the 2015 NPT Review Conference: priorities should be revised, emphasis shifted** — *Tariq Rauf*

- 165 **Yaderny Kontol: name from the past approach looking into the future** — *Artem Goncharuk*

- 166 **Faster... Even faster?** — *Andrey Kortunov*

- 167 S U M M A R Y

- 171 A B O U T T H E A U T H O R S

- 179 P I R C E N T E R

- 180 I N T E R N A T I O N A L E X P E R T G R O U P

E N D . Q U O T E

- Cov.III **On fate**

Васильев Виктор Львович — полномочный представитель России при Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Чрезвычайный и Полномочный посланник 1-го класса. Окончил МГИМО МИД СССР в 1989 г. На дипломатической работе с 1989 г. 1989–1993 гг. — сотрудник центрального аппарата МИД России. 1993–1997 и 2000–2004 гг. — сотрудник Постоянного представительства России при ООН в Нью-Йорке. 2004–2007 гг. — заместитель директора Департамента международных организаций МИД России. 2007–2013 гг. — заместитель Постоянного представителя России при Отделении ООН и других международных организациях в Женеве. В 2005–2006 гг. был правительственным экспертом Группы правительственных экспертов по всем аспектам верификации. С 2012 г. является правительственным экспертом Группы правительственных экспертов по проблеме милитаризации космического пространства.

Григорьев Андрей Иванович — генеральный директор Фонда перспективных исследований, генерал-лейтенант запаса, доктор технических наук, почетный профессор МФТИ. Родился 30 января 1963 г. В 1986 г. окончил факультет аэрофизики и космических исследований Московского физико-технического института. С 1988 г., после окончания Военной академии химической защиты, проходил службу в научно-исследовательских учреждениях Министерства обороны. С 1995 по 1999 г. занимал руководящие должности в Управлении экологии и специальных средств защиты МО РФ. С 1999 по 2012 г. работал в структурах Федеральной службы по техническому и экспортному контролю. В ноябре 2012 г. назначен членом Военно-промышленной комиссии при Правительстве РФ, с февраля 2013 г. возглавляет Фонд перспективных исследований.

Демидов Олег Викторович — консультант ПИР-Центра. Окончил факультет государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова. Аспирант факультета политологии МГИМО (У) МИД РФ. В 2012–2014 гг. — сначала координатор, затем директор программы *Международная информационная безопасность и глобальное управление интернетом* ПИР-Центра, с 2014 г. — редактор глобального издания журнала *Индекс Безопасности*. В 2011–2012 гг. — координатор проектов Центра политических и международных исследований. С 2012 г. — эксперт Комиссии по информационной безопасности и киберпреступности Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК). Выпускник Зимней школы–2011 г. Центра международной и региональной политики (CIRP), выпускник Международной летней школы ПИР-Центра по проблемам глобальной безопасности. Участник Рабочей группы по кибербезопасности АТССБ в 2011 г., участник международного проекта *Новый концерт держав в XXI веке* Франкфуртского института по изучению

проблем мира и конфликтов (PRIF) (2011–2014 гг.). Является секретарем Рабочей группы ПИР-Центра при Экспертном совете по международной информационной безопасности и глобальному управлению интернетом с 2012 г. Адрес электронной почты: demidov@pircenter.org. Фейсбук: [demidovov](#)

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич — профессор департамента интегрированных коммуникаций *Национального исследовательского университета Высшая школа экономики* (НИУ-ВШЭ). Член Совета ПИР-Центра, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Кандидат политических наук. В 1989 г. окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ. В 1989–1995 гг. работал в Институте США и Канады. С 1995 по 1999 г. работал в Российском институте стратегических исследований сначала старшим, а затем ведущим научным сотрудником. В 1999–2001 гг. работал заместителем главного редактора журнала *Новая Россия*. С 2001 по 2005 г. работал в *Компании развития общественных связей* (КРОС) вице-президентом по аналитическим и политическим проектам. С 2005 по 2006 г. работал директором департамента общественных связей Государственного внешнеэкономического общества *Техснабэкспорт*. Позднее работал заместителем генерального директора некоммерческой организации *Национальная лаборатория внешней политики*, директором Департамента стратегии коммуникаций *ТНК-ВР*. Постоянный автор обзоров мировых процессов в журнале *Индекс Безопасности*. Фейсбук: [dmitry.evstafyev.9](#)

Ибрагимова Галия Ринатовна — кандидат политических наук. Защитила диссертацию в Университете мировой экономики и дипломатии (Ташкент, Узбекистан) по специальности «политические проблемы международных проблем и глобального развития». В 2010–2014 гг. — консультант ПИР-Центра. Выпускница магистратуры отделения международной журналистики факультета международных отношений УМЭД. В 2008–2009 гг. прошла интенсивный курс по программе МВА в Узбекско-японском центре развития людских ресурсов с присвоением международной степени Project Management Professional (PMP). Участница ряда международных конференций по вопросам региональной безопасности в Центральной Азии. Выпускница Международной летней школы по проблемам глобальной безопасности 2008 г. Сфера научных интересов: региональная безопасность в Центральной Азии, информационная безопасность, влияние информационной пространства на формирование нового мирового порядка. Адрес электронной почты: ibragimova@pircenter.org

Козюлин Вадим Борисович — старший научный сотрудник ПИР-Центра. Кандидат политических наук, профессор Академии военных наук. В 1990 г. окончил МГИМО МИД СССР. Работал сначала в системе МИД СССР/РФ, затем в отделе эксклюзивной информации газеты *Московские новости*, был представителем РГП *Казспецэкспорт* в России. В 2000–2002 гг. обучался во Всероссийской академии внешней торговли по программе «Менеджмент в сфере военно-технического сотрудничества». Тесно сотрудничает с компаниями — спецэкспортерами стран СНГ и дальнего зарубежья. Защитил диссертацию «Совершенствование политических механизмов влияния военно-технического сотрудничества на региональную безопасность в Центрально-Азиатском регионе». Адрес электронной почты: kozyulin@pircenter.org

Куликова Александра Владимировна — координатор программы «Глобальное управление интернетом и международная информационная безопасность» ПИР-Центра. Магистр наук в области управления медиа и коммуникациями, Лондонская школа экономики и политических наук (2013 г.). В настоящее время фокусируется на исследованиях в области глобального управления интернетом, государственной и корпоративной политики в области защиты прав человека, вопросов приватности и защиты персональных данных в киберпространстве, международных киберстратегий. Принимала участие в работе исследовательской группы LSE

Media Policy Project в качестве научного ассистента (2012–2014 гг.). Выпускница Московского государственного лингвистического университета (2005 г.) кафедры межкультурной коммуникации по специальности «Теория и практика преподавания иностранных языков и культур» (английский, французский, испанский). В 2006 г. проходила стажировку в Дирекции языковой политики Совета Европы (Страсбург, Франция). В 2007–2012 гг. выпускала *RBCC Bulletin*, ежемесячный деловой журнал Российско-британской торговой палаты. Адрес электронной почты: kulikova@pircenter.org. Фейсбук: [alexandra.kulikova.790](https://www.facebook.com/alexandra.kulikova.790)

Лукьянов Федор Александрович — главный редактор журнала *Россия в глобальной политике*, председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, член президиума Российского совета по международным делам. Окончил филологический факультет Московского государственного университета в 1991 г. по специальности филолог-германист, переводчик, преподаватель немецкого языка. В начале 1990-х гг. работал в редакции вещания на Северную Европу радиостанции *Голос России — Международного московского радио*. В качестве сотрудника американской компании участвовал в совместном с *Госкомимуществом России* проекте по поддержке приватизации в России. Работал в международных отделах газет *Сегодня*, *Время МН*. Был заместителем главного редактора газеты *Время новостей*. Колумнист изданий *Газета.ру*, *Форбс.ру*, *Российская газета*. Адрес электронной почты: editor@globalaffairs.ru

Миронова Ирина Юрьевна — инженер-исследователь и аспирант Института энергетических исследований РАН, старший преподаватель международной программы ЭНЕРПО Европейского университета в Санкт-Петербурге, корреспондент аналитического бюллетеня *European Energy Review* (Амстердам, Нидерланды). В 2010–2012 гг. работала в редакции журнала *Индекс Безопасности* сначала в качестве помощника, затем — заместителя главного редактора. В 2013 г. выполняла исследовательский проект «Обмен активами в энергетическом секторе» в Секретариате Энергетической Хартии (Брюссель, Бельгия). В течение весеннего семестра 2014 г. вела курс «Экономика и регулирование энергетического сектора» в Академии ОБСЕ в Бишкеке (Кыргызстан). В течение осеннего семестра 2014 г. осуществляла поддержку курсов в рамках магистерской программы «Системные исследования энергетических рынков» на базовой кафедре ИНЭИ РАН и РГУНГ им. И. М. Губкина. Выпускница университета Гронингена (Нидерланды) по программе «Новейшая история и международные отношения» (2010), выпускница факультета международных отношений Уральского государственного университета по направлению «востоковедение» (2008). Выпускница Международной летней школы по проблемам международной безопасности ПИР-Центра в 2010 г. Адрес электронной почты: Irina.mironova.usu@gmail.com

Мясников Евгений Владимирович — директор Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при Московском физико-техническом институте (МФТИ). Кандидат физико-математических наук. Окончил факультет аэрофизики и космических исследований МФТИ в 1985 г. После окончания аспирантуры МФТИ в 1988 г. и защиты диссертации в 1989 г. работал в НПО *Элас* в Зеленограде в качестве эксперта по дистанционному зондированию океана. В 1991–1992 гг. проходил годичную стажировку в Центре по проблемам обороны и контроля над вооружениями (Defense and Arms Control Studies Program) Массачусеттского технологического института (Massachusetts Institute of Technology). С 1992 г. работает в Центре по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии, принимая активное участие в работе над различными исследовательскими проектами организации. Член Экспертного совета ПИР-Центра с 2011 г. Член Совета по устойчивому партнерству с Россией в 2013–2014 гг. Адрес электронной почты: miasnikov@armscontrol.ru. Твиттер: [Miasnikov](https://twitter.com/Miasnikov)

Надточей Юрий Иванович — доцент кафедры международных отношений и дипломатии Московского гуманитарного университета. Выпускник факультета международных отношений Московского гуманитарного университета (2004). Специалист в области регионоведения. Кандидат исторических наук. В 2005 г. сначала стажер, а затем сотрудник ПИР-Центра, координатор по работе с информацией. Участник Международной летней школы ПИР-Центра по проблемам нераспространения ОМУ для экспертов России и стран СНГ (2005). Проходил стажировку в Люксембургском институте европейских и международных исследований (2006). Автор ряда статей по проблемам европейской безопасности. Сфера научных интересов — современная внешняя политика США и стран Запада, военно-политические аспекты трансатлантических отношений.

Нечаев Владимир Павлович — первый заместитель генерального директора Международного учебно-методического центра финансового мониторинга. Исполнительный секретарь Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (с 1 января 2015 г.). С 2009 по 2012 г. — помощник первого заместителя председателя Правительства Российской Федерации. До 2009 г. работал в органах Федеральная служба налоговой полиции, а также начальником Управления международных связей *Росфинмониторинга*. С 2009 по 2013 г. — председатель MONEYVAL. С июля 2013 г. по июнь 2014 г. — президент ФАТФ. В качестве эксперта по правоохранительным вопросам участвовал во взаимной оценке Турции, руководил группой экспертов ЕАГ по оценке системы ПОД/ФТ Киргизии. Входил в состав делегации Федеральной службы по финансовому мониторингу Российской Федерации в Группе *Эгмонт* и избирался заместителем председателя ее Оперативной группы.

Оганесян Армен Гарникович — главный редактор журнала *Международная жизнь*. Окончил факультет журналистики МГУ. С мая 1976 г. работал в Гостелерадио СССР. С 1983 по 1990 г. — главный редактор радиовещания на Великобританию и Ирландию *Международного московского радио*. С 1987 г. корреспондент *Гостелерадио СССР* в Лондоне. С 1990 по 1992 г. — генеральный директор объединения *Астра РТРК Останкино*. С 1992 по 1994 г. — руководитель *Международного московского радио*. С апреля 1993 г. по 23 октября 2008 г. — председатель *Российской государственной радиовещательной компании Голос России*. С 17 февраля 2009 г. — главный редактор журнала *Международная жизнь*, внештатный советник Министра иностранных дел РФ. Автор и ведущий информационно-аналитической программы *Vis-à-vis с миром (Голос России)*, в разное время транслировавшейся по каналам *ТВЦ* и *Звезда*. Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры РФ. Член Совета по внешней и оборонной политике. Член Академии информатизации, член Евразийской Телерадиоакадемии, член Радиоакадемии Национальной ассоциации телерадиовещателей (НАТ), член-корреспондент Академии менеджмента. Лауреат премий «Золотое перо России», «Лучший менеджер СМИ», «Национальная премия НАТ».

Орлов Владимир Андреевич — кандидат политических наук. Является основателем (в 1994 г.) и бессменным руководителем ПИР-Центра. В настоящее время — директор ПИР-Центра, а также член Совета ПИР-Центра. С 1994 г. — главный редактор журнала *Индекс Безопасности* (до 2007 г. выходил под названием *Ядерный Контроль*). С 2014 г. — заведующий Центром глобальных проблем и международных организаций Дипломатической академии МИД РФ. Член Консультативного совета по вопросам разоружения при генеральном секретаре ООН (с 2015 г.). Член Совета по формированию глобальной повестки дня Всемирного экономического форума (с 2014 г.). Основатель (в 1993 г.), а ныне член Международного клуба *Триалог*. Возглавляет (с 2006 г.) научно-исследовательскую ассоциацию *Centre russe d'études politiques* со штаб-квартирой в Женеве (Швейцария). Член Экспертного совета Правительства Российской Федерации (с 2014 г.). Член Экспертного сове-

та по противодействию коррупции при Управлении Президента РФ по вопросам противодействия коррупции (с 2014 г.). Член Научного совета при Национальном комитете по исследованию БРИКС. Советник делегации Российской Федерации на Обзорной конференции ДНЯО (2010 г., сессии Подготовительного комитета 2012–2014 гг.). Член Совета по внешней и оборонной политике (СВОП). Член Международной академии по ядерной энергии (INEA). Член Российского Пагуошского комитета при президиуме РАН. Член Редакционной коллегии журнала *Washington Quarterly*. Занимается активной научной, просветительской и преподавательской деятельностью в России и за рубежом. Преподает в МГИМО МИД РФ. Автор (соавтор) более 10 книг и монографий, около 300 научных работ и публицистических статей. Адрес электронной почты: orlov@pircenter.org. Твиттер: [Orlov_pircenter](#). Фейсбук: [VladimirAOrloff](#)

Сатановский Евгений Янович — президент Института Ближнего Востока, президент группы *Ариэль* (металлургия, химическая промышленность), председатель попечительского совета Высшей гуманитарной школы имени С. Дубнова (Еврейский университет в Москве), вице-президент международного попечительского совета Международного центра университетского преподавания еврейской цивилизации Еврейского университета в Иерусалиме. Окончил Московский институт стали и сплавов в 1980 г. После окончания вуза работал инженером Государственного института по проектированию металлургических заводов, рабочим завода *Серп и Молот*. Кандидат экономических наук, профессор. Автор монографий «Экономика Израиля в 90-е годы» (1999 г.), «Израиль в современной мировой политике» (2001 г.) и более 50 статей. В 2003–2004 гг. занимал пост президента Российского еврейского конгресса (РЕК). Член Экспертного совета ПИР-Центра с 2004 г. Член Международной экспертной группы ПИР-Центра с 2006 г.

Суздальцев Андрей Иванович — заместитель декана факультета мировой экономики и мировой политики НИУ-ВШЭ. В 1983 г. окончил Дальневосточный государственный университет по специальности «история». В 1989 г. получил степень кандидата исторических наук в Академии труда. Работал в Беларуси с 1993 по 2006 г. Член экспертного совета Комитета Совета Федерации по делам Содружества Независимых Государств. Опубликовал более 1000 статей по проблемам российско-белорусских отношений, экономики, внешней политики, внешней и военной политики России.

Тренин Дмитрий Витальевич — директор Московского центра Карнеги. Окончил Военно-политическую академию имени Ленина (ныне — Военный Университет) в Москве в 1977 г. С 1984 г. — кандидат исторических наук (Институт США и Канады АН СССР). В 1972–1993 гг. служил в Вооруженных Силах СССР и РФ. В 1978–1983 гг. — офицер связи в отделе внешних сношений Группы советских войск в Германии (Потсдам). В 1983–1993 гг. — старший преподаватель Военного института. В 1985–1991 гг. — сотрудник делегации СССР на советско-американских переговорах по ядерным и космическим вооружениям в Женеве. В 1993 г. — старший научный сотрудник Военного колледжа НАТО, Рим. В 1993–1997 гг. — старший научный сотрудник Института Европы РАН. В 1993–1994 гг. — приглашенный профессор Свободного университета Брюсселя. В 1993–2008 гг. — председатель научного совета, ведущий научный сотрудник, председатель программы «Внешняя политика и безопасность» Московского центра Карнеги. Член Международного института стратегических исследований, Лондон. Член Российской ассоциации международных исследований. Член Совета по внешней и оборонной политике. Член Редакционной коллегии журнала «International Politics». Член Редакционного совета журнала «Балтийский путь» (Baltic Course). Член Попечительского совета Московской школы гражданского просвещения. Член Экспертного совета ПИР-Центра. Адрес электронной почты: dvtrenin@carnegie.ru

Трубников Вячеслав Иванович — член дирекции Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, старший научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН. Член Совета ПИР-Центра. Член Международного клуба *Триалог*. Генерал армии, Чрезвычайный и Полномочный посол, заслуженный сотрудник органов внешней разведки Российской Федерации, Герой Российской Федерации. В 1967 г. окончил МГИМО МИД СССР с дипломом референта по странам Востока. С 1967 г. работал в разведке. С 1973 г. член Союза журналистов. С января 1996 г. по май 2000 г. — директор Службы внешней разведки России. С 2000 по 2004 г. — первый заместитель министра иностранных дел РФ и специальный представитель (в ранге федерального министра) Президента РФ в странах СНГ. С 2004 по 2009 г. — Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации в Индии. Член Российского Совета по международным делам. Член Комиссии Евроатлантической инициативы в области безопасности (EASI). Член Научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации. Имеет правительственные награды: два ордена Красной Звезды, орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени, нагрудные знаки «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке», Почетная грамота Президента РФ (7 июля 2009 г.), медали, иностранные награды.

Федоров Юрий Евгеньевич — профессор Пражского муниципального университета. Член Совета ПИР-Центра, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Кандидат исторических наук, профессор. Член Чешской ассоциации международных исследований. Окончил физический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. В 1970–1973 гг. — аспирант ИМЭМО АН СССР. С 1969 по 1971 г. — младший научный сотрудник Института конкретных социологических исследований АН СССР. В 1971–1989 гг. прошел путь от младшего научного сотрудника до заведующего сектором в отделе проблем разоружения ИМЭМО. В 1989–1991 гг. — старший референт, руководитель группы Международного отдела ЦК КПСС. В 1991–2001 гг. — доцент, профессор кафедры политологии МГИМО МИД РФ. В 1995 г. читал лекции в King's College (Лондон) по программе исследований проблем безопасности в посткоммунистическом обществе. В 1998–2001 гг. — заведующий отделом военно-политических исследований в Институте США и Канады РАН. В 2001–2002 гг. — заместитель директора ПИР-Центра. С 2002 по 2003 г. — заместитель директора Института прикладных международных исследований. В 2003–2006 гг. — профессор кафедры политической теории, директор Центра исследований проблем войны и мира МГИМО (У) МИД РФ. Позднее работал в Королевском институте международных отношений (Chatham House, Лондон). Постоянный автор обзоров мировых процессов в журнале *Индекс Безопасности*. Адрес электронной почты: fedorov.yury@yahoo.com

Харитоновна Наталья Ивановна — преподаватель кафедры истории стран ближнего зарубежья исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент факультета национальной безопасности РАНХиГС при президенте РФ. Кандидат исторических наук. В 2005 г. окончила с отличием исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. С сентября 2004 г. по март 2009 г. — сотрудник ИАЦ МГУ, руководитель спецпроектов ИАЦ МГУ *Россия–Украина*, *Россия–Казахстан*, *Энергетическая безопасность на постсоветском пространстве*. С сентября 2005 г. — руководитель аналитического отдела ИАЦ МГУ. С мая 2007 г. — координатор проекта *Российско-Казахстанский экспертный клуб*. С июля 2007 г. по март 2009 г. — заместитель генерального директора ИАЦ МГУ. С января 2008 г. по март 2009 г. — директор аналитических программ ИАЦ МГУ–РГГУ. С мая 2009 г. — координатор *Объединенной евразийской экспертной сети (Joint Eurasian Expert Network, JEEN)*, в рамках которой ведет экспертную деятельность. Сфера научных интересов: современная политическая история стран ближнего зарубежья, энергетическая политика, этнополитология, теория и практика национально-государственного строительства, теории идеологии, проблемы безопасности,

негосударственные акторы международной политики. Адрес электронной почты: natahari@yandex.ru

Чебан Александр Яковлевич — специалист кафедры международных отношений Одесского национального университета имени И. И. Мечникова (Украина). Выпускник отделения международных отношений Одесского национального университета имени И. И. Мечникова. Участник всеукраинских и международных конференций по вопросам международной безопасности и ядерного нераспространения. Выпускник Международной летней школы ПИР-Центра по проблемам глобальной безопасности (2011). В 2012 г. проходил стажировку в ПИР-Центре, в 2013 г. работал в ПИР-Центре в качестве приглашенного научного сотрудника. Соредактор доклада ПИР-Центра *Перспективы международного сотрудничества в области нераспространения ОМУ и физической ядерной безопасности* (2013), автор статей в журнале *Индекс Безопасности*. Сфера научных интересов: нераспространение ОМУ, Ближний и Средний Восток, физическая ядерная безопасность, история развития ядерной энергетики. Адрес электронной почты: cheban_alx@mail.ru

Черненко Елена Владимировна — специальный корреспондент газеты *Коммерсантъ*. Выпускница исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (2005). Кандидат исторических наук. В 2003–2006 гг. была корреспондентом немецкой редакции и ведущей радиопередач РГРК *Голос России*. В разное время была корреспондентом газеты *Moskauer Deutsche Zeitung*, информационного агентства *EurActiv*, журнала *Русский Newsweek*. До сентября 2014 г. — обозреватель международного отдела газеты *Коммерсантъ*. Сфера научных интересов: информационная безопасность, нераспространение ОМУ, контроль над вооружениями и разоружение, развитие атомной энергетики. В 2013–2014 гг. — член Совета по устойчивому партнерству с Россией. Член Рабочей группы при Экспертном совете ПИР-Центра по международной информационной безопасности и глобальному управлению Интернетом с 2012 г. Адрес электронной почты: chernenko@kommersant.ru

Чижов Дмитрий Александрович — научный сотрудник Отдела военно-экономических исследований безопасности Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений РАН. Кандидат экономических наук. Обозреватель журнала *Деньги*, газеты *Коммерсантъ*. Выпускник Московского государственного открытого университета, факультета «Международные экономические отношения» (2006). Аспирант ИМЭМО РАН по специальности «военная экономика, оборонно-промышленный потенциал» (2007–2010). Выпускник Международной летней школы ПИР-Центра по проблемам глобальной безопасности (2011). Сфера научных интересов: мировой рынок вооружений и военной техники, военно-промышленный комплекс, авиационная промышленность, неядерные факторы ядерного разоружения, воздушно-космическая оборона. Адрес электронной почты: bk04@mail.ru

Шакер Мухамед — председатель Египетского совета по международным отношениям. Председатель Совета регионального института информационных технологий. Председатель Национального центра изучения современного Ближнего Востока. Член Совета Агентства по управлению АЭС. Выпускник юридического факультета Каирского университета 1955 г. В 1975 г. получил докторскую степень в области политологии Института международных исследований Университета Женевы. С 1956 г. сотрудник Министерства иностранных дел Египта. Как В качестве посла служил в ООН в Нью-Йорке в 1984–1986 гг., в Вене в 1986–1988 гг. и в Лондоне в 1988–1997 гг. Также посол Шакер был членом Совета управляющих МАГАТЭ и представителем генерального директора МАГАТЭ при ООН. С 1993 по 1998 г. являлся членом Консультативного совета Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения, в 1995 г. — председатель консультативного

совета. В 2001–2002 гг. — член экспертной группы ООН по вопросам разоружения и нераспространения.

фон Эггерт Константин — российский журналист, публицист, международный обозреватель радиостанции *Коммерсантъ FM*. В 1987 г. окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ. С 1987 по 1990 г. проходил службу в качестве переводчика в составе военной миссии в Йеменской Арабской Республике. С 1990 по 1992 г. работал корреспондентом в газете *Куранты*. Параллельно начал сотрудничать с радиостанцией *Эхо Москвы* как международный комментатор и ведущий программ. С 1992 по 1998 г. работал в газете *Известия*. Был сначала зарубежным корреспондентом, впоследствии — заместителем редактора по делам зарубежья. Работал на Ближнем Востоке, в Ираке, Иране, Таджикистане, Афганистане и на Балканах. С 1998 г. работал на Би-би-си. С 2002 по 2009 г. — главный редактор московского бюро Русской службы *Би-Би-Би*. Член Королевского института международных отношений в Лондоне. Член редколлегии журнала *Индекс Безопасности*. С 2010 г. — президент Клуба выпускников британских вузов. В 2008 г. был удостоен звания почетного члена гражданского подразделения ордена Британской империи от Ее Величества королевы Елизаветы II. В том же году президент Литвы Валдус Адамкус наградил его Командорским крестом ордена «За заслуги перед Литвой». Фейсбук: *konstantin.voneggert*

Эльдин Аднан Шихаб — генеральный директор Кувейтского фонда по улучшению наук. Советник и член Кувейтского национального комитета по атомной энергии. Советник по вопросам энергетики в *Шлумбергер Бизнес консалтинг*. Член Совета попечителей Американского университета в Кувейте и Женевского центра исследований Персидского залива. Окончил Университет Калифорнии в Беркли со степенью бакалавра наук в области электротехники, магистра и доктора в области ядерной инженерии. С 1999 по 2001 г. — директор отдела Африки, Восточной Азии и Тихого океана, Департамент технического сотрудничества МАГАТЭ. До этого был директором регионального бюро ЮНЕСКО по науке и технике (Каир), и представителем ЮНЕСКО в Египте, Судане и Йемене. С 1976 по 1986 г. он был генеральным директором Кувейтского института научных исследований, одновременно работая проректором по учебной работе в Кувейтском университете до 1980 г.

ПИР-ЦЕНТР

(по состоянию на 1 марта 2015 г.)

Андрей А. **Баклицкий**, директор программы «Россия и ядерное нераспространение»

Евгений П. **Бужинский**, к.в.н., генерал-лейтенант, председатель Совета

Олег В. **Демидов**, консультант

Дмитрий Г. **Евстафьев**, к.п.н., член Совета

Вячеслав А. **Зайцев**, главный бухгалтер

Альберт Ф. **Зульхарнеев**, исполнительный директор

Галия Р. **Ибрагимова**, к.п.н., консультант

Наталья И. **Калинина**, д.м.н., член Совета

Джейкоб **Коаквэлл**, стажер

Дмитрий А. **Ковчегин**, консультант

Вадим Б. **Козюлин**, к.п.н., старший научный сотрудник

Александра В. **Куликова**, координатор программы «Глобальное управление интернетом и международная информационная безопасность»

Василий Ф. **Лата**, д.в.н., генерал-лейтенант, консультант

Евгений П. **Маслин**, генерал-полковник, член Совета

Владимир А. **Мау**, д.э.н., член Совета

Владимир А. **Орлов**, к.п.н., директор Центра и член Совета

Брайан **Прис**, стажер

Галина Д. **Рассказова**, бухгалтер

Екатерина С. **Сизикова**, координатор проектов

Максим В. **Старчак**, помощник главного редактора журнала *Индекс Безопасности*

Екатерина А. **Степанова**, д.п.н., член Совета

Вячеслав И. **Трубников**, генерал армии, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета

Юрий Е. **Федоров**, к.и.н., член Совета

Александра В. **Чепелева**, координатор базы данных

Дмитрий В. **Шихов**, стажер

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА

(по состоянию на 1 марта 2015 г.)

Аргуэльо Ирма, основатель и руководитель, Фонд нераспространения во имя глобальной безопасности, Буэнос-Айрес, Аргентина (с 2010 г.)

Бужинский Евгений Петрович, к.в.н., генерал-лейтенант, старший вице-президент, ПИР-Центр, Москва, Россия (с 2010 г.)

Джаятиллека Дайан, посол, профессор, Университет Коломбо, Коломбо, Шри-Ланка (с 2008 г.)

Дуарте Сержио, посол, высокий представитель Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения (2007–2012), Белу-Оризонте, Бразилия (с 2012 г.)

Дунай Пал, руководитель программы по международной безопасности, Женевский центр политики безопасности, Будапешт, Венгрия (с 2010 г.)

Злобин Николай Васильевич, президент, Центр глобальных интересов, Вашингтон, США (с 2014 г.)

Каравели Халил, руководитель проекта по Турции, Институт по изучению Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса, Анкара, Турция (с 2010 г.)

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., генеральный директор, Российский совет по международным делам, Москва, Россия (с 2006 г.)

Макгетланенг Сехларе, д-р, директор, Программа государственного управления и демократии, Южноафриканский институт африканских исследований, Претория, ЮАР (с 2012 г.)

Сагер Абдулазиз, основатель и председатель, Исследовательский центр Залива, президент, Sager Group Holding, Джидда, Саудовская Аравия (с 2012 г.)

Санаи Мехди, доктор политологии, Чрезвычайный и Полномочный Посол, посольство Исламской Республики Иран в Российской Федерации (с 2011 г.)

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия (с 2006 г.)

Толипов Фарход Фазилович, к.п.н., директор негосударственного научно-образовательного учреждения *Билим карвони (Караван знаний)*, Ташкент, Узбекистан (с 2010 г.)

Тян Чун-Шэн, профессор, заместитель директора, Китайская ассоциация экономических исследований России и Центральной и Восточной Европы, Пекин, КНР (с 2011 г.)

Унникришнан Нандан, вице-президент, старший научный сотрудник Центра по международным вопросам, Фонд *Observer*, Дели, Индия (с 2010 г.)

Фетоури Мустафа, независимый исследователь, Триполи, Ливия (с 2013 г.)

Эггерт Константин фон, журналист, Москва, Россия (с 2006 г.)